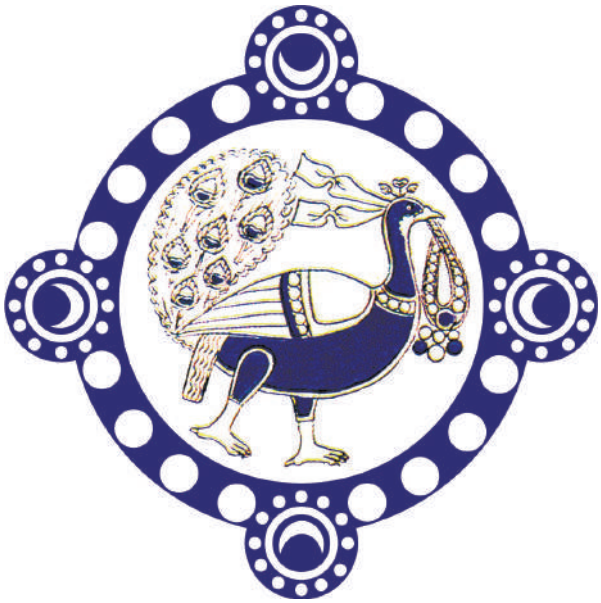
O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI MADANIY MEROS AGENTLIGI
Y. G‘ULOMOV NOMIDAGI SAMARQAND ARXEOLOGIYA INSTITUTI

O‘ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

№ 1

SAMARQAND – 2024

ISSN 2181-032X
№ 1 2024

ЎЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ

Бош муҳаррир:
Саидов Муминхон Мунир ўғли

Бош муҳаррир ўринбосари:
Пардаев Мухторкул
Ҳасанович

Масъул котиб:
Искандерова Айсулу
Джапбарбергеновна
Сандибоев Алишер
Назарбекович

Таҳририят кенгаши:
Т. Ш. Ширинов (Кенгаш раиси)
А. А. Асқаров
Б. А. Байтанаев (Қозоғистон)
А. С. Сагдуллаев
Франц Грене (Франция)
К. А. Абдуллаев
А. А. Анарбаев
В. А. Алёкшин (Россия)
Б. Женито (Италия)
Ван Жианхин (Хитой)
А. И. Кривошапкин (Россия)
Ф. А. Мақсудов
А. Наймарк (АҚШ)
Б. Ҳ. Матбобоев
С. Мантеллини (Италия)
А. А. Раимкулов
Р. Ранте (Франция)
Б. Қ. Сайфуллаев
С. Старк (АҚШ)
А. Г. Ситдиков (Россия)
Р. Х. Сулаймонов
К. Табалдиев (Қирғизистон)
Х. Терамура (Япония)
Н. У. Холматов
Ш. Б. Шайдуллаев

Таҳририят аъзолари:
А. Х. Атаходжаев
А. Э. Бердимуродов
А. Х. Бегматов
Г. И. Богомолов
Ж. К. Мирзаахмедов
М. А. Реутова
К. А. Раҳимов
А. Н. Холматов

Главный редактор:
Саидов Муминхон Мунир угли

Заместитель главного редактора:
Пардаев Мухторкул
Хасанович

Ответственный секретарь:
Искандерова Айсулу
Джапбарбергеновна
Сандибоев Алишер
Назарбекович

Редакционный Совет:
Т. Ш. Ширинов (Председатель)
А. А. Аскаров
Б. А. Байтанаев (Казахстан)
А. С. Сагдуллаев
Франц Грене (Франция)
К. А. Абдуллаев
А. А. Анарбаев
В. А. Алекшин (Россия)
Б. Дженито (Италия)
Ван Жианхин (Китай)
А. И. Кривошапкин (Россия)
Ф. А. Максудов
А. Наймарк (США)
Б. Х. Матбабаев
С. Мантеллини (Италия)
А. А. Раимкулов
Р. Ранте (Франция)
Б. К. Сайфуллаев
С. Старк (США)
А. Г. Ситдиков (Россия)
Р. Х. Сулейманов
К. Табалдыев (Кыргызстан)
Х. Терамура (Япония)
Н. У. Холматов
Ш. Б. Шайдуллаев

Редакционная коллегия:
А. Х. Атаходжаев
А. Э. Бердимурадов
А. Х. Бегматов
Г. И. Богомолов
Дж. К. Мирзаахмедов
М. А. Реутова
К. А. Рахимов
А. Н. Холматов

Executive Secretary:
Iskanderova Aysulu
Djapbarbergenovna
Sandiboev Alisher
Nazarbekovich

Editorial Board:
T. Sh. Shirinov (Chairman)
A. A. Askarov
B. A. Baytanaev (Kazakhstan)
A. S. Sagdullaev
F. Grenet (France)
K. A. Abdullaev
A. A. Anarbaev
V. A. Alekshin (Russia)
B. Genito (Italy)
Wang Zhianhin (China)
A. I. Krivoshapkin (Russia)
F. A. Maksudov
A. Naymark (USA)
B. Kh. Matbabaev
S. Mantellini (Italy)
A. A. Raimkulov
R. Rante (France)
B.K. Saifullaev
S. Stark(USA)
A. G. Sitdikov (Russia)
R. Kh. Suleymanov
K. Toboldiyev (Qirg‘izistan)
H. Teramura (Japan)
N. U. Kholmatov
Sh. B. Shaydullaev

Editorial Board:
A. Kh. Atakhodjaev
A. E. Berdimuradov
A. Kh. Begmatov
G. I. Bogomolov
D. K. Mirzaakhmedov
M. A. Reutova
K. A. Rakhimov
A. N. Kholmatov

Таҳририят манзили: 140151. Самарқанд шаҳри, В. Абдуллаев кўчаси, 3 уй
Телефон: (366) 232-27-75,
Е-маил: archeologyruz2022@gmail.com; http://archeouz.com
Йилда 2 марта чиқади

© Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти

МУНДАРИЖА

МАҚОЛАЛАР

Владимир Рузанов
Илк металл даврида Жанубий Фарғонанинг баъзи металл буюмларининг техник ва типологик ўзига хослиги..... 6

Боқижон Матбобоев
Фарғона водийсини илк темир даври саклар муаммоси..... 17

Бахтиёр Абдуллаев
Эйлатон маданиятида кўмиш маросимининг давомийлиги тўғрисида..... 23

Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк
Иккита илк суғдий кумуш тангаларининг янги типи (милодий III аср охирги чораги – IV аср бошлари)..... 40

Бахыт Турганов
Хоразмнинг ўрта аср бронза кўзгулари..... 60

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИЛАР

Азизхон Торениязов, Сергей Болелов, Абдулла Мамедов
Катта Қирққиз қалъасининг «шарқий ёншаҳар атрофи»..... 72

Замира Кораева
Бодхи дарахт меваларидан ясалган мунчоқларда буддавийлик сиймосини акс этиши (Мунчоқтепа I некрополи материаллари асосида..... 89

Исламбек Ходжалепесов
Оролбўйи ҳудудидаги археологик қазишмаларда топилган ўсимлик уруғларини спектрал таҳлили натижалари..... 98

ЮБИЛЯРИМИЗ

Богомолов Геннадий Игорьевич 70 ёшда..... 113

Бердимуродов Амриддин Эргашович 70 ёшда 116

Хўжаназаров Муҳиддин Мустафоқулович 70 ёшда..... 119

Раимқулов Абдисабур Аззамович 65 ёшда..... 122

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Владимир Рузанов
Техническое и типологическое своеобразие некоторых металлических изделий Южной Ферганы в эпоху раннего металла 6

Бокижон Матбабаев
К проблеме саков Ферганы раннежелезного века 17

Бахтиёр Абдуллаев
О преемственности погребального обряда эйлатанской культуры 23

Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк
Две серебряные раннесогдийские монеты нового типа (последняя четверть III – начало IV вв. н. э.) 40

Бахыт Турганов
Бронзовые зеркала в средневековом Хорезме 60

ТРИБУНА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Азизхан Тореniязов, Сергей Болелов, Абдулла Мамедов
«Восточный пригород» городища большая Кырк-кыз-кала 72

Замира Кораева
Отражение символики буддизма на примере бус из плодов дерева Бодхи (по материалам некрополя Мунчактепа I) 89

Исламбек Ходжалепесов
Результаты спектрального анализа растительных семян, найденных при археологических раскопках на территории Приаралья 98

ЮБИЛЯРЫ

Богомолову Геннадию Игоревичу 70 лет 113

Бердимурадову Амриддину Эргашевичу 70 лет..... 116

Хужаназарову Мухиддину Мустафакуловичу 70 лет 119

Раимкулову Абдусабуру Аззамовичу 65 лет 122

CONTENT

ARTICLES

Vladimir Ruzanov
The Technical and Typological Originality of Some Metal Products of Southern Fergana in the Early Iron Age 6

Bokijon Matboboev
On the Problem of the Saka of Fergana during the Early Iron Age 17

Bakhtiyor Abdullaev
On the Continuity of the Funeral Rite in Eilatan Culture 23

Anvar Atakhodjaev, Aleksandr Naymark
A New Type Sogdian Silver Coins from the Late 3rd – Early 4th CE 40

Bakhyt Turganov
Bronze Mirrors in the Medieval Khorezm 60

YOUNG RESEARCHERS FORUM

Azizkhan Toreniyazov, Sergey Bolelov, Abdulla Mamedov
«Eastern Suburb» of the Big Kyrk-kyz-kala city 72

Zamira Koraeva
Reflection of the symbolism of Buddhism through the Example of Beads Made from the Fruits of the Bodhi Tree (Based on Materials from the Necropolis of Munchaktepa I) 89

Islambek Khodjalepesov
The Results of Spectral Analysis of Plant Seeds Found during Archaeological Excavations in the Aral Sea Region 98

ANNIVERSARY HONOREES

Gennady Igorevich Bogomolov: A 70th Anniversary Tribute 113

Berdimurodov Amriddin Ergashovich: A 70th Anniversary Tribute..... 116

Khuzhanazarov Muhiddin Mustafakulovich: A 70th Anniversary Tribute 119

Raimkulov Abdusabur Azzamovich: A 65th Anniversary Tribute 122

МАҚОЛАЛАР

СТАТЬИ ARTICLES

ТЕХНИЧЕСКОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НЕКОТОРЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ЮЖНОЙ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

© 2024. Владимир Рузанов

Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: механическая дрель, кельт-лопата, тяпка-теша, рукоять, ручка, технология.

В статье рассматриваются землеобрабатывающие орудия (кельты-лопаты) и механическая дрель, найденные в Южной Киргизии. Датируются предметы концом, возможно, второй половиной III – первыми столетиями II тыс. до н.э. Серия кельтов-лопат энеолитического времени малочисленна: всего 2 экз. Из них одно орудие обнаружено в могильнике древневосточного типа Шагым, второе – случайная находка в с. Базар-Курган. Позднее ареал распространения кельтов-лопат расширяется и охватывает Западный Китай (Синьцзян), Северный Узбекистан, Северную Киргизию, Юго-Восточный Казахстан. В южных культурно-исторических областях на Древнем Востоке такие орудия отсутствуют. В эпоху раннего металла местные земледельцы проводили обработку земли с помощью тяпки-теши. Механическая дрель из могильника Шагым – единственная находка в Средней Азии. Ее открытие расширяет ассортимент инструментов, которыми пользовались мастера в эпоху раннего металла, позволяет воссоздать процесс изготовления рукояти для ножей и шильев, делавших орудия эффективными, удобными и безопасными в употреблении. Как мы полагаем, дрель использовалась также в изготовлении древка для стрел и ручек копий. В качестве сырья в областях с богатой растительностью мастера использовали дерево, а в районах с обедненной растительностью, кроме импортного дерева, применялись трубчатые кости животных.

ИЛК МЕТАЛЛ ДАВРИДА ЖАНУБИЙ ФАРҒОНАНИНГ БАЪЗИ МЕТАЛЛ БУЮМЛАРИНИНГ ТЕХНИК ВА ТИПОЛОГИК ЎЗИГА ХОСЛИГИ

© 2024. Владимир Рузанов

Я. Ғуломова номидаги Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: механик парма, келт-белкурак, теша, тутқич, даста, технология.

Мазкур мақолада Жанубий Қирғизистонда топилган ерга ишлов бериш асбоби бўлган келт-белкураги ва механик парма ҳақида маълумот берилган. Бу каби буюмлар мил. авв. III минг йилликнинг иккинчи ярми - II минг йилликнинг бошларига тўғри келади. Маълумки, энеолит даврига оид бўлган келт-белкуракларининг сони 2 тани ташкил этиб, уларнинг бири Шағим қабристонидан, иккинчиси эса Бозорқўрғон қишлоғидан тасодифан топилган. Кейинроқ келт-белкураклари тарқалиши кенгайиб, Шарқий Хитой (Синьцзян), Шимолий Ўзбекистон, Шимолий Қирғизистон ва Жануби-Шарқий Қозоғистонни қамраб олган. Қадимги Шарқнинг жанубий маданий-тарихий ҳудудларида бундай асбоблар учрамайди. Илк металл даврида бу ҳудудларда деҳқонлар ерга тешалар ёрдамида ишлов берганлар. Шағим қабристондан топилган механик парма Марказий Осиёдаги ягона топилма ҳисобланади. Бу топилмадан илк металл даври ҳунармандлари пичоқ

ва бигизларнинг тутқичларни тайёрлашда фойдаланганлар. Шунингдек, механик парма ўқ ва найза дасталарини тайёрлашда ҳам ишлатилган. Бунда ўсимликларга бой ҳудудларда ҳунармандлар хом ашё сифатида дарахтни, ўсимликлар кам бўлган ҳудудларда эса дарахтдан ташқари ҳайвонларнинг суякларини ҳам ишлатганлар.

Могильник Шагым находится в 4,5 км к юго-западу от г. Узген в Кара-Суйском районе в Ошской области (Южная Киргизия). Здесь во время разработки карьера для добычи строительной глины на глубине 2,4 м рабочими были обнаружены остатки коллективных захоронений с керамикой, металлическим инвентарем, каменными орудиями и сосудами. Проведенные в 2005 г. раскопки памятника вскрыли 5 могил, из которых 3 захоронения оказались полностью разрушенными. Ранее исследователями была выдвинута предварительная версия, согласно которой появление памятника связано с проникновением в первой половине II тыс. до н.э. групп племен сапаллинской культуры с юга Узбекистана на юг Ферганы (Аманбаева и др. 2006: 256–257). В свете результатов типологических и химико-металлургических исследований металлических изделий данная идея не представляется бесспорной. По полученным результатам можно высказать другое предположение, указывающее на генетическую связь памятника с энеолитическим поселением Саразм, расположенным в верхнем бассейне р. Заравшан (Таджикистан). По нашему мнению, могильник может быть датирован концом, возможно, второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (Рузанов, Рогожинский 2018: 8).

Металлическую коллекцию из Шагыма составляют немногим более десятка изделий – орудия труда, украшения и предметы туалета, которые были рассмотрены в предыдущих публикациях. Среди них наибольший интерес представляют кельт-лопата и механическая дрель. Кельты-лопаты не характерны для культур древневосточного типа и встречаются в памятниках самусько-кижировского типа в эпоху бронзы (Черных, Кузьминых 1980, рис. 5, 11, 21: 261). Касательно механической дрели, то данная находка, насколько нам известно, единственная не только в Средней Азии, но и в ближнем зарубежье. Прочие металлические предметы, найденные в могильнике, находят аналогии и параллели в двулезвийных ножах-кинжалах, щитковидных булавках с лопаточковидной головкой и круглых зеркалах без ручки, известных в памятниках Древнего Востока эпохи палеометалла.

Кельт-лопата литой, грушевидной формы с выступающей втулкой (рис. 1: 1)[1]. Подобные орудия известны в памятниках степной бронзы в Северной Киргизии, Юго- Восточном Казахстане, Западной Сибири, на севере Средней Азии (рис. 2), а также в провинции Синьцзян в Китае. Вещи относятся ко второй четверти II – первой половине I тыс. до н. э. (Тереножкин 1950, табл. XVI. 96: 153; Литвинский и др. 1962: 216; Кузьмина 1966: 24; Заднепровский 1992: 123–124; Wen 1981).

По материалам комплекса могильника Кермуки (провинция Синьцзян, Китай), содержащего литейную форму для отливки кельтов-лопат и датированного первой третью II тыс. до н. э., Ю. А. Заднепровским предложена версия о китайском происхождении кельтов-лопат (Заднепровский 1992: 124). Однако, согласно данным типологических и химико-металлургических исследований, выявлен хронологический приоритет (конец, возможно, вторая половина III – первые столетия II тыс. до н. э.) существования данных земледельческих орудий в Южной Киргизии, в сравнении с Синьцзяном (первая треть II тыс. до н. э.). Поэтому мы можем высказать версию об их связи с местным металлообрабатывающим производством, функционировавшим на юге Кыргызстана (Рузанов, Рогожинский 2018: 8). Позднее во второй половине II тыс. до н.э. в среднеазиатском регионе налаживается производство кельтов-лопат с плечиками, расположенными по обе стороны втулки в верхней части клин-

[1] Еще одна кельт-лопата (рис. 1: 2) случайно найдена в современном селении Базар-Курган, расположенном в 50 км к северу от могильника Шагым. Размеры орудия: общая длина – 11,6 см, длина втулки – 7,1 см, внешний диаметр втулки достигает 3,7 см, внутренний равен 2,5 см; ширина в широкой части клинка равна 9,6 см, в узкой – 3,6 см.

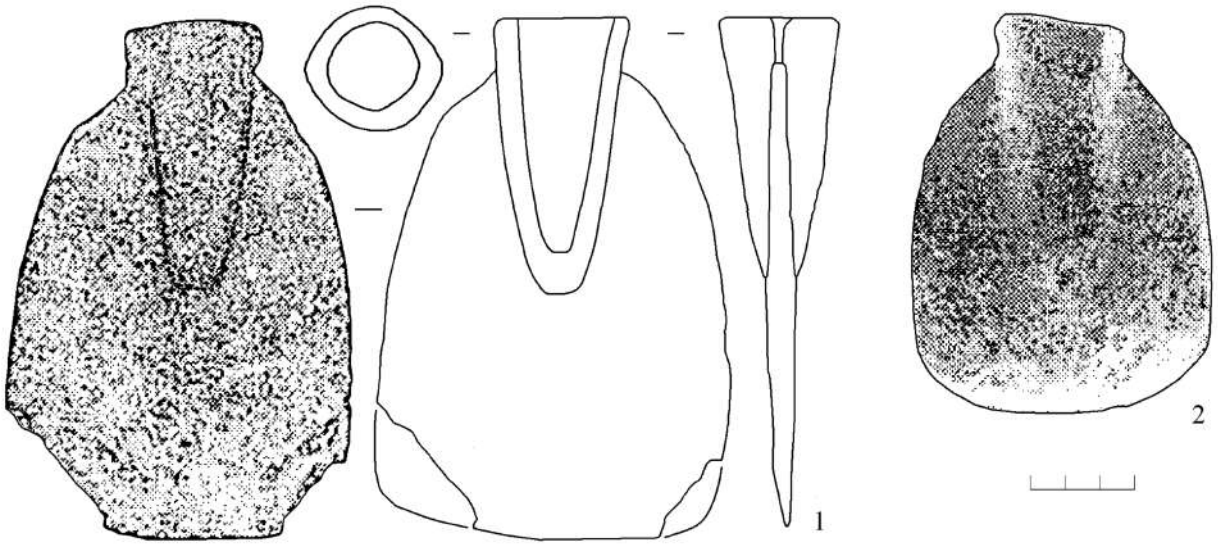

Рис. 1. Кельты-лопаты.
1 – могильник Шагым, 2 – селение Базар-Курган (по Аманбаевой и др., 2006).

1-расм. Кельт – кураклар.
Топилмалар: 1 – Шагим мозорқўрғони, 2- Бозорқўрғон қишлоғи
(Аманбаева ва бошқалар бўйича, 2006).

Fig. 1. Celts-spades
1 – burial ground Shagym, 2 – village Bazar-Kurgan (according to Amanbayeva et al., 2006).

ка. Е. Е. Кузьмина, подразделившая данные орудия на два типа (I тип с опущенными от втулки вниз плечиками и II тип с приподнятыми от втулки кверху плечиками), придавала им хронологическое значение. По ее мнению, кельты-лопаты первого типа существовали в карасукское время, второго могут быть отнесены к более раннему периоду и датированы третьей четвертью II тыс. до н. э. (Кузьмина 1966: 25). Отметим, что вместе с ними изготавливались кельты-лопаты с прямыми плечиками, которые в разработках Е.Е. Кузьминой остались типологически невыделенными и хронологически неопределенными. Кроме того, среди них встречаются экземпляры с асимметричными в плане, повернутыми друг к другу, плечиками (рис. 2: 6, 7), что, видимо, обусловлено литейным браком.

Отметим, что у некоторых кельтов-лопат втулка орнаментирована валиком разной ширины, иногда имитировавшим на боковых гранях клинка псевдо-ушки. Клинки других орудий украшены крестами и елочкой. Вместе с ними встречаются неорнаментированные образцы.

В отличие от кельтов-лопат, найденных в северных районах Средней Азии и Восточном Казахстане, у кельтов-лопат из Южной Киргизии плечики отсутствуют. Учитывая более ранний возраст шагымской находки можно полагать, что изначально была заложена идея использования кельта-лопаты как ручного орудия. Позже в эпоху бронзы в конструкции земледельческих орудий происходят перемены – в верхней части клинка по обе стороны втулки мастера отливают плечики. Теперь кельт-лопата употребляется в новом качестве, как ножное орудие. Можно полагать, что в сравнении с ручными кельтами-лопатами последние были более эффективными и удобными.

На юге Средней Азии земледельческие племена в древности проводили обработку земли с помощью тяпки-теши (рис. 2: 9–14). В отличие от северных орудий, снабженных вертикальной к лезвию втулкой, южные имеют отверстие, расположенное параллельно лезвию (рис. 2). В Средней Азии тяпки-теши найдены в древневосточных памятниках в Южной

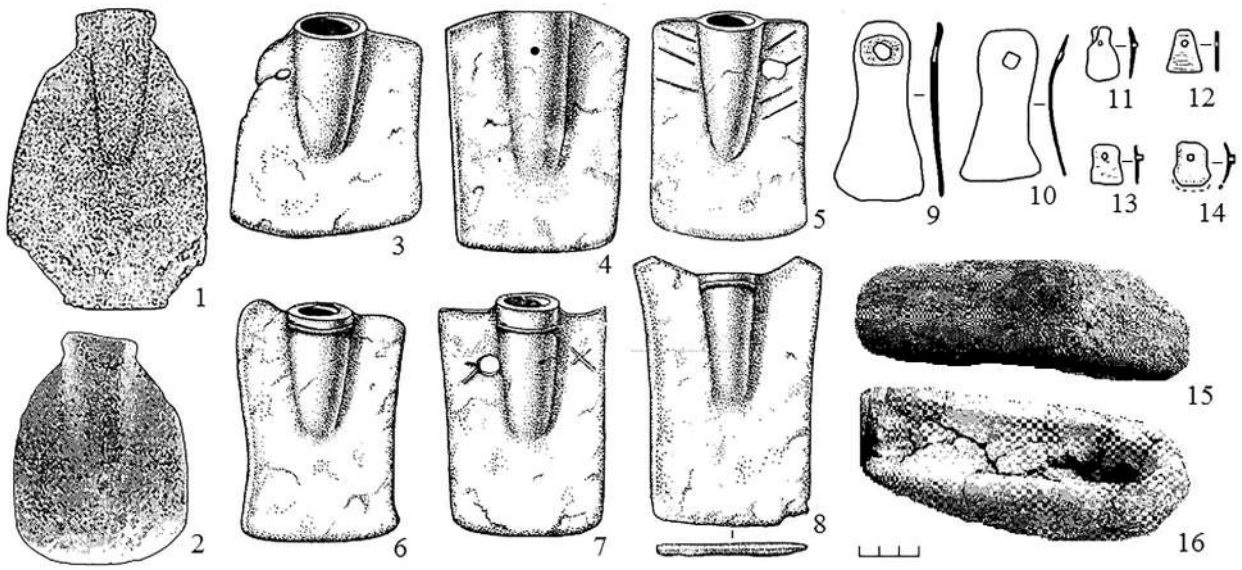

Рис. 2. Кельты-лопаты (1–8), тяпки-теши (9–10), в том числе вотивные (11–14), глиняные створка (16) и крышка (15) литейной формы для отливки тяпок-тешей. 1, 2 – могильник Шагым и селение Базар-Курган, Южная Киргизия (по Б. Э. Аманбаевой и др., 2006); 3 – Кант; 4 – Сырдарьинская область; 5 – Ивановское; 6 – Ново-Павловка; 7 – Бешкек; 8 – Ринджитам (север Средней Азии) (по Е. Е. Кузьминой, 1966); 9, 10 – поселение Сапаллитепе (по А. А. Аскарову, 1977); 11–13 – могильник Джаркутан 4 (находки В. И. Ионесова); 14 – могильник Бустан 6, Южный Узбекистан (по Н. А. Аванесовой, 2010); 15, 16 – поселение Гонур, Южная Туркмения (по Н. А. Дубовой, 2010 и О. А. Папахристу, 2010).

2-расм. Кельт-кураклар (1-8), тешалар (9-10), шу жумладан кичик ҳажмли буюмлар (11-14), қолипнинг лой қобиғи (16) ва қопқоғи (15). 1, 2 – Шағим мозоқўрғони ва Бозорқўрғон қишлоғи, Жанубий Қирғизистон (Б. Е. Аманбаева ва бошқ. бўйича, 2006 й.); 3 – Кант; 4 – Сирдарё вилояти; 5 – Ивановское; 6 – Ново-Павловка; 7 – Бишкек; 8 – Ринжитам (Ўрта Осиё шимолида) (Е. Е. Кузьмина бўйича, 1966 й.); 9, 10 – Сополлитепа (А. А. Асқаров бўйича, 1977 й.); 11-13 – Жарқўтон 4 (В. И. Ионесов топилмалари); 14 – Бўстон мозоқўрғони, Жанубий Ўзбекистон (Н. А. Аванесова бўйича, 2010); 15, 16 – Гонур, Жанубий Туркманистон (Н. А. Дубова, 2010 ва О. А. Папахристулар бўйича, 2010).

Fig. 2. Celts-spades (1-8), choppers (9–10), including votive ones (11–14), clay casement (16) and lid (15) of the casting mold for choppers. 1, 2 – burial ground Shagym and village Bazar-Kurgan, Southern Kyrgyzstan (according to B. E. Amanbayeva et al., 2006); 3 – Kant; 4 – Syrdarya region; 5 – Ivanovskoye; 6 – Novo-Pavlovka; 7 – Beshkek; 8 – Rinjitam (north of Central Asia) (according to E. E. Kuzmina, 1966); 9, 10 – Sapallitepe (according to A. A. Askarov, 1977); 11-13 – b.g. Dzharkutan 4 (finds of V. I. Ionesov); 14 – burial ground Bustan 6, Southern Uzbekistan (according to N. A. Avanesova, 2010); 15, 16 – Gonur, South Turkmenistan (according to N. A. Dubova, 2010 and O. A. Papakhristou, 2010).

Туркмении (Сарианиди, Дубова 2008, рис. 10; 12; 21; Папахристу 2010, рис. 2: 4, 11; 4: 1–3, 5) и Южном Узбекистане (Аскаров 1977, табл. XXI: 2; XXXII: 1; Аванесова 2010, рис. 11: 9; Рузанов 2013, рис. 3)[2]. Встречаются они в Афганистане (Casal, 1961, fig. 139: 9; Сарианиди, 1977, рис. 35: 1) и на прилегающих к Средней Азии других территориях. Южнотуркменские литейщики отливали тяпки-теши в двустворчатых глиняных литейных формах (рис. 2: 15, 16; Дубова 2010, рис. 12; Папахристу 2010, рис. 21). Датируются находки II тыс. до н. э.

Таким образом, в Средней Азии и на прилегающих к ней с севера и юга территориях в эпоху раннего металла можно выделить две культурно-исторические зоны – северную и южную, где население проводило вспашку и орошение земельных участков с помощью специальных

[2] В южных культурах, наряду с изделиями данного вида орудий реального размера, изготавливались маленькие копии (рис. 2: 11–14), названные в археологической литературе вотивными, которые имели ритуальное значение.

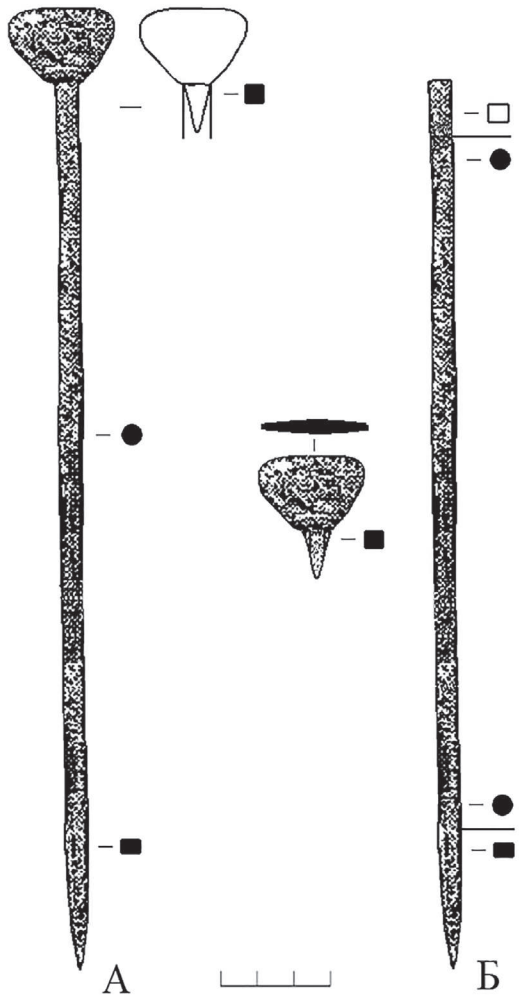

Рис. 3. Механическая дрель.
А – по Аманбаевой и др. (2006).
Б – составные части дрели – короткое и длинное сверла. Разделительная линия – граница перехода вверху от четырехгранной в сечении слепой втулки к круглому сечению стержня, внизу от круглого к прямоугольному сечению стержня.

3 расм. Механик парма
А – Аманбаева ва бошқалар бўйича (2006).
Б – парма қисмлари – қисқа ва узун бурғулар. Юқориси тўртбурчак шаклидаги зўғотали тўрт қиррали, пастки қисми учбурчаксимон шаклда.

Fig. 3. A mechanical drill.
A – according to Amanbayeva et al. (2006).
B – components of a drill – short and long drills. The dividing line is the boundary of the transition at the top from the four–sided blind sleeve to the round section of the rod, at the bottom from the round to the rectangular section of the rod.

орудий. На севере, в юго-восточной части Ферганской долины в эпоху энеолита и, видимо, ранней бронзы (вторая половина III – первая половина II тыс. до н.э.) в качестве ручных орудий применялись кельты-лопаты без плечиков. Позднее, во второй половине II тыс. до н.э., ареал распространения кельтов-лопат расширяется в северном направлении, охватывая культуры степной бронзы. В это время происходят изменения в конструкции орудий: появляются двусторонние плечики, позволяющие использовать их в качестве ножных орудий[3].

Примерно в то же самое время на юге среднеазиатского региона земледельцы древневосточных культур для обработки земли используют тяпку-тешу. Примечателен тот факт, что, как на юге, так и на севере рассмотренной территории формирование землеобрабатывающих орудий происходит в одном и том же периоде – в эпоху энеолита.

Спектроаналитические исследования металлических изделий могильника Шагым и случайно найденного в Базар-кургане кельта-лопаты позволяют сделать следующие выводы[4]. Главным типом сплава в металлообработке племен в Южной Киргизии в эпоху энеолита служила чистая медь. Иногда литейщики использовали мышьяковую и мышьяково-сурьмяную бронзы. Отсутствие на данной территории запасов меди и полиметаллов приводит к формированию только металлообрабатывающего производства, которое базируется на импортном металле, поступавшем из Ирана, Афганистана и Западного Узбекистана. Интересно отметить, что добыча меди в Иране с подобным химическим составом проводилась в северо-восточных месторождениях страны горняками пархай-сумбарского очага металлургии, функционировавшего в конце IV – в начале II тыс. до н.э. в Юго-Западной Туркмении (Рузанов, 2013: 90–95). Кроме того, население, оставившее могильник Шагым, употребляло металл

[3] За недостаточностью аналитического материала мы не будем делать малообоснованных заключений о том, население каких культур принимало участие в создании плечиковых кельтов-лопат, когда конкретно и при каких обстоятельствах происходил этот процесс.

[4] Результаты спектральных и типологических анализов предметов и сделанные по ним версии происхождения и хронологии древнейшей металлообработки Южной Киргизии (по материалам Шагыма) освещены в печати (Рузанов, Рогожинский 2018: табл. I: 7–8).

(химическая группа ЮС Iб-ВУ), выплавленный в полиметаллических месторождениях Кызылкумских гор в Западном Узбекистане.

К сожалению, химический состав кельта-лопаты из Шагыма спектрально не изучен. Удалось проанализировать лишь базар-курганское орудие. Оно отлито из меди химической группы ЮС Iа, добытой в одном из полиметаллических месторождений Афганистана. Таким металлом часто пользовались древневосточные племена Центрального и Восточного Ирана, Северного (возможно, и других районов) Афганистана и южных культурно-исторических областей Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (Рузанов 2013: 85). Ранее в среднеазиатском регионе химически сходные изделия были зафиксированы в памятниках культуры Заманбаба и поселении Саразм. Ныне такая же медь обнаружена в Южной Киргизии. Мы полагаем, что ее появление связано с передвижением на север древневосточных племен, скорее всего, выходцев из Саразма. Базар-курганская кельт-лопата морфологически близка шагымскому орудию, и можно было бы говорить о существовании единого центра их производства. Однако в металлической коллекции Шагыма медь химической группы ЮС Iа не установлена. Забегая вперед, укажем, что остаются неопределенными рудные источники металла, из которого сделаны детали механической дрели, обнаруженной в том же могильнике. Для решения всех этих проблем необходимо провести дополнительные анализы находок.

Механическая дрель состоит из двух частей (рис. 3)[5]. Первая сделана в виде плоского щитка подтреугольной формы, шириной 3 см и высотой 1,5 см, с исходящим из него стержнем, имеющим квадратное сечение шириной 0,5 см. Длина стержня равна 1 см, конец заострен. Как мы полагаем, данная деталь выполняла функции сверла.

Вторая часть представляет собой стержень длиной 25 см с разным сечением: квадратным, круглым (диаметр 0,6 см) и прямоугольным (максимальная ширина 0,5 см). С одной стороны конец стержня венчает квадратная в сечении слепая втулка шириной 0,6 см и длиной 1,1 см, с другой - конец заострен.

В момент обнаружения предмета верхнее сверло было вложено в полость втулки. Отметим, что вместе они образуют единый инструмент с длинным сверлом, выполняющим функцию механической дрели для высверливания втулки[6].

При изучении металлических изделий эпохи раннего металла, найденных в памятниках Ферганской долины, Ташкентской области и зарубежных областей, обращает на себя внимание тот факт, что все черенковые орудия лишены рукояти и ручки. Вместе с тем, насыщенность коллекций ножами и шильями с «раздетыми» черенками предполагает их наличие, делавшее удобным и безопасным применение орудий. Думается, что в древности в качестве исходного материала для изготовления рукояти и ручки на рассмотренной территории и за рубежом использовалась главным образом древесина. Этому способствовал ряд факторов: легкая и довольно быстрая обработка такого сырья, его дешевизна, наконец, отсутствие в нем дефицита в северных областях среднеазиатского региона, например, в горных районах, обычно покрытых древесной растительностью.

Вместе с тем следует упомянуть о недостатке такого материала, в частности, слабой устойчивости к окружающей среде, обладающей агрессивными свойствами, приводившими к разрушению и утрате деревянных поделок. Причиной тому является воздействие разных по степени своей растворимости солевых образований, содержащихся в грунтовых водах (среди них к легкорастворимым относятся соли сульфатов и хлоридов). Поэтому при обследовании

[5] Металлографические анализы изделий из Шагыма не проводились. Исходя из визуальных наблюдений, можно предложить следующие версии техники изготовления деталей инструмента. Наличие слепой втулки на конце длинного стержня указывает на то, что данная деталь литая. Касательно короткого сверла с щитком в виде подтреугольного плоского навершия – его могли сделать либо путем литья, либо оно было отковано из одной и той же заготовки. Пайка сверла к щитку исключена из-за отсутствия следов припоя.

[6] Ранее было высказано предположение, что в древности данное изделие человек мог использовать в качестве шила и булавки (Рузанов, Рогожинский 2018: 4).

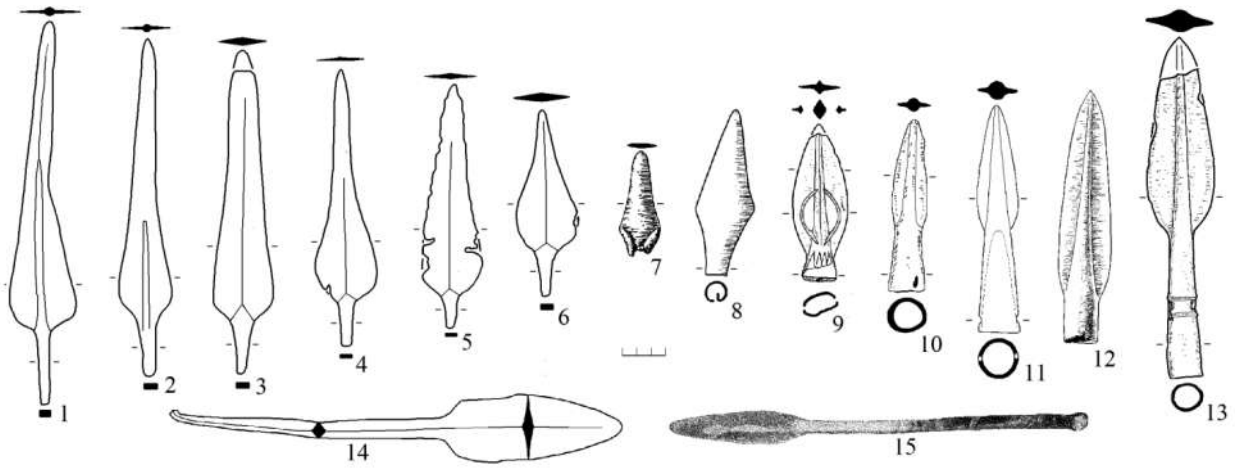

Рис. 4. Черешковые и втульчатые наконечники копий.
1–6 – поселение Саразм; 7–8 – могильник Пархай II (по И. Н. Хлопину, 2002);
9 – случайная находка близ городища «Старый Термез»; 10 – случайная находка, городище Киндыктепе;
11 – случайная находка, Маргилан; 12 – случайная находка, Самарканд (?) (по Е. Е. Кузьминой, 1966);
13 – случайная находка, Ош; 14 – поселение Сапаллитепе; 15 – могильник Гонур, (по В. И. Сарианиди, 2007).

4-расм. Думли ва зўғатали найза учлари.
1–6 – Саразм ёдгорлиги; 7-8 – Пархай II қабристони (И. Н. Хлопин бўйича, 2002);
9 – «Эски Термиз» ёдгорлиги яқинидаги тасодифий топилма; 10 – тасодифий топилма, Киндиктепа ёдгорлиги; 11 – тасодифий топилма, Марғилон; 12 – тасодифий топилма, Самарқанд? (Кузьмина бўйича, 1966); 13 – тасодифий топилма, Ўш; 14 – Сополлитепа ёдгорлиги; 15 – Гонур қабристони (В. И. Сарианиди бўйича, 2007).

Fig. 4. Petiolate and hollow tips of spears and darts.
1–6 – Sarazm settlement; 7–8 – Parkhai II burial ground (according to I. N. Khlopin, 2002);
9 – accidental find near the settlement «Old Termez»; 10 – accidental find, Kindyktepe settlement; 11 – accidental find, Margilan; 12 – accidental find, Samarkand (?) (according to E. E. Kuzmina, 1966); 13 – accidental discovery, Osh; 14 – Sapallitepe settlement; 15 – Gonur burial ground (according to V. I. Sarianidi, 2007).

археологических памятников, как правило, мы находим лишенные рукояти и ручки черенковые шилья и ножи, а среди оружия – лишь металлические наконечники стрел и копий. Реальное же их отсутствие делало бы малоэффективным и небезопасным применение орудий, а в случае оружия – без древка было бы невозможно использовать на практике стрелы, без ручки – копья. Поэтому мы считаем, что в древности дерево широко применялось для изготовления разнообразных рукоятей, древка стрел и ручек копий[7].

Судя по длине сверла (около 27 см), шагымская дрель использовалась древними мастерами специально для изготовления древка стрел и рукояти копий. Как мы полагаем, вначале в деревянной заготовке коротким сверлом дрели, имеющим удобные для работы маленькие параметры, высверливалась ведущая слепая втулка, позволяющая провести ее доработку в нужном направлении. Затем данное сверло помещали в полость втулки стержня и уже с помощью всего устройства, мастер, зажимая пальцами руки щитковидное подтреугольной формы навершие, проводя вращательное движение, высверливал втулку нужной длины. Ее наличие было необходимо не столько для крепления наконечника к древку, сколько для утяжеления стрелы, приводившего к увеличению ее ударно-убойной силы. Для этого полость втулки в древке, видимо, заполняли песком и мелкими фрагментами камней по отдельности или вместе взятыми, после чего отверстие втулки затыкали наконечником стрелы, при необходимости замазывали глиной.

[7] В районах с бедной растительностью из-за дефицита дерева древним мастерам приходилось искать ему замену, например, в трубчатых костях животных. Подтверждением служат находки шильев с костяной рукоятью, обнаруженные в памятниках тазабагъябской культуры, существовавшей в эпоху бронзы в степной зоне Южного Приаралья (Итина 1977: 130, рис. 67).

По-видимому, вначале изготовлялись стрелы длиной 25–30 см. Однако из-за низкой эффективности такого оружия древко со временем удлинили. Для этого использовалась специальная заготовка, например, ветка дерева нужного размера и фактуры (круглое сечение, подходящая длина, ровная и прямая поверхность образца), в которой высверливалась втулка с обеих сторон. Такая доработка позволяла удлинить стрелу в 2 раза, примерно до 50–55 см (возможно, и больше), что существенно увеличивало ее ударно-убойную силу и радиус действия.

Касательно конструкции копья или дротика мы полагаем, что в эпоху энеолита и бронзы, возможно, в раннем железном веке, длина ручки оружия была примерно такой же (возможно, меньше), как у современного топора и саперной лопаты[8]. Древний человек, занимаясь охотой или участвуя в военном конфликте, исходя из сложившейся ситуации, использовал черешковое копье по-разному. На расстоянии нескольких метров от интересуемого объекта оно служило в качестве метательного, вращающегося вокруг своей оси, ударно-проникающего оружия. В непосредственной близости, на расстоянии вытянутой руки, в качестве колюще-режущего оружия – ножа. К такому заключению приводят морфологические признаки черешковых копий с поселения Саразм, имеющие комбинированную морфологию пера, в которой листовидная форма переходит в форму клинка двулезвийного ножа и ножа-кинжала с параллельными друг другу лезвиями и заостренным концом клинка (рис. 4. 1–6).

Для увеличения степени поражения слепая втулка в деревянной рукояти черешковых копий (кроме образцов с удлиненным металлическим черенком) высверливалась, видимо, только в той части, на которой крепился наконечник. Затем мастер заполнял полость втулки песком; щель между уплощенным черешком наконечника и стенкой втулки древка, во избежание потери песочного утяжелителя, замазывалась глиной.

Касательно втульчатых копий, имеющих преимущественно листовидную форму пера (см. рис. 4. 7–13), то они, видимо, преимущественно использовались в качестве метательного ударно-проникающего оружия и значительно реже как ножи. В отличие от черешковых копий, снабженных рукоятью с удобным для запястья обхватом, для втульчатых копий с максимальным внутренним диаметром втулки, достигающим всего 1,9 см – 2,2 см, можно было использовать рукоять, либо диаметром такого же размера, либо в случае превышения диаметра втулки копья, конец рукояти необходимо было утончать. Поэтому сочленение деревянной рукояти с втулкой наконечника являлось слабым местом в копье и при многократном употреблении, например, в качестве ножа, возникала дополнительная нагрузка на месте стыка края металлической втулки с деревянной частью рукояти, приводившая со временем к поломке оружия. Для его восстановления требовалась новая ручка. В этой связи можно полагать, что во избежание повреждения втульчатое копье могло использоваться лишь в качестве метательного оружия.

Думается, механические дрели описанной выше или, возможно, иной конструкции существовали в эпоху раннего металла не только в Южной Киргизии, но и в других регионах Средней Азии и за ее рубежами[9].

[8] К важным выводам, касающимся устройства копий и способа их применения, приводят находки литых черенковых наконечников копий из поселения Сапаллитепе (рис. 4. 14) и могильника Гонур (рис. 4. 15), датированные первой половиной II тыс. до н.э. (Аскаров 1977, табл. XXVIII; Sarianidi 2007, fig. 13; 26). Они относятся к одному и тому же типу копий, имеющему листовидное ромбическое в сечении перо, удлиненный металлический черенок ромбического сечения и загнутый конец. Размеры сапаллинского образца: длина пера равна 10,5 см, черенка – 19,5 см, общая длина равна 32 см. У гонурского экземпляра: длина пера равна 10 см, черенка – 20 см, общая длина достигает 30 см. Таким образом, на Древнем Востоке в эпоху бронзы существовали копья с удлиненным металлическим черенком длиной 19,5–20 см, снабженные деревянной рукоятью. Можно полагать, что данные копья использовались как метательное, вращающееся вокруг своей оси ударно-проникающее оружие с радиусом поражающего действия, равным примерно 5–10 м.

[9] Метрический анализ черенков ножей и шильев, черешков и втулок наконечников стрел и копий, встреченных в памятниках северной и центральной зоны Среднеазиатского междуречья, приводит к следующим выводам. В эпоху энеолита и бронзы на данной территории могли использоваться инструменты, снабженные стержнями-сверлами разных размеров. Так, судя по ширине в основании черенка, в производстве рукояти шильев применялись сверла шириной, варьирующей от 0,3 см до 0,8 см; черенковых двулезвийных ножей (и ножей-копий с параллельными друг другу лезвиями и заостренным клинком) от 0,7 см до 2,8 см; черешковых наконечников стрел от 0,3 см до 1,3 см; исходя из внутреннего диаметра втулки: стрел от 0,3 см до 0,8 см; копий от 1,9 до 2,2 см.

Несмотря на малочисленность металлических находок, обусловленную, скорее всего, слабой степенью изученности памятников, добытые материалы существенно дополнили характеристику металлического инвентаря племен, проживавших в эпоху энеолита на юго-востоке Ферганской долины. Благодаря им стало известно, что население пользовалось землеобрабатывающими орудиями – в эпоху энеолита ручными кельтами-лопатами, которые позже, в эпоху бронзы, распространившись на севере Средней Азии и далее за рубежами региона, применялись в новом качестве – ножных орудий. С их помощью эффективнее и легче можно было провести вспашку и окучивание земли, мелиоративную работу. О техническом прогрессе, происходившем в производстве инструментов, свидетельствует механическая дрель. Конечно, впечатляет древний возраст шагымской находки. Сравнивая ее с современным подобным инструментом, можно увидеть в их работе повторение сходного технологического процесса, в основу которого положено вращение медного, возможно, бронзового (ныне стального) стержня-сверла, впервые воспроизведенного в далеком от нас прошлом – в эпоху энеолита.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Аванесова Н. А. К проблеме относительной хронологии и периодизации сапаллинской культуры // АУ. № 1. Самарканд, 2010. С. 110–143.

Аманбаева Б. Э., Рогожинский А. Е., Мэрфи Д. М. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы // АИ в Узбекистане в 2005 г. Тошкент, 2006. С. 256–265.

Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана / Под ред. В.М. Массона. Ташкент: Наука, 1977. 232 с.

Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура // Тр. МАЭ. Том 2. М., 2008. С. 94–104.

Заднепровский Ю. А. Древние бронзы Синьцзяня (КНР) // Древности. Ред. В.М. Массон. М., 1992. С. 115–127.

Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тыс. до н.э.) // Ред. С.П. Толстов. ТХАЭЭ. Том X. М.: Наука, 1977. 238 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии// САИ. Вып. В4-9. М., 1966. 151 с.

Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. 406 с.

Папахристу О. А. Литейные формы из мастерской столичного Гонура. (Предварительное сообщение) // Тр. МАЭ. Том 3. Санкт-Петербург, 2010. С. 198–217.

Рузанов В. Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы / Ред. А.А. Абдуразаков. Самарканд: Сугдион, 2013. 347 с.

Рузанов В. Д., Рогожинский А.Е. Результаты исследований металлических изделий могильника Шагым // А Уз. № 1 (16). Самарканд, 2018. С. 3–10.

Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М. Наука, 1977. 170 с.

Сариниди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур депе // Тр. МАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 28–83.

Тереножкин А. И. Согд и Чач. (Автореферат дисс. канд. ист. наук) // КСИИМК. Вып. 33. М., 1950. С. 152–169.

Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 2002. 200 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Casal J. M. Touilles de Mundigak // Paris : MDAFA, 1961. V. I, II.

Wen W. Excavations of the Ancient Cemeteries in Keermugi // Xinjiang: Vighur Autonomous Region. № 1. 1981.

Sarianidi, V. Necropolis of Gonur. Athens, Kapon Editions Publ., 2007, 337.

REFERENCES:

Avanesova, N. A. 2010. *K probleme otnositel’noj khronologii i periodizacii sapallinskoj kul’tury (On the problem of relative chronology and periodization of the Sapallin culture).* In *Arkheologija Uzbekistana (Archeology of Uzbekistan).* Issue 1. Samarkand, 110–143. (In Russian).

Amanbaeva, B. Eh., Rogozhinskij, A. E., Mehrfi, D. M. 2006. *Mogil’nik Shagym – novyj pamjatnik ehpokhi bronzy Vostochnoj Fergany (Shagym burial ground – a new monument of the Bronze Age of Eastern Fergana).* In *Arkheologicheskie issledovanija v Uzbekistane v 2005g. (Archaeological research in Uzbekistan of 2005 g).* Toshkent, 256–265. (In Russian).

Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel’cheskaja kul’tura ehpokhi bronzy juga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan).* Tashkent, 232. (In Russian).

Dubova, N. A. 2008. *Masterskaja po proizvodstvu splavov na osnove medi Severnogo Gonura (Workshop for the production of copper-based alloys of Northern Gonur).* In *Trudy Margianskoj arkheologicheskoj ehkspedicii (Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition).* Vol. 2. Moscow. 94–104. (In Russian).

Zadneprovskij, Ju. A. 1992. *Drevnie bronzy Sin’czjanja (KNR) (Ancient bronzes of Xinjiang (PRC).* In *Drevnosti (Antiquities).* In V. M. Masson (red.). Moscow, 115–127. (In Russian).

Itina, M. A. 1977. *Istorija stepnykh plemen Juzhnogo Priaral’ja (II – nachalo I tys. do n.eh.) (History of the steppe tribes of the Southern Aral region (II – early 1st millennium BC). In Trudy Khorezomskoj arkheologo-ehtnograficheskoj ehkspedicii (Proceedings of the Khorezom archaeological and ethnographic expedition).* Vol. X. Moscow, 238. (In Russian).

Kuz’mina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdelija ehneolita i bronzovogo veka v Srednej Azii (Metal products of the Chalcolithic and Bronze Age in Central Asia). In Svod arkheologicheskikh istochnikov (Code of Archaeological Sources).* Issue 4–9. Moscow, 151. (In Russian).

Litvinskij, B. A., Okladnikov, A. P., Ranov, V.A. 1962. *Drevnosti Kajrak-Kumov (Drevnejshaja istorija Severnogo Tadzhikistana) (Antiquities of Kairak-Kum (Ancient history of Northern Tajikistan).* Dushanbe: AN Tadzh. SSR Publ., 406. (In Russian).

Papakhristu, O. A. 2010. *Litejnye formy iz masterskoj stolichnogo Gonura (Predvaritel’noe soobshhenie) (Casting molds from the workshop of the capital Gonur (Preliminary message).* In *Trudy Margianskoj arkheologicheskoj ehkspedicii (Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition).* Vol. 3. Moscow, Sankt-Peterburg, 198–217. (In Russian).

Ruzanov, V. D. 2013. *Metalloobrabotka na juge Srednej Azii v ehpokhu bronzy (Metalworking in the south of Central Asia in the Bronze Age)*. Samarkand, 347. (In Russian).

Ruzanov, V. D., Rogozhinskij, A. E. 2018. *Rezul’taty issledovanij metallicheskikh izdelij mogil’nika Shagym (Results of studies of metal products from the Shagym burial ground).* In *Arkheologija Uzbekistana (Archeology of Uzbekistan).* № 1 (16). Samarkand. 3–10. (In Russian).

Sarianidi, V. I. 1977. *Drevnie zemledel’cy Afganistana (Ancient farmers of Afghanistan).* Moscow, 170. (In Russian).

Sarianidi, V. I., Dubova, N. A. 2008. *Arkheologicheskie raboty na jugo-zapadnom kholme Gonur depe. (Archaeological work on the southwestern hill of Gonur Depe).* In *Trudy Margianskoj arkheologicheskoj ehkspedicii (Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition).* Vol 2. Moscow, 28–83. (In Russian).

Terenozhkin, A. I. 1950. *Sogd i Chach (Sogd and Chach). Author’s abstract of the dissertation for candidate of historical sciences.* (Avtoreferat diss. kand. ist. Nauk). In *Kratkie soobshhenija instituta istorii material’noj kul’tury (Brief communications of the Institute of the History of Material Culture).* Issue 33. Moscow, 152–169. (In Russian).

Khlopin, I. N. 2002. *Ehpokha bronzy Jugo-Zapadnogo Turkmenistana. (The Bronze Age of Southwestern Turkmenistan).* Sankt-Peterburg. 200 s. (In Russian).

Chernykh, E. N., Kuz’minykh, S. V. 1980. *Drevnjaja metallurgija Severnoj Evrazii (Sejminsko-turbinskij fenomen).* Moscow. 320 s. (In Russian).

Casal, J. M. *Touilles de Mundigak (Mundigak Stirs)*. Paris : MDAFA, 1961. V. I, II.

Wen, W. *Excavations of the Ancient Cemeteries in Keermugi.* №1.1 Xinjiang: Vighur Autonomous Region Publ., 981.

Sarianidi, V. *Necropolis of Gonur.* Athens, Kapon Editions Publ., 2007, 337.

THE TECHNICAL AND TYPOLOGICAL ORIGINALITY OF SOME METAL PRODUCTS OF SOUTHERN FERGANA IN THE EARLY IRON AGE

© 2024. Vladimir Ruzanov

Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov

Keywords: mechanical drill, spades, hoe, handle, technology.

The article examines earth-cultivating tools (celt-spades) and a mechanical drill found in South Kyrgyzstan. The objects date back to the the second half, possibly even to the end of the 3rd – 1st centuries of the 2nd millennium BC of celt-spades of the Eneolithic period is small: only 2 copies. Of these, one spade was discovered in the Shagym burial ground of the ancient Eastern type, the second, a random find, was found in the village Bazar-Kurgan. Later, the distribution area of the spade celts expanded and covered Western China (Xinjiang), Northern Uzbekistan, Northern Kyrgyzstan, and South-Eastern Kazakhstan. In the southern cultural-historical regions – in the cultures of the Ancient East – such tools are absent. In the early Iron Age, local farmers cultivated the land using a hoe. A mechanical drill from the Shagym burial ground is the only find in Central Asia. Its discovery expands the range of tools used by craftsmen in the early Iron Age and makes it possible to recreate the process of making handles for knives and awls, which made the tools effective, convenient and safe to use. We believe that the drill was also used in the manufacture of arrow shafts and spear handles. Craftsmen obviously used wood as a raw material in the production of handles in areas with rich vegetation, however in areas with poor vegetation, in addition to wood imported from other territories, they used tubular animal bones.

ФАРҒОНА ВОДИЙСИНИ ИЛК ТЕМИР ДАВРИ САКЛАР МУАММОСИ

© 2024. Боқижон Матбобоев

Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: Илк саклар, жанговар болта, сувлиқ, кельт-лопатка, жез ойна, Кетмонтепа, Олой, «сак учлиги», Македонский, Шилягай, Туячи, жез қозон, сак маданияти.

Мақолада Андижон вилояти Хўжаобод тумани Дилкушод қишлоғида топилган бронза (жез) буюмлар хазинаси ҳақида маълумот берилган. Хазина 11 та топилмадан иборат бўлиб, улар жанговар болта, искана (2 та), жез ойна, сувлиқ, уст бош безакларини (6 та) ташкил этади. Бу топилмалар Фарғона водийсида илк сакларни пайдо бўлиши ва уларни тарқалиш географияси тўғрисида маълумот беради. Хазина буюмлари милоддан аввалги VII-III асрлар билан даврлаштирилиб, унда водий (шарқий) сакларини деҳқончиликка ўтиш жараёнини ва ўтроқ деҳқон хамда кўчманчи чорвадорлар симбиозининг дастлабки элементларининг кўринишидир. Муаллифнинг қайд қилишича, хазинадаги буюмлар илк сакларга тааллуқли бўлиб, топилма соҳиблари водий учун келгинди ҳисобланган ва бу даврда ҳали маҳаллий аҳоли билан аралашиб кета олмаган. Келиб чиқиши жиҳатидан хазина буюмлари Қайроққум маданияти ва Евроосиё чорвадор дашт қабилалари (Водил, Қарамкўл, Япаги, Чек қабристонлари) билан алоқаси йўқлиги таъкидланиб, водийнинг илк саклари авлодлари Қозоғистон-Сибир кенгликларида умргузаронлик қилганлар, деган хулосага келинган.

К ПРОБЛЕМЕ САКОВ ФЕРГАНЫ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2024. Бокижон Матбабаев

Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: ранние саки, боевой топор, псалии, долото, бронзовое зеркало, Кетмонтепа, Алай, «сакская триада», Македонский, Шилягай, Туячи, бронзовый котел, сакская культура.

В статье публикуется описание клада бронзовых изделий, обнаруженных в селе Дилкушод в Ходжабадском районе Андижанской области. Клад состоит из 11 предметов хорошей сохранности: боевой топор, псалия со стремечковидным окончанием, “долота” (2 экз), бронзовое зеркало, бронзовые предметы одежды (6 экз). Данные находки свидетельствуют о появлении ранних саков в Ферганской долине и географии их распространения. Комплекс датируется VII–III веками до н.э. и представляет переход сакского населения этой части долины (восточной) к земледелию, а также начальные элементы симбиоза между оседлыми земледельцами и кочевыми скотоводами. Автор отмечает, что предметы из клада принадлежат ранним сакам, которые считались пришлыми для долины и в этот период еще не успели смешаться с местным населением. По вопросу о происхождении отмечается, что комплекс не имеет связи с Кайраккумской культурой и кочевыми племенами Евразийских степей (Водил, Карамкуль, Япаги, Чекский некрополь). Сделан вывод, что ранние саки долины происходили из обширных территорий Казахстана-Сибири.

Андижон вилоятининг Хўжаобод тумани Дилкушод қишлоғидаги хонадонлардан бирининг ҳовлисидан илк темир даврига оид, лекин аввал Фарғона водийсида умуман учрамаган айрим ҳарбий буюмлари ва от анжомлари хазинаси топилди. Мазкур топилма Ўрта Осиё кўчманчи аҳолисининг Фарғона водийси учун илк саклар даври тарихини ўрганиш учун жуда муҳим. Сабаби водийда илк саклар даврига оид ёдгорликлар борлиги шу кунгача мавҳум бўлган. Шундай бўлсада, шу даврга оид айрим топилмалар маълум бўлган (Горбунова 1998: 36–39). Дилкушоддаги топилмалар: битта жанговар болта, битта сувлиқ, иккита бигиз, бир дона бронза кўзгу (ойна), олтита уст-бош анжомлари, жами 11 та бронза буюмлардан иборат (Машрабов, Матбобоев 2022: 225, иловалар, 9–10-расмлар). Топилмалар ёнида майда одам суяклари ҳам мавжудлиги инобатга олинса, бу топилмалар топилган жой қабр бўлиши ҳам мумкин. Лекин топилма жойи жиддий бузилгани боис ҳозирча тугал фикр айтиш мушкул (1-расм).

Хўжаободдан топилган мазкур бронза буюмлар хазинасини бошқа кўчманчи аҳолига тегишли Қозоғистон-Сибирь кенгликлари, Кетмонтепа, Олой материаллари, хусусан мозор-кўрғонлари топилмалари билан солиштириб, милоддан аввалги VII–VI асрлар билан саналаниши мумкин. Хусусан, мутахассислар фикрича, топилмалар ичидаги сувлиқ кўрсатилган даврдан кейин Евроосиё худудларида учрамайди (Членова, Кубарев 1990. С.47–48; Степы европейской части... 1989: 11, табл. 103). Бронзадан ясалган болта ҳам шу давр билан саналади (Горелик 1993: 53–57; 270–275, табл. XXVII–XXIX).

Мазкур бронза буюмлар хазинаси Фарғона водийсининг илк саклар тарихи масаласига айрим аниқликлар киритиши мумкин. Биринчидан, Хўжаобод (Дилкушод) бронза буюмлар хазинаси соҳибларини яъни илк сак қабилаларини янги гуруҳини водийнинг шимол томонидаги Чотқол, Қурама, Отўйноқ, шарқидаги Фарғона, жанубидаги Олой, Туркистон тоғ тизмаларининг тоғли ва тоғолди зоналарида пайдо бўлиши даврига (мил. авв. VII–VI асрлар) аниқлик киритади. Иккинчидан, илк сак қабилаларини Фарғона водийси бўйлаб тарқалиш географиясини кўрсатади. Учинчидан, келиб чиқиши жиҳатдан мазкур аҳоли водий учун келгинди ҳисобланган. Чунки топилмалар ичидаги сувлиқ ва жанговор болта Фарғона водийсида ҳали бирор марта ҳам учрамаган.

Бизга маълумки, сак қабилалари Фарғона водийси теграсида азалдан яшаганлар, айнан биз тилга олган сакларнинг кейинги авлодлари аввал аҳамонийлар қўшинларини, кейинроқ Александр Македонскийни водийга юришини тўхтатган “Дарё ортидаги саклар” бўлиши мумкин. Мутахассисларнинг фикрларига кўра, водийга киришдаги Сирдарё кечуви Хўжанд яқинида бўлган (Пьянков 2004: 213–224). Ҳозиргача мазкур ҳудудда хусусан, шарқий Фарғонада, уч жойда саклар маданиятига тааллуқли айрим топилмалар маълум: 1) Андижон вилояти Пахтабод тумани Чувама қишлоғидан топиб олинган бронза ханжар (акинак); 2) Андижон вилояти Избоскан тумани Туячи қишлоғидан Катта Фарғона канали қурилиши пайтида 1939 йилда топилган учоёқли, ритуал бронза қозон; 3) Луғумбек ва Туячи қишлоқлари оралиғи канал қурилишида қўлга киритилган дастаси юмалоқ пичоқлар. Эндиликда Хўжаободдан топилган саклар маданиятига оид 11 та янги топилма ушбу комплексларни сонини кўпайтиради. Шу вақтгача водийда бу каби сакларга тегишли моддий маданият намуналари топилмаган. Саклар учлигидаги («сакская или скифская триада») от анжомлари ва ҳайвон шаклида ясалган сувлиқ, жанговар болта каби анжомларнинг Фарғона водийсида биринчи бор топилиши мазкур кўчманчи халқлар тарихини янги маълумотлар билан бойитади (Заднепровский 1993: 20).

Фанда Евроосиё (Қозоғистон-Сибирь) кенгликларида скиф/сак учлиги деган ибора мавжуд, улар аксарият ҳолларда археологик комплексларда биргаликда учраб туради. Уларга “сак ҳайвон шакли услуби”да ясалган анжомлар, қурол яроғ ва от абзаллари киради. Таъкидлаш жоизки, Фарғона водийсида уларни айримлари кам бўлсада, якка ҳолда учраган. Сак учлиги эса водийда биргаликда умуман учрамаган. Илк сак ёдгорликлари шу вақтгача водийда қайд

1-расм. Дилкушод бронза буюмлар хазинаси: 1– жанговар болта; 2, 4 – «келт-курак», 3 – сувлиқ.

Рис. 1. Клад бронзовых предметов из Дилкушада: 1 – боевой топор; 2, 4 - кельт-лопатка; 3 – псалий.

Fig. 1. A treasure trove of bronze objects from Dilkushad: 1 – battle axe; 2, 4 – celt-spade; 3 – cheekpiece.

қилинмаган шунинг учун уларни Фарғона водийсида бўлганлиги тахмин қилинади, холос (Горбунова 1998: 36–39). Бироқ айрим мақолаларда (Б. А. Литвинский ва б.) саклар билан боғлиқ жараёнлар асоссиз равишда бўрттириб кўрсатилган. Яъни, водийда сакларнинг турлича гуруҳлари яшаганлар, Эйлатон шаҳар харобаси саклар шаҳри, ҳатто улар (саклар) “сак-хаумаваргалар” конфедерациясига бирлашганлар, деб иддао қиладилар (Литвинский 1976: 53–55). Чуст қадимги деҳқончилик маданияти ҳам саклар таркибидан ажраб чиққан, деган асоссиз фикрлар хам мавжуд. Аслида археологик жиҳатдан илк темир даврида икки хўжалик типи: Эйлатон ўтроқ деҳқончилик маданияти (Заднепровский 1990: 87–95) ва Оқтом кўчманчи чорвадорлар маданияти қайд этилган. Буларга Кунгай, Суфан ва бошқа мозор-кўрғонлар киради. Бизнинг ҳамда Н. Г. Горбунова хулосаларига кўра, Оқтом маданияти мозор-кўрғонлари сакларга тегишли бўлиши мумкин. Эйлатон маданиятидан сўнг Шўрабашот ва ундан сўнг эса Мингтепа (Марҳамат) маданиятлари деҳқон жамоалари сифатида тарихий кетма-кетликда давом этади. Кўчманчи чорвадорлар археологик комплекси Оқтом босқичидан сўнг Қорабулоқ маданияти материалларида давом этади. Мазкур икки типдаги хўжалик юритиш водийда то ҳозиргача давом этмоқда. Яъни, текислик ва оқар сув манбалари мавжуд худудларда деҳқончилик билан шуғулланадиган аҳоли яшаса, адирлик қисмида, тоғолди ва тоғлик жойларда кўчманчи чорвадор аҳоли истиқомат қилган. Таъкидлаш жоизки, илк сакларга оид археологик ёдгорликлар ўрганилаётган худудда ҳали топилганича йўқ (Асқаров 2023: 177–195).

Шундай қилиб, Хўжаобод тумани Дилкушод қишлоғидаги ва Қорадарё-Норин оралиғидаги топилмалар саклар тарихини ўрганишда катта аҳамияти эга. Хусусан, тўрт топилмадан учтаси Мойлисойнинг қуйи қисмида, маркази Эйлатон бўлган яна бир кичик деҳқончилик воҳаси шаклланганлигини ва унда бизга номаълум айрим деҳқончилик билан шуғулланган сак қабилалари яшаганлигини кўрсатади (Заднепровский, Бушков 1998: 140–141). Яъни, Сирдарёнинг энг катта ирмоқларидан Қорадарё ва Норин дарёлари бўйларида қадимдан

деҳқон аҳоли яшаган. Мазкур даврнинг Эйлатон, Нуртепа, Хўжанд, Шўрабашот, Мингтепа каби шаҳар ёдгорликлари деҳқон аҳолиги тегишли бўлган. Яна, бу комплексга Андижоннинг Эскишаҳар қисмидаги Эйлатон маданиятига тааллуқли 15–20 гектарлик Сарвонтепа ҳамда Қува шаҳар ёдгорлигининг қуйи қатламларини киритиш мумкин. Ёдгорликнинг аксарият қисми аҳоли турар-жойлари ҳамда кейинги давр маданий қатламлари остида қолиб кетган. Сарвонтепа ёдгорлиги майдонининг катталиги ва ундаги маданий қатламларнинг қалинлиги Андижон шаҳрининг илк даври айнан шу ёдгорлик замирида пайдо бўлишини кўрсатади.

Милоддан аввалги VII–III асрларга тааллуқли мазкур комплекслар водийнинг ушбу қисмидаги (шарқий) сакларни деҳқончиликка ўтиш жараёнини ва ўтроқ деҳқон хамда кўчманчи чорвадорлар симбиозининг дастлабки элементларининг кўринишидир. Хазинадаги буюмлар илк сакларга тааллуқли бўлиб, топилма соҳиблари водий учун келгинди сифатида, ҳали маҳаллий аҳоли билан аралашиб кета олмаганлар. Мақола муаллифи Хўжаобод бронза буюмлар хазинаси соҳибларини келгинди аҳолига тааллуқли деб ҳисоблайди ва уларни водийда алоҳида гуруҳ сифатида яшаганларини хулоса қилади. Келиб чиқиши жиҳатидан мазкур комплексни Қайроққум маданияти ва Евроосиё чорвадор дашт қабилалари (Водил, Қарамкўл, Япаги, Чек қабристонлари) билан алоқаси йўқ, водий илк саклари авлодлари Қозоғистон-Сибирь кенгликларида умргузаронлик қилганлар деган хулосага келинган.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

Асқаров А. А. Қадимги Турон энеолит, бронза ва илк темир даври цивилизациялар тарихидан лавҳалар. Тошкент, 2023. 360 б.

Горбунова Н. Г. Ранние саки Центральной (Средней) Азии // Древние цивилизации. История и культура. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 1998. С. 36–39.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IVв. до н.э.). Москва, «Восточная литература», 1993. 352 с.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118. Москва-Ленинград, 1962. 328 с.

Заднепровский Ю. А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии // КСИА. Вып. 167. Москва, 1981. С. 23–28.

Заднепровский Ю. А. Погребальные памятники Эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. Вып. 199. Москва, 1990. С. 87–95.

Заднепровский Ю. А. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы // КСИА. Вып. 209. Москва, 1993. С.17–23.

Заднепровский Ю. А., Бушков В. И. Предметы кочевников эпохи раннего железа в Эйлатанском районе Ферганы // Российская археология. № 3. Москва, 1998. С. 136–141.

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. Москва, 1976. С. 49–65.

Матбобоев Б. Х., Машрабов З. З. Андижон тарихи (қадимги даврлардан XX аср бошларигача). Тошкент, 2014. 280 с.

Машрабов З., Матбобоев Б. Фарғона водийси тарихига чизгилар. Андижон, 2022. 256 с.

Пьянков И. В. Некоторые спорные вопросы “Этногеография Турана” - полемика археолога с филологом? ВДИ. № 4. 2004. С. 213–224.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва, 1989. 464 с.

Франкфор А. П. Существовал ли Великий шелковый путь во II–I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 203–217.

Членова Н. Л., Кубарев В. Д. Хронологические парадоксы горного Алтая // КСИА. Вып.199. Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири. Москва, 1990. С. 46–55.

REFERENCES:

Asqarov, A. A. 2023. *Qadimgi Turon eneolit, bronza va ilk temir davri tsivilizatsiyalar tarikhidan lavhalar (Scenes from the history of ancient Turonian Eneolithic, Bronze and Early Iron Age civilizations).* Toshkent, 360. (In Uzbek).

Gorelik, M. V. 1993. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v do n.eh.) (Weapons of the ancient East (IV millennium - IV century BC).* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 352. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1998. *Rannie saki Tsentral’noj (Srednej) Azii (Early Sakas of Central Asia.* In *Drevnie tsivilizatsii. Istoriya i kul’tura. (Ancient civilizations (History and culture).* Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Moscow, 36–39. (In Russian)

Zadneprovskij, Yu. A. 1962. Drevnezemledel’cheskaya kul’tura Fergany (Ancient agricultural culture of Fergana). In *MIA (Materials and research on the archeology of the USSR).* №118. Moscow-Leningrad. 328. (In Russian)

Zadneprovskij, Yu. A. 1981. *K istorii oazisnogo rasseleniya v pervobytnoj Srednej Azii (On the history of oasis settlement in primitive Central Asia)*. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief communications from the Institute of Archeology).* Issue 167. Moscow. 23–28. (In Russian)

Zadneprovskij, Yu. A., Bushkov, V. I. 1998. *Predmety kochevnikov ehpokhi rannego zheleza v Ehjlatanskom rajone Fergany (Objects of the Early Iron Age nomads in the Eilatan region of Fergana).* In *Rossijskaya arkheologiya (Russian archeology).* No 3. Moscow, 136–141. (In Russian)

Zadneprovskij, Yu. A. 1993. *Spornye voprosy istorii kul’tury drevnej Fergany (Controversial issues in the cultural history of ancient Fergana).* In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief communications from the Institute of Archeology).* Issue 209. Moscow, 17–23. (In Russian)

Zadneprovskij, Yu. A. 1990. *Pogrebal’nye pamyatniki Ehjlatanskoj kul’tury Fergany (Funerary monuments of the Eilatan culture of Fergana).* In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief communications from the Institute of Archeology).* Issue 199. Moscow, 87–95. (In Russian)

Mashrabov, Z., Matboboev, B. 2022. *Farg’ona vodijsi tarikhiga chizgilar (Lines on the history of the Fergana Valley).* Andizhon, 256.

Litvinskij, B. A. 1976. *Problemy ehtnicheskoj istorii drevnej i rannesrednevekovoj Fergany (Problems of the ethnic history of ancient and early medieval Fergana).* In *Istoriya i kul’tura narodov Srednej Azii (The history and culture of the peoples of Central Asia)*. Moscow, 49–65.

Matboboev, B. Kh., Mashrabov, Z. Z. 2014. *Andizhon tarikhi (Qadimgi davrlardan XX asr boshlarigacha) (History of Andijan (from ancient times to the beginning of the 20th century).* Toshkent, 280.

P’yankov, I. V. 2004. *Nekotorye spornye voprosy “Ehtnogeografiya Turana” polemika arkheologa s filologom? (Some controversial issues “Ethnogeography of Turan”, a polemic between an archaeologist and a philologist?).* In *Vestnik drevnej istorii (Journal of ancient history).* № 4. Moscow, 213–224.

Stepy evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time). Moscow, 1989, 464.

Frankfor, A. P. 1989. *Sushhestvoval li Velikij Shelkovyj put’ vo II-I tys do n.eh. (Did the Great Silk Road exist in the 2nd-1st millennium BC?).* In *Vzaimodejstvie kochevykh kul’tur i drevnikh tsivilizatsij (Interaction of nomadic cultures and ancient civilizations).* Alma-Ata, 203–217.

Chlenova, N. L., Kubarev V. D. *Khronologicheskie paradoksy gornogo Altaya (Chronological paradoxes of the Altai Mountains).* In *KSIA (Brief communications from the Institute of Archeology).* Issue 199. Moscow, 1990.

Arkheologiya Srednej Azii, Kavkaza i Sibiri (Archeology of Central Asia, the Caucasus and Siberia). 1990. Moscow, 46–55.

ON THE PROBLEM OF THE SAKAS OF FERGANA DURING THE EARLY IRON AGE

© 2024. Bokijon Matboboev

Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov

Key words: early Sakas, battle axe, cheekpiece, celt-spade, bronze mirror, Ketmontepa, Alai, ‘Saka triad’, Macedonian, Shilyagai, Tuyachi, bronze cauldron, Saka culture.

The article presents a treasure of bronze objects discovered in the village of Dilkushod in the Khodjabod district of the Andijan region. The treasure consists of 11 well-preserved items: a battle axe, a cheekpiece with a stirrup-shaped end, ‘celt-spades’ (2 specimens), a bronze mirror, bronze items of clothing (6 specimens). These finds indicate the appearance of the early Sakas in the Fergana Valley and the geography of their distribution. The complex dates back to the 7th-3rd centuries BCE and represents the transition of the Saka population in this part of the valley (eastern) to agriculture, as well as the early elements of symbiosis between settled farmers and nomadic herders. It is argued that the items from the treasury belong to early Sakas, who were considered newcomers to the valley and had not yet mixed with the local population during this period. Regarding the origin, it is noted that the complex is not connected with the Qayraqqum culture and the nomadic tribes of the Eurasian steppes (Vadyl, Karamkul, Yapaghi, Chek necropolises). It is concluded that the early Sakas of the valley originated from the vast territories of Kazakhstan-Siberia.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЭЙЛАТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2024. Бахтиёр Абдуллаев

Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: Андижан, Ханабад, эпоха бронзы и раннего железа, могильник, кочевая и земледельческая культуры.

Представлены итоги сопоставительного анализа конструктивных решений могильников эпохи бронзы и раннего железа в ракурсе результатов археологических исследований памятника Ханабад-1. Выявлены отличительные черты традиций захоронений кочевых и земледельческих культур Ферганы эпохи бронзы. Несмотря на наличие основных критериев погребальной обрядности эйлатанской культуры, впервые для этой культуры выявлен комплекс богато орнаментированной лепной расписной керамики, где отмечены специфически земледельческие узоры. Специфика сооружений могил и в основном обряда погребений соответствует недостаточно хорошо изученным могильникам эйлатанской культуры в западной и юго-западной Фергане, но при этом очень близка традициям захоронений кочевых культур эпохи бронзы. Несомненно, особый интерес представляет и то, что именно на востоке долины выявлена могила со скорченным трупоположением, свойственным для эпохи поздней бронзы. Также на могильнике Ханабад-1 зафиксированы кенотафы, что было характерно кочевым племенам предыдущего периода. Данные результаты полевых исследований позволяют утверждать, что носители могильника Ханабад-1, представлявшие восточный вариант эйлатанской культуры, являлись преемниками кочевой кайраккумской культуры.

ЭЙЛАТОН МАДАНИЯТИДА КЎМИШ МАРОСИМИНИНГ ДАВОМИЙЛИГИ ТЎҒРИСИДА

© 2024. Бахтиёр Абдуллаев

Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: Андижон, Хонобод, бронза ва илк темир даврлари, мозорқўрғон, кўчманчи ва ўтроқ маданиятлар.

Бронза ва илк темир даври мозорқўрғонлари ва улардаги қабрларнинг пайдо бўлиши ечимлари қиёсий таҳлили Хонобод-I ёдгорлигида олиб борилган археологик тадқиқотлар натижалари кесимида амалга оширилган. Фарғона водийсининг бронза даври кўчманчи ва ўтроқ маданиятларидаги дафн этиш анъаналарининг ўзига хос хусусиятлари очиб берилган. Эйлатон маданиятига оид дафн маросимларининг асосий мезонлари мавжудлигига қарамай, бу маданият учун илк бор бой нақшларга эга қўлда ясалган сопол идишлар комплекси аниқланган бўлиб, бу безакларда ўтроқ маданиятга хос ёки кўчманчи маданиятларнинг нақшлари билан уйғунлашган элементлар қайд этилган. Шундай бўлсада, қабрлар қазилишининг ўзига хослиги ва асосан, дафн маросимлари нафақат Фарғона водийсининг ғарбий ва жануби-ғарбий қисмидаги Эйлатон маданиятига оид мозорқўрғонлардаги удумларга, балки бронза даври кўчманчи маданиятларининг дафн этиш анъаналарига ҳам жуда яқин бўлган. Шубҳасиз, водийнинг шарқида сўнгги бронза даврига хос марҳумлар ғужанак ҳолда кўмилган қабрларнинг топилганлиги алоҳида қизиқиш уйғотади.

Шунингдек, Хонобод-I мозорқўрғонида бронза давридаги кўчманчи қабилаларга хос бўлган кенотаф қабрлар қайд этилган. Дала тадқиқотларининг бу натижалари Эйлатон маданиятининг шарқий вариантини ифодаловчи Хонобод-I қабристони эгалари кўчманчи Қайроққум маданиятининг давомчилари бўлганлигини таъкидлаш имконини беради.

Введение.

Наряду с возникновением первобытных сообществ в истории человечества место каждого человека в них, с момента его рождения и до момента его ухода из жизни, определялось посредством определенных обычаев и традиций. Среди этих традиций особое значение имеет обычай хоронить умерших, происхождение которых известно еще с древнекаменного века. В то же время этот обычай погребения умерших имеет различные особенности в разных регионах, и на каждом этапе развития общества отмечаются признаки, вбиравшие в себя уникальные символические и религиозно-мировоззренческие представления данного общества.

Известно, что целый ряд культур в разные эпохи, развивавшиеся, сменяя друг друга, возникали на основе предшесьтвующих. Ведь каждая новая культура при формировании основывалась преимущественно на критериях предыдущей культуры, воплощая в себе ряд ее элементов, и только потом обогащалась новыми идеями, исходившими из опыта жизни, впитывавшими новые типы мировоззрения, которые возникали в соседних историко-культурных регионах. Именно в таком порядке разрабатывается теория последовательности древних культур, особенности которых ложились в основу научных исследований. Однако главным критерием при их изучении является выявление признаков непрерывного развития, непосредственно связанных с их преемственностью, в результате суммирования которых решаются вопросы генетического формирования новой культуры.

В науке историческая истина определяется лишь после преодоления ряда проблем и ошибок, что отчетливо просматривается в ситуации с эйлатанской культурой, которая до последнего времени представлялась научной общественности как оседлая, хотя по основным параметрам и признакам она соответствует кочевым культурам. В предлагаемой статье будут представлены сведения об особенно важной для кочевых культур стороне жизнедеятельности – это формирование и развитие обряда захоронения. Однако прежде, чем говорить о погребальных обрядах раннего железного века в представленном исследовании, вкратце коснемся истории изучения погребальных обрядов, характерных для кочевых и оседлых культур эпохи бронзы, опирающихся на довольно обширную географию древних могильников Ферганской долины.

К изучению погребальных традиций в кочевых и оседлых культурах бронзового века Ферганы. Погребальный обряд и способы подготовки могильных сооружений для периода поздней брозы Ферганы наиболее полноценно изучались на памятниках кочевых культур (Бернштам 1952: 19–22; Гамбург, Горбунова 1956: 85–93; Литвинский 1962: 158–169; Иванов 1988: 44–47; Горбунова 1995: 13–21) в то время, как захоронения оседлых культур, в силу своих традиций погребения имели плохую сохранность, о чем будет сказано ниже. Среди кочевых памятников более подробно изучены могильники Кайраккумской культуры. Обычно они располагались на вершинах увалов, образованных глубокими оврагами с сухими руслами, пересекающими адырные хребты, а там, где увалы переходят в равномерно повышающееся плато, курганы не зафиксированы. Различия в конструкциях надземных сооружений могильников этой культуры уже с раннего этапа планомерного изучения ставило перед исследователями задачу систематизации этих сооружений древних кочевников.

Первый исследованный могильник эпохи бронзы – Вуадиль – охватывал огромную площадь: с юга на север – около 2 км и с востока на запад – 2,5 км. Всего здесь насчитывалось 273 могильных сооружения, где четко выделялись три основных типа могильных сооружений:

1. Курганы с насыпью из крупной гальки с небольшим количеством земли. По краям насыпи, как правило, прослеживалось кольцо, выложенное из камней. Средняя высота насыпи – от 0,5 до 1 м при диаметре от 4 до 15 м. Большая часть курганов этого типа располагалась в юго-восточной части могильника.

2. Курганы с земляной насыпью и небольшим количеством гальки, покрытые незначительной растительностью. Средняя высота их от 0,2 до 1 м, при диаметре от 3 до 20 м. Основная масса курганов этого типа находилась в северо-восточной части могильника.

3. Выкладки из обломочных пород и галек, имеющие разнообразные формы и размеры, разбросанные по всему могильнику небольшими отдельными группами между курганами первого и второго типов.

Исследователи, изучавшие упомянутые выше сооружения, полагали, что разнообразие погребальных сооружений заключалось в том, что людей хоронили в разное время (Гамбург, Горбунова 1956: 85–86). К концу XX века один из этих авторов обобщил все известные кайраккумские могильные памятники и дополнил (Горбунова 1995: 17), разделив надземные погребальные сооружения на четыре категории:

Тип 1 – насыпи из грунта и камня (Кашкарчи, Дашти-ашт) или только камня (Вуадил, Арсиф, Ташкурган).

Тип 2 – выкладка-оградка из камней, врытых в землю или уложенных плашмя. По форме они прямоугольные, круглые, часто в виде круга внутри прямоугольника или сплошные (Вуадил, Чек, Карамкул, Арсиф, Япаги). Иногда встречались двойные, пристроенные друг к другу (Вуадил, Арсиф, Япаги). В некоторых случаях в сооружении могильных курганов использовались одновременно насыпи с каменными выкладками (Кашкарчи, Япаги, Арсиф).

Тип 3 – надземные сооружения отсутствуют, а могильная каменная коробка определяется выступающей частью краев каменного ящика (Вуадил, Карамкуль, Чек, Дахана).

Тип 4 – прямоугольные длинные каменные вымостки, отделенные друг от друга «дорожками» (Карамкуль, Япаги).

Однако, по мнению другого исследователя, эта рабочая идея до сих пор не использовалась в исследованиях, поскольку искусственный древний рельеф – сооружения из камня или смеси камня и грунта – на поверхности земли подвергались разрушению в силу естественных (регулярные осадки, сейсмическая зона) и антропогенных (материалы надмогильных сооружений использовались человеком последующих периодов) причин. Поэтому целесообразнее использовать критерии, характеризующие устройства могил, а не надземные сооружения (Иванов 1999: 15–16). В то же время объединяющим их условием является наличие каменных вымосток на поверхности этих могил. По внешнему виду могилы делились на несколько типов:

А) округлой формы с намечающимся внешним кольцом и частичным заполнением середины галечником и обломочными породами;

Б) небольшие овальные оградки, образованные выступающими на поверхности земли камнями могильной ямы;

В) овальные и подпрямоугольные, имеющие оградки из плотно прилегающих друг к другу небольших галек;

Г) прямоугольные, иногда подквадратные выкладки с аналогичным типу А заполнением середины (Гамбург, Горбунова 1956: 86–87, рис. 37).

Конструктивно могилы также делились на четыре типа (Горбунова 1995: 17): 1) Каменные ящики из сланцевых плит или крупных окатанных овальных камней, стоящих на тор-

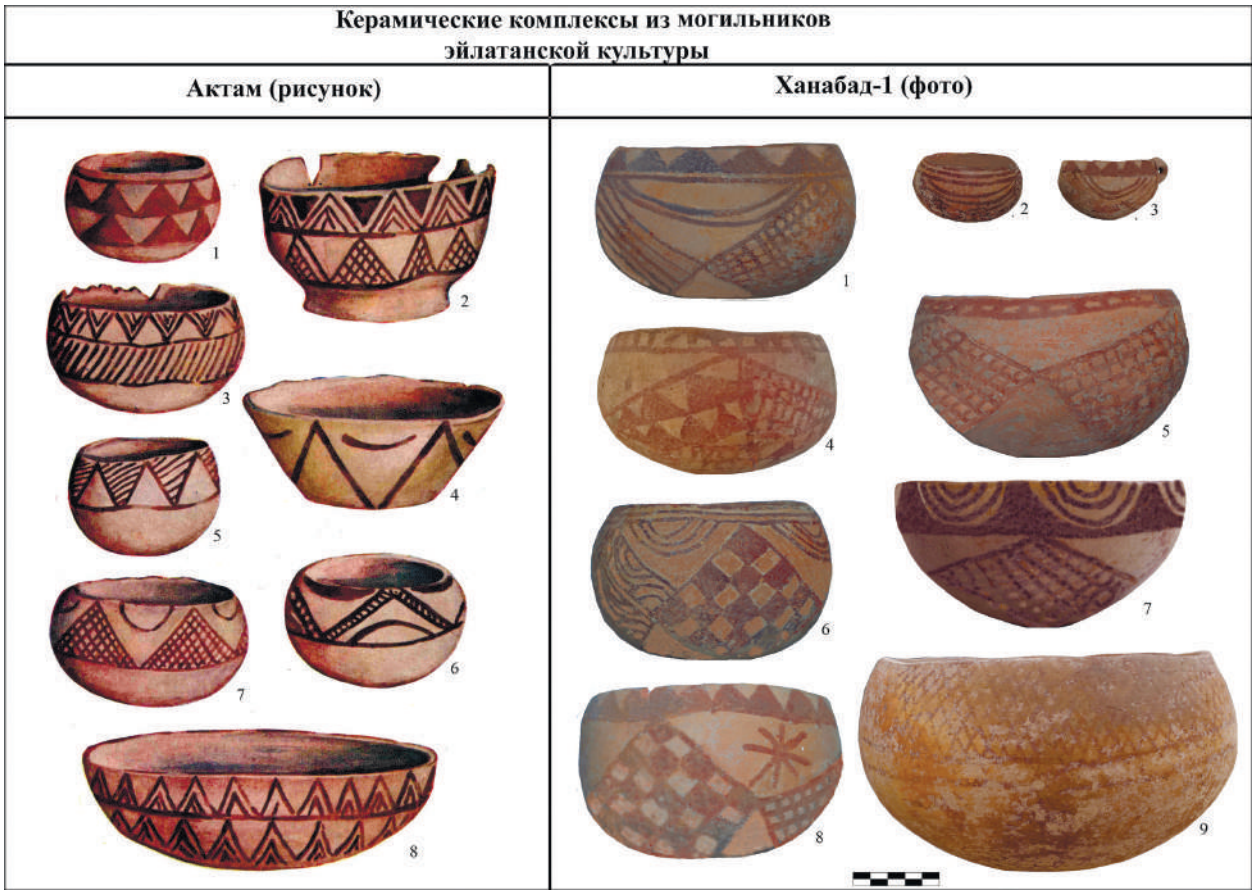

Рис. 1. Сопоставительная таблица керамических комплексов из могильников Актам и Ханабад-1

Расм 1. Оқтам ва Хонобод-1 қабристонлари сопол мажмуаларининг қиёсий жадвали

Fig. 1. Comparative table of ceramic complexes from the burial grounds of Aktam and Khanabad-1

цах по стенкам могил. Иногда имелись остатки перекрытия из таких же каменей (Вуадиль, Чек, Карамкуль, Арсиф).

2) Каменные ящики из плит, лежащих вдоль стенок ямы (Ходжа-Ягона).

3) Ящики-цисты (Дахана, Даштиашт).

4) Катакомбы (Япаги, Кашкарчи).

Необходимо отметить, что, в отличие от вышеописанных каменных ящиков, катакомбы конструктивно соответствовали современным мусульманским могилам, состоявшим из впускной ямы «айван», соединявшейся через небольшой округлый проход-тамбур в камеру для захоронения усопшего – «ляхад», находившуюся уровнем ниже. «Айван» опускался от поверхности земли на глубину 1,4–1,5 м по линии северо-запад – юго-восток в форме овала (2,8 х 1,5 м) и у северо-западного края пола через круглое отверстие-тамбур диаметром 50 см и под углом 45^0 можно пройти в вырубленную камеру покойника – «ляхад», ориентированную с запада на восток, глубиной 1,6 м, длиной 2,5 м и шириной 2,2 м (Иванов 1988: 46, рис. 1).

В целом критерии строительства погребальной камеры везде были одинаковыми. Обычно непосредственно под каменным покрытием границы могилы овальной формы отделялись слоем гальки или каменных плит, доходившим до пола погребальной камеры. Стенки ямы были покрыты вытянутыми, выровненными и округлыми камнями или сланцевыми плитами, которые располагались немного наружу, образуя под почвой погребальную камеру – каменный ящик. По результатам исследований, проведенных в 60–70-х годах прошло-

го столетия, отмечалось, что в эпоху бронзы имелись три группы могильников, такие, как «каменные ящики» и «катакомбы» кайраккумской культуры, а также грунтовые могильники чустской (?) культуры (Горбунова 1979: 23). Могильники последнего типа исследователь привела с большим сомнением, поскольку не только в XX веке, но и до последнего времени в Фергане не зафиксированы могильники не только чустской, но и последующей шурабашатской культуры.

В связи с тем, что в кочевых племенах тела умерших зачастую укладывались в скорченном положении, то средняя длина могил (по верхнему внутреннему краю каменных ящиков) составляет 1–1,6 м, ширина – 0,9–1,2 м, глубина – 0,8–1 м. Большинство обнаруженных могил имели длинную ось, направленную на запад, и лишь в некоторых случаях они располагались в направлении восток или север-юг. Поскольку камни, составляющие каменные ящики, располагались наклонно, стенки камеры в целом сужались книзу. Как правило, керамический сосуд ставился сбоку от головы усопшего, так как часто археологические фрагменты сосуда находили перед головой (Гамбург, Горбунова 1956: 87–89).

По данным ряда исследований, упомянутые выше погребальные традиции соблюдались почти у всех племен, принадлежащих к андроновской культуре (Киселева 1951: 68, 70; Литвинский 1962: 287–289; Заднепровский 1966: 213–214). Однако среди захоронений этого периода выделяются катакомбы так как по утверждению их исследователя, подобный тип захоронения зафиксирован впервые не только в Ферганской долине, но и в Центральной Азии в целом (Иванов 1988: 46, 47).

В период становления классической археологии А. Н. Бернштам, изучая могильники кочевников античного периода, выдвинул идею, что «Сако-усуньская культура неразрывно связана с культурой бронзового века» (Бернштам 1952: 210). Однако, по мнению исследователя, всесторонне изучавшего культуру первых кочевников долины, данная позиция А. Н. Бернштама подтверждается, в частности, кайраккумскими материалами, показывающими постепенное формирование сакских комплексов на основе эпохи поздней бронзы. На территории Тянь-Шаня, Алая и Памира прослеживается постепенное развитие конструкций погребальных сооружений в направлении замены могильных ям с каменной обкладкой (и перекрытием) грунтовыми могильными ямами разных форм, в том числе с деревянным перекрытием. Особняком стоят те специфические сооружения, которые известны под названием «курумы», «муг-хона», «каменные ящики» (Литвинский 1962: 168).

Необходимо отметить, что почти во всех изученных могильниках кочевых культур эпохи бронзы зафиксировано положение усопших как в скорченном, так и в вытянутом положении (Иванов 1999: 16–28). Сопоставительный анализ погребений дал исследователю заключить, что даштиаштские и арсифские погребения датируются поздним временем по раскопанным в них сосудам VIII группы, которые по своей форме и покрытию ближе к следующему актамскому периоду, чем к посуде степной бронзы. Карамкульские курганы с каменными вымостками, характерными для памятников эпохи бронзы, совершались в неглубоких ямах без каменных ящиков, зачастую головой на запад, в вытянутом положении, на спине. Эти элементы сближают карамкульские погребения с актамским обрядом. Более того, на северо-западе эволюция конструкций каменных яшиков постепенно поднимается над поверхностью земли, и погребения в Дашти Ашт уже только слегка заглублены. На юго-востоке сначала площадь ямы увеличивается до размеров, при которых погребение в розетках возможно в вытянутом положении, а на самом последнем этапе обкладки ям вовсе исчезают, и погребения совершались почти на поверхности земли (Иванов 1999: 43, 44). Последние факты указывают на определенный эволюционный путь погребальных сооружений именно

у кочевых культур. Во второй части данной статьи будут приведены результаты новых археологических раскопок, полностью подтверждающих данный эволюционный процесс.

Погребальные обычаи кочевых культур в целом широко документированы, но материалов по традициям захоронения в земледельческой чустской культуре эпохи бронзы очень мало. В нашем распоряжении имеются лишь материалы, взятые из наиболее изученных памятников – Дальверзин и Чуст, показывающие, что умерших хоронили на территории городищ и поселений, однако отдельного могильника-некрополя у них не было.

В руинах городища Дальверзин зафиксировано 50 могил, в основном в культурном слое, но только восемь из них полностью раскопаны и изучены. Однако подробные сведения о традиции захоронения удалось получить только в пяти из этих могил. В одной из последних пяти могил усопший был положен на спину и головой на запад, что позволило исследователю сравнить это захоронение с подобными в Актамском могильнике. Хотя остальные четыре погребения выявлены в скорченном виде, причем на левом боку находились скелеты двух женских особ (головами направлены на юго-запад), а скелеты мужчины и ребенка (в направлении с северо-востока на восток-юго-восток) уложены на правую сторону (Заднепровский 1962: 97). Удивительно, но только в одном случае из 50 зарегистрированных могил перед головой погребенного был найден лепной расписной сосуд. При этом человеческие останки были захоронены на глубину 1,7 м, погребение спущено в материковый слой под полом помещения (Заднепровский 1962: 17, 20–24, рис. 4, табл. 1).

На Чустском городище мало хорошо сохранившихся могил и человеческих останков. В связи с тем, что могилы сооружались в культурном слое, их следы почти не сохранились, но при вскрытии первой могилы было отмечено, что скелет лежал на левом боку в скорченном положении. Рост покойного составлял 1,6–1,65 м, его ладони положены под щеки, как бы укладывая спать. Удивило исследователя то, что могила была очень неглубокой и имела глубину 25–30 см, то есть культурный слой над материковым грунтом успел за это время подняться лишь на 30 см (Спришевский 1958: 97).

Таким образом, до конца первой четверти I тыс. до н.э. погребальные обряды кочевых и оседлых культур, сложившиеся в Ферганской долине эпохи бронзы, резко отличались друг от друга в плане конструкции погребальных сооружений. Однако в обеих культурах усопших хоронили как в скорченном положении, так и на спину. При этом отмечено, что внутри кочевых культур, в отличие от оседлых, существует несколько различных погребальных сооружений, а объединяющим фактором являются каменные покрытия – вымостки на могильниках.

Погребальный обряд на востоке Ферганы в период раннего железного века.

Последние четыре года на склонах Ханабада в Андижанской области проводятся полевые исследования на могильнике Ханабад-1 эйлатанского типа, расположенном на увалах адырной гряды в предгорьях Тянь-Шаня, недалеко от реки Карадарья, протекающей с территории соседнего Кыргызстана. Известно, что из этой реки взяты самые длинные искусственные ирригационные сооружения древности – Шахрихансай и Андижансай. Процесс строительства столь масштабных для своего времени каналов привел к бурному развитию урбанизации Ферганы в периоды раннего железа и ранней античности (Абдуллаев 2017б: 116). Все это указывает на то, что территория Ханабада представляла собой плотно заселенную и уникальную контактную зону кочевых и оседлых культур Ферганы раннего железного века. Все вышеперечисленное требует комплексного изучения древности данной местности.

Еще при первом визуальном осмотре адырного хребта были высказаны предположения о том, что здесь находятся остатки древнего могильника кочевых племен, получившие свое подтверждение при последующих полевых исследованиях и показавшие, что этот древний могильник принадлежал восточному варианту эйлатанской культуры, представленной ре-

зультатами археологических исследований 2020–2021 гг. (Абдуллаев, Камбаров 2021: 5–10; Абдуллаев 2022: 52–56; Abdullayev, Qambarov 2022: 55–66).

В ходе археологических раскопок 2020–2023 гг. была открыта и изучена территория площадью более 539 кв.м, преимущественно верхние каменные вымостки могильника, где были изучены две трети вскрытой площади. Был получен довольно большой материал, где, помимо керамики, находки (только целых 43) включают несколько сотен бус различной формы и размера, изготовленных из различных минералов, десятки украшений из железа, бронзы и драгоценных металлов, а также каменные изделия – серпы, сурьматаш. Однако сопоставительный анализ сопроводительного инвентаря, полученного из могильника Ханабад–1, будет представлен в следующих статьях. Здесь можно отметить, что в результате полевых исследований, проведенных на могильнике Ханабад–1 в 2020–2023 гг., обнаружен большой комплекс лепной расписной и станковой керамики, имеющей относительную датировку сер. I тыс. до н. э. Следует также отметить, что на этом памятнике впервые получен комплекс лепной расписной керамики, резко отличающийся от керамических комплексов из других памятников этой культуры на западной и юго-западной части долины, с очень богатой орнаментацией (рис. 1). В связи с этим в представленном исследовании мы ограничимся характеристикой своеобразия погребальных традиций эйлатанского типа и конструкции могильников и их каменных насыпей, описанием расположения скелета в погребальной камере и керамики, а также результатами сравнительного анализа в сравнении с аналогичными в других могильниках эйлатанского круга.

Итак, перейдем к описанию особенностей исследованных могил.

В сезоне 2020 года после снятия дернового слоя и углубления раскопа на 0,5–1,2 м установлено, что в западной части заложенного раскопа на площади 10 х 8 м выявлена галечная вымостка преимущественно из камней среднего размера. В процессе расчистки камней вымостки среди них были обнаружены фрагменты лепной расписной керамики, украшенной геометрическим и растительным орнаментами.

После камеральной обработки каменной вымостки и расчистки территории от камней выступил слой грунта толщиной 15–20 см, где были обнаружены два фрагмента каменных серпов с сохранившейся длиной 9–12 см, шириной 2–4,5 см и толщиной 0,2–0,8 см. Известно, что каменные серпы были характерны для чустской и шурабашатской земледельческой культур Ферганской долины, но не зафиксированы на памятниках эйлатанской культуры. Ханабадские каменные серпы по размерам соответствуют серпам, найденным в чустской и шурабашатской культурах, средний размер которых составлял 15 х 4,2 х 0,8 см (Заднепровский 1962: 33, 36, рис. 12; Гаврюшенко 1970: 9). В целом между чустской и шурабашатской культурами много общего, и это сходство проявляется в лепных расписных сосудах, очень близких по формам и орнаментации друг к другу.

Один из классиков-фергановедов утверждал, что истоки шурабашатской культуры восходят к чустской культуре эпохи бронзы, хотя прямое развитие или косвенную связь между ними пока установить не удалось (Заднепровский 1960: 61). Однако в начале 60-х годов прошлого века на востоке долины, близ города Узген в Киргизии, на поверхности памятника Дехкан, были обнаружены фрагменты лепных расписных и гончарных сосудов, принадлежащие как чустской, так и шурабашатской культурам (Заднепровский 1962: 46). Также в результате наших исследований, проведенных на памятнике Коштепа-2, в верхнем перемешанном слое обнаружен фрагмент лепной керамики чустской культуры, в то время в его нижних слоях получены керамические комплексы, относящиеся к шурабашатской и эйлатанской культурам (Абдуллаев 2016: 26, 30-31, рис. 4, 1, рис. 22, 4, рис. 23, 1, рис. 24).

Первые из приведенных выше данных свидетельствуют о том, что между чустской и шурабашатской культурами существовали некоторые генетические связи, а результаты второго исследования опосредованно подтверждают не только близкие контакты, но и тесные взаимоотношения носителей культур Шурабашата и Эйлатана, указывающие на их совместное обживание местности. В настоящее время выявлены перспективные памятники для анализа концепции последовательности древних культур Ферганской долины. Результаты наших исследований, проведенных в 2023 году на территории Султанабадского массива Кургантепинского района Андижанской области, расположенного в 6 км западнее города Ханабад, показали, что памятники чустской (Джаннатмакан) и шурабашатской (Султанабад-1, -2 и -3) культур находились вблизи друг от друга, на расстоянии 50–100 м. Параллельное исследование последних, по нашему мнению, позволит установить прямое и последовательное развитие между этими земледельческими культурами Ферганы.

Однако вернемся к нашим исследованиям памятника Ханабад-1. После очистки слоя грунта открылся второй слой галечной вымостки, при зачистке которой также выявлены фрагменты лепной расписной керамики. В северо-восточной части раскопа на краю обрыва обнаружено сооружение, состоящее из 7 крупных камней размерами 50–70 х 20–30 х 30–15 см. Хотя функциональное назначение данного сооружения пока неизвестно, но его зачистка в 2021 году показала, что в центре сооружения имелась специальная камера, где находились две лепные расписанные миниатюрные чашечки. Орнаментация сосудов – на одном состояла из центрального узора представленного взаимосвязанными ромбами, каждый из которых включал в себя различные геометрические элементы, а на другом из ряда взаимосвязанных треугольников, также заполненных различными геометрическими мотивами. Характерно, что центральные орнаменты обеих сосудиков – ромбы и треугольники – объединяли в себе как элементы узоров кочевых, так и оседлых культур! В то же время одна из чашечек имела вертикальную плоскую ручку (Абдуллаев 2023: 25, рис. 3). Интересно отметить, что хотя внутренняя камера имела достаточное пространство, чтобы можно было поставить чашки вертикально, они были положены на бок. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что древние жители Ханабада с почтением относились к проводам своих соплеменников в «иной мир», следуя определенным религиозным ритуалам, поддерживая своеобразный погребальный обряд.

В восточной части раскопа обнаружена вымостка из камней среднего размера в форме круга, западный край которого обрывается на краю западного «среза» памятника. Вероятнее всего, это была часть вымощенного гальками круга, характерного для погребальных традиций на могильниках эйлатанской культуры (Горбунова 1961а: 173, рис. 2; Горбунова 1969: 73, рис. 2).

В ходе расчистки на восточном краю раскопа была найдена полусферическая лепная расписная чаша высотой 8 см и диаметром устья 21 см. Центральный дизайн чаши состоял из ряда ромбов, заполненных геометрическими линиями и фигурами. Известно, что в погребениях эйлатанской культуры сопроводительные чаши зачастую располагались с правой стороны края могилы над плечом усопшего (Гамбург, Горбунова 1957б: 79–80, рис. 28; Горбунова 1969: 74, рис. 3). Расчистка участка, исходя от этой установки, позволила выявить следы могилы М-1, заполненной невысокой (20–40 см) насыпью из камней среднего размера. Конструктивно могила представляет собой впускную яму в виде вытянутого прямоугольника с овальными краями, стенки которых сужались книзу под углом 80^0. Следовательно, если длина могилы по верху составляла 2,1 м, то у дна она сокращалась до 1,9 м, ширина камеры по верху доходила до 60–70 см, а в нижней части составляла 60–50 см, при глубине 75–80 см.

Особенность захоронения в могиле М-1 состояла в том, что усопшего (длина скелета 1,58 м) укладывали на спину, ориентированно с востока на запад, а затем засыпали последовательными слоями земли и камня мощностью в пределах 20 см. Данные полностью соответствуют погребальному обряду эйлатанской культуры (Горбунова 1969: 74), и такая последовательность могла быть нарушена лишь человеческим фактором, связанным с ограблением могилы в течение нескольких лет после захоронения, о чем ниже будет представлен ряд примеров.

Дальнейшая очистка каменного круга привела к обнаружению второй полусферической лепной расписной чаши. Диаметр устья сосуда 15 см, высота 11 см. Открытая перед ним могила М-2 также имела вытянутую овальную форму. Могильная яма имела следующие размеры: длина по верху 2,0 м, внизу 1,85 м, ширина 55–60 и 40–50 см при глубине 0,8 м. Длина скелета сохранилась на уровне 1,53 м. Умерший положен на спину в направлении с востока на запад. Впускная яма также последовательно заполнялась слоями грунта и камня толщиной 20–30 см.

В центре раскопа среди камней обнаружены следы округлого (вероятно, ритуального) очага диаметром 50х60 см. Когда были сняты ее размеры и расчищено место, то оказалось, что ритуальный очаг был сооружен поверх сопроводительного инвентаря предшествующей могилы М-3, где позже были обнаружены две чаши. Одна из них представляла собой полусферическую лепную чашу без орнамента (диаметр 20–21 и высота 8 см), а другая – станковую чашу с прямым выделенным венчиком, диаметр устья составлял 12,5 при высоте 7,5 см (Abdullaev, Kambarov 2021: 247, 6-rasm). Сосуды были целыми, но лепная чаша, видимо, довольно длительное время находилась по центру очага, что сильно повлияло на ее конструктивную прочность и при извлечении разбилась на несколько частей.

В ходе полевых исследований 2022 года вскрыто и изучено шесть (3–8) могил. После полной зачистки вокруг упомянутых выше сосудов справа от гончарной чаши стали проступать следы следующей могилы М-3. Несмотря на наличие насыпи из камней небольшого и среднего размеров над могилой, сразу определить стенки входной ямы не удалось. Было также отмечено, что в погребальной камере была нарушена последовательность слоев камня и грунта – они были перемешаны; среди них также были обнаружены фрагменты человеческого черепа. Лишь после раскопок более чем на полметра были найдены стенки могилы длиной 1,85 м, шириной 70–75 см и глубиной 1,25 м. Погребенный также уложен на спину, в направлении с востока на запад. Однако, в отличие от предыдущих скелетов, у него ноги были согнуты и представлены в положении «всадника». Верхняя часть скелета сильно повреждена – череп почти цел (за исключением некоторых частей), отсутствуют оба предплечья и большая часть ребер и позвоночников. Все вышеизложенное позволяет констатировать, что могила М-3 была разграблена еще в древний период. По этой причине длина скелета представлена примерно 1,52–1,54 м. Тем не менее, по мнению антрополога, исходя из длины ног скелета, можно предположить, что его общая длина не превышала 1,65 м, а наличие на черепе «incisura ischiadica major» указывает на принадлежность скелета женской особе (Bulkstrra, Ubelaker 1994: 18).

Хотя могила М-3 в прошлом была разграблена, однако сохранившийся в ней инвентарь свидетельствует о том, что она была значительно богаче остальных обнаруженных, потому что из могилы было извлечено множество различных минеральных (бусы) и железных (серьги, кольца и браслеты) украшений, а также цветных (бронза) фрагментов из драгоценных (золото) металлов. Все это, конечно, свидетельствует о том, что покойный имел очень высокий социальный статус. В то же время положение усопшего в виде «всадника» указывает на то, что он при жизни был искусным наездником. Такая ситуация соответствует све-

дениям из древних летописей об амазонках или женщинах-наездницах в кочевых племенах, участвовавших в различных битвах наравне с мужчинами.

Могила М–4 во многом отличалась от остальных: она располагалась под большим круглым курганом диаметром 8–9 м и высотой до 45 см, выложенным из средних и крупных камней. Конструктивно могила представляла собой впускную яму вытянутой овальной формы. Глубина могилы составляла 1,3 м от уровня дневной поверхности под каменным курганом, длина по устью ямы доходила до 2,7 м, а по дну – 1,9 м, также ширина (от головы до ног) – 0,81 х 1,4 х 0,75 м поверху и 55 х 60 х 50 см понизу. В центре северной и южной стен могильной камеры особый интерес представляют две полусферические лепные расписные чаши, поставленные отдельно в вырубленных в стенках камеры полках глубиной 55 и 65 см соответственно. В могиле не было никаких следов грабежа, но, кроме двух упомянутых выше чаш, никаких других предметов обнаружено не было.

Особенность могилы М-4 состояла в том, что усопший лежал на правом боку в скорченном положении, ориентированный с востока на запад. Следует отметить, что скелет погребенного сохранился гораздо лучше, чем в других раскопанных могилах. Он располагался в восточной половине могильной ямы, а череп имел неестественное положение, т. е. череп был приставлен к плечам верхней теменной частью (очень возможно, что голова была отрублена)! Скорченное положение усопшего позволяет лишь примерно указать длину скелета – 1,62 м. Пространство в 90 см от центра до западной стенки погребальной камеры было заполнено преимущественно крупными камнями (диаметр 45–60 см) и частично слоем грунта. Усопшего закапывали традиционно последовательно слоем грунта и слоем камня среднего и мелкого размера.

Захоронения усопших в скорченном положении, выявившиеся с началом целенаправленных археологических экспедиций (Окладников 1956: 16; Гамбург, Горбунова 1957а: 134, рис. 5), обычно было характерно для эпохи бронзы, как это было указано в предыдущем разделе статьи. Вероятно, продолжение столь архаичной традиции в могильнике раннего железного века является результатом консервативности похоронного обряда кочевых культур не только Ферганы, но и всей Центральной Азии. Вопрос в другом: если покойного хоронили в могильной яме в скорченном положении, то зачем было сооружать относительно глубокую и длинную могилу, в отличие от других могил? Ведь, по сути, можно было сооружать более компактные могилы в соответствии с размерами усопшего в скорченном положении, как это представлено в могильниках кочевников эпохи поздней бронзы! Это, несомненно, было связано с существованием особой социальной стратификации, отраженной в погребальной обрядности ханабадского варианта эйлатанской культуры, поскольку подобные погребальные традиции не встречаются в других могильниках этой культуры.

Могила М-5 представляет собой прямоугольную яму со скругленными углами, ориентированную с северо-востока на юго-запад. Ее верхняя часть представлена небольшой насыпью из крупных и средних камней высотой 30–35 см, что позволяло предположить лучшую сохранность могилы. Однако вскрытие показало, что под каменной насыпью слои камня и грунта в яме были перемешаны. Интересно, что в центре этой смеси камня и земли располагались две полусферические лепные расписанные чаши (одна диаметром 11,5 см и высотой 9 см, другая диаметром 16 см и высотой 8 см).

Глубина могилы составляла 1,0 м, длина по верху – 2,05 м, по дну – 1,85 м, соответственно ширина по верху – 50–80 см, а по дну – 45–60 см, длина скелета 1,58 м. Возможно, что и эта могила была ограблена еще в древности, поскольку послойное заполнение (слоями камня и земли) погребальной камеры было нарушено. В то же время в первых двух могилах М-1 и М-2 обнаружено большое количество бус из различных минералов и железных украшений, а в могиле М-5 таких предметов выявлено очень мало.

Могила М-6 отличается от других могил тем, что ее глубина составляла всего 0,6 м, а в остальном она аналогична упомянутым могилам. Поверхность ее представляла собой смесь камня и грунта, но какого-нибудь возвышения в виде каменного кургана на ней не зафиксировано. Среди камней на юго-западной стороне поверхности могилы, у правого плеча скелета, обнаружена полусферическая лепная расписная чаша диаметром 14 см и высотой 8,5 см, с плоским дном. Погребальная камера была заполнена слоями толщиной 15–20 см грунта и преимущественно средними и крупными камнями, а в верхней части могильной ямы укладывались мелкие (диаметром 7–10 см) камни. Длина могильной ямы составляла 1,85 м, а ширина – 55–45 см (длина скелета 1,6 м). В этом погребении усопший также был положен на спину, ноги вытянуты, руки скрещены с обеих сторон, а голова несколько наклонена к ногам из-за каменной подушки под головой. Использование каменной подушки под голову усопшего в погребальном обряде эйлатанской культуры практиковалось начиная с Актамского периода (Гамбург, Горбунова 1957б: 79), хотя подобный обряд достаточно часто встречался и в могильниках бронзового века (Иванов 1999: 21). Сохранность скелета несколько лучше, чем в могилах М–3, М–5 и М–7. Вероятность принадлежности останков принадлежали мужчине, определяется тем, что среди сопроводительного инвентаря женских украшений зафиксировано не было.

Могила М–7 ориентирована с северо-востока на юго-запад. Особенностью погребального сооружения является то, что для заполнения могильной ямы не использовался камень. Погребальная камера была полностью заполнена землей, что зафиксировано впервые за весь период исследований в Ханабаде. Однако поверхность могилы М–7, как и в других могилах, имела небольшую насыпь из камней среднего и крупного размеров. Вообще, практика засыпки могильной ямы землей среди представителей кочевых культур раннего железного века и ранней античности не являлась исключением (Бернштам 1952: 190), хотя подобное положение также имело место и в период бронзового века (Горбунова 1979: 23).

Еще одна особенность могильной ямы М–7 в том, что она очень узкая и глубокая: длина ее 1,8 м, ширина в изголовье 40 см, в центре 55 см, у подножия 35 см, в то время как глубина составляла 1,4 м. Последнее, вероятно, очень усложняло как сам процесс выкапывания впускной ямы, так и захоронение усопшего. Длина скелета 1,58 м. Около центра южной стены могилы, на высоте 50 см над полом камеры, была вырублена специальная полка, в которую были поставлены две станковые полусферические чаши – одна диаметром венчика 22 см и высотой 10,8 см, другая – диаметром венчика 16 см и высотой 7,8 см. Самый крупный из этих сосудов, представлявший собой классическую станковую чашу эйлатанской культуры, имелся в обиходе вплоть до III в. до н. э. (Горбунова 1970: 84–85).

Как обычно, тело лежало на спине, но ноги были скрещены – правая нога была закинута на левую. Также выделяется положение рук, где левая рука согнута к груди, а ладонь направлена к ногам. При этом ладонь правой руки направлена к локтю левой. Следует отметить, что под скелетом было найдено несколько плоских камней: более крупные камни помещались под головой, под лопаткой, под тазом и по обе стороны колен, чтобы удерживать их скрещенное положение.

Особенность полевого сезона 2022 года в том, что среди вскрытых могил обнаружен кенотаф – могила М–8, где отсутствовали человеческие останки. Верх могилы перекрыт каменной насыпью диаметром 2–3 м и высотой 30–40 см. Под ним находилась погребальная камера длиной 1,8 м, шириной 60–75 см и глубиной 0,8 м. Здесь, как и в могиле М–7, погребальная камера была полностью засыпана землей, в центре южной стены и почти перед полом высечена полка, на которой найдена полусферическая лепная расписная чаша. Не только в древней истории Ферганы, но и всей Средней Азии, начиная с эпохи бронзы, подобные кенотафы фиксировались в могильниках кочевых культур довольно часто (Бернштам 1952:

189; Литвинский 1962: 116; Козенкова 1966: 212; Аванесова 2020: 156). Есть вероятность того, что подобные погребальные обряды проводились лишь по особым случаям, когда по каким-то причинам было невозможно привезти тело соплеменника (воина), имевшего особый статус в обществе.

В 2023 году были вскрыты и изучены могилы М-9-21, но поскольку остеологические, минералогические и металлические образцы все еще находятся в процессе современной технологической обработки, будут представлены лишь некоторые обобщающие итоги. Необходимо отметить, что основные параметры подготовки погребальных сооружений не имели больших различий от вскрытых ранее могил данного памятника. Они также имели форму впускной ямы в виде продолговатого овала, небольшие каменные насыпи которые сохранялись на высоту 10–25 см. Погребенного зачастую укладывали на спину и закапывали последовательно слоями земли и камней. Своеобразным открытием данного сезона является вскрытие могил с повторным захоронением (М–9 и М–21) по истечении определенного времени. Если в могиле М–9 отчетливо прослеживается временной промежуток между двумя захоронениями без вреда останкам предыдущего захоронения, то в могиле М–21 центральная часть скелета нижнего захоронения была вырублена и выброшена в процессе подготовки могильной ямы для последующего захоронения. Поэтому при вскрытии первоначальным впечатлением было, что обоих усопших укладывали друг на друга почти в одно время. Необходимо отметить, что эти «парные» захоронения включали в себя останки мужчин и женщин. Если в первом (М–9) случае нижнее захоронение представлено скелетом женщины в вытянутом положении, а верхнее – мужчины в скорченном положении, то во втором (М–21) случае внизу были останки мужчины, а вверху – женщины, где оба усопших были в вытянутом положении.

Заключение. Таким образом, все вышеизложенное показывает, что в предгорьях Тянь-Шаня сформировался уникальный эволюционный процесс кочевой эйлатанской культуры, включавший в себя не только различные элементы жизни кочевников и оседлых племен раннежелезного века, но и погребальные традиции культур предыдущего периода.

Полевые исследования, проводившиеся на памятнике Ханабад-1, по существу, выявило несколько научных проблем, проявившихся в следующем:

1. Впервые раскапывается и изучается могильник эйлатанской культуры, расположенный в самом восточной части Узбекистана. Почти весь диапазон погребальных традиций могильника Ханабад-1 соответствует критериям погребального обряда не только могильников эйлатанской культуры западной и юго-западной части Ферганы, но также сохраняет ряд основных параметров захоронения кочевых культур региона эпохи бронзы – наличие впускной ямы с сужением у дна (хотя и без каменных ящиков), последовательное заполнение могильной камеры слоями грунта и камня, наличие грунтово-каменных насыпей-курганов и галечной вымостки на поверхности могильника. Все перечисленное указывает на генетическую последовательность погребального обряда носителей эйлатанской культуры, являвшихся преемниками кочевых культур эпохи бронзы.

2. Курганы, раскопанные в могильнике Ханабад-1, характеризуются своей конструкцией (овальные впускные ямы, заполненные последовательно слоями грунта и камня), ориентированной только на запад, с учетом некоторых отклонений (северо-запад, юго-запад), в зависимости от времени года, и богатым комплексом погребального инвентаря (богато орнаментированная лепная расписная керамика, женские украшения из металла и различных минералов, изделия из камня и керамики), располагавшегося в погребении по определенным критериям, характерным для всех могильников культуры Эйлатан.

3. В отличие от эйлатанских курганов, расположенных в западных и юго-западных пустынно-степных районах долины и хорошо известных мировому научному сообществу, в могильнике Ханабад-1, помимо погребений умерших на спине, соответствовавших религиозным представлениям и погребальному обряду эйлатанцев, сохранились и погребальные традиции бронзового века – захоронения в скорченном положение. В этом плане следует отметить, что только в могильнике Ханабад-1 эйлатанской культуры отчетливо прослеживается параллель с кайраккумской культурой в сохранении двух видов трупоположения. Однако при захоронении в скорченном положении для покойного сооружается стандартная впускная яма, как и для захоронения в вытянутом положении – различается длина погребальной камеры. Тем не менее несколько интригует не только несоразмерная длина (2 м) могильной ямы для захоронения в скорченном положение (М-4, М-9), но и глубина (М-4) почти в два раза больше (1,35 м) обычного. Дело в том, что в скорченном виде рост погребенного уменьшается вдвое и в среднем составляет 0,9 м. Соответственно кажется логичным, что могила должна быть в два раза компактнее и по длине, и по глубине, но, на наш взгляд, эта кажущаяся нелогичная ситуация основана на четких критериях и канонах, сформировавшихся в период эйлатанской культуры. Последнее, вероятно, напрямую связано с религиозным представлением и мировоззрением носителей этой кочевой культуры Ферганы.

4. Одним из уникальных открытий могильника Ханабад-1 является наличие своеобразных «парных» (друг за другом, а не друг возле друга) захоронений. В первом случае (М–9) повторное захоронение происходит после определенного времени и с сохранением четкой дистанции между ними, а во втором (М-21) – через очень короткий промежуток времени и с анатомическим нарушением скелета, предшествовавшего захоронению. Ситуация с могилой М–9 – два последовательных захоронения – не зафиксированы в известных могильниках эйлатанской культуры, но что-то похожее отмечено в некоторых курганах кочевых культур предыдущей эпохи бронзы (Пиотровский 1973: 466; Иванов 1999: 24). Подобные новации в погребальном обряде объясняются, вероятно, введением специфических изменений в традиции захоронений в данной культуре. Особый интерес представляет верхнее захоронение могилы М-9, так как второй раз после М–4 погребенный был в скорченном положении, что не вводит подобную практику в ранг исключений из погребальных традиций. В целом наличие двух видов трупоположения сохраняется в погребальной традиции с эпохи бронзы, но для эйлатанской культуры подобное выявлено пока только для крайней восточной части Ферганы.

5. В отличие от могильников, принадлежащих эйлатанской культуре в западных и юго-западных районах Ферганы, образцы материальной культуры и, в особенности, лепной расписной керамики, представленной в виде основного сопроводительного инвентаря погребенных на могильнике Ханабад–1, являются оригинальными. Орнаментация погребальных сосудов значительно богаче выявленной керамики из таких могильников, как Актам, Суфан и Кунгай, поскольку, наряду с чисто кочевническими узорами, зачастую и в центральных сюжетах орнаментации сосудов, преобладают элементы узоров оседлых или смешанных с кочевыми народов. Более того, мотивы орнаментации каждого сосуда уникальны, так как они не повторяются.

Эти результаты полевых исследований показывают, насколько богато наследие древностей Ханабада. Вышеизложенное позволяет говорить не только о том, что могильник Ханабад–1 по своим размерам, по богато орнаментированной керамике, по украшениям из различных минералов и металлов может быть одним из крупных центральных могильников эйлатанской культуры, но и о том, что эта культура является преемницей не земледельческой, а кочевой культуры бронзового века.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Абдуллаев Б. М. Урбанизационные процессы в античной Фергане // История и археология Турана / Ред. А. Э. Бердимурадова. Самарканд, 2017. № 3. С. 113–120.

Абдуллаев Б. М., Камбаров Н. Ш. Андижон вилояти Хонобод-1 ёдгорлигидаги қазишма натижалари // АИ. Вып. 13. Самарканд, 2021. С. 5–10.

Абдуллаев Б. М. Фарғона водийси илк темир даври маданиятлари тадқиқотлари бўйича шарҳ // Issues of тне Centralasian history in world historiography : First International scientific conference. Volume 1. Fergana, 2022. P. 100–107.

Абдуллаев Б. М. К проблеме эйлатанской культуры древней Ферганы // Бюллетень МИЦАИ. Вып. 35. Самарканд, 2023. С. 19–35.

Аванесова Н. А. Археология Средней Азии: энеолит и бронзовый век / Отв. ред. Аскаров А. А. Самарканд: Shabnam omad nur, 2020. 274 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М.-Л.: Академия наук СССР, 1952. 343 с.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. Вып. 63 / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 88–97.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. М.: Наука, 1957а. № 3. С. 130–135.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-тамский могильник // КСИИМК. Вып. 69. М.: Наука, 1957б. С. 78–90.

Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник // АСГЭ. Вып. 3. Л.: ГосЭрмитаж, 1961а. С. 171–194.

Горбунова Н. Г. К вопросу о расписной керамике Ферганы // СГЭ. Вып. XXI. Л.: ГосЭрмитаж, 1961б. С. 41–44.

Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. Л.: ГосЭрмитаж, 1962. С. 91–122.

Горбунова Н. Г. Суфанский могильник // АСГЭ. Вып. 11. Л.: ГосЭрмитаж, 1969. С. 72–91.

Горбунова Н. Г. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы // СА. М.: Наука, 1970. № 1. С. 77–86, карт.

Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА. М.: Наука, 1979. № 3. С. 16–34.

Горбунова Н. Г. О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. Вып. 32. 1995. С. 13–30: ил.

Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области / Отв. ред. П. Н. Кожемяко. Фрунзе: Академия наук Кирг.ССР, 1960. 176 с.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. Вып. 118. М.-Л.: Академия наук СССР, 1962. 328 с.

Заднепровский Ю. А. Памятники андроновской культуры / / Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. В. М. Массон. М.: Академия наук СССР, 1966. С. 193-207.

Иванов Г. П. Кашкарчинскии могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане // ОНУ. Вып.10. Ташкент: Фан, 1988. С. 44–47.

Иванов Г. П. Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация) // Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Самарканд, 1999. 188 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / Отв. ред. В. М. Массон. М.: Академия наук СССР, 1951. 635 с.

Козенкова В. И. Погребельные памятники Ферганы первых веков нашей эры // СА. М., 1966. № 1. С. 211–226.

Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов // Древности Кайрак-Кумов / Отв. ред. Д. Е. Хайтун. Труды АН Тадж. ССР. Том. XXXIII. Душанбе, 1962. С. 90–403.

Окладников А. П. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 года // Археологические работы в Таджикистане в 1954 году / Отв. ред. Д. Е. Хайтун. Сталинабад: Академии наук Таджикской ССР, 1956. С. 5–18.

Пиотровский Ю. Ю. Памятники эпохи бронзы в Ферганской долине // АО 1972. М.: Наука, 1973. С. 465–466.

Спришевский В. В. Чустское поселение эпохи бронзы // КСИИМК. Вып.71. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 86–98.

Abdullaev B. M., Kambarov N. Sh. Xonobod yodgorligida olib borilgan tadqiqotlarning dastlabki natijalari // International conference: “The history of the Fergana valley in new researches”. Section 1: Archeology and Ethnology of the Fergana Valley. 2021. B. 233–249. https://doi.org/10.47100/conferences.v1i1.1299

Abdullaev B. M., Kambarov N. Sh. Andijon viloyatidagi Xonobod-1 yodgorligida ikkinchi mavsum dala tadqiqot natijalari // FarDU ilmiy xabarlari. 5-son. Farg’ona, 2022. B. 55–66.

Bulkstrra J., Ubelaker D. Standarts for date collectionsfrom human skeletal remains // Proceeding of a seminar at the Field Museum of natural history / organized by Jonathan Haas. Arkansas, 1994. 206 p.

REFERENCES:

Abdullaev, B. M. 2017. In Berdimuradov, A. E. (ed.). *Urbanizatsionnye protsessy v antichnoj Fergane (Urbanization processes in ancient Fergana).* In *Istoriya i arkheologiya Turana (History and archeology of Turan).* Issue 3. Samarkand, 113–120. (In Russian).

Abdullaev, B. M., Kambarov, N. Sh. 2021. *Andizhon viloyati Khonobod-1 yodgorligidagi qazishma natizhalari (Excavation results in Khanabad-1 monument of Andijan region).* In *Arkheologicheskie issledovaniya (Archaeological Research).* Issue 13. Samarkand, 5–10. (In Uzbek).

Abdullaev, B. M. 2022. *Farg‘ona vodijsi ilk temir davri madaniyatlari tadqiqotlari bo‘jicha sharh (Comments of studies on the cultures of the Early Iron Age of Fergana).* In *Issues of tne Centralasian history in world historiography: First International scientific conference.* Volume 1. Fergana, 100–107. (In Uzbek).

Abdullaev, B. M. 2023. *K probleme ehjlatanskoj kul’tury drevnej Fergany (On the Problem of the Eilatan Culture in Ancient Fergana).* In *Byulleten’ Mezhdunarodnyj institut central’noazatskih issdudovanij (Bulletin International Institute for Central Asian Studies).* Issue 35. Samarkand: IICAS Publ., 19–35. (In Russian).

Avanesova, N.A. 2020. In Askarov, A. A. (ed.). *Arkheologiya Srednej Azii: ehneolit i bronzovyj vek (Archaeology of Central Asia: Eneolithic and Bronze Age).* Samarkand: Shabnam omad nur Publ., 274. (In Russian).

Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral’nogo Tyan’-Shanya i Pamiro-Alaya (Historical and archaeological essays on the Central Tien-Shan and Pamir-Alai).* In *MIA (Materials and research on the archeology of the USSR).* No 52. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 343. (In Russian).

Gamburg, B. Z., Gorbunova, N. G. 1956. *Mogil’nik ehpokhi bronzy v Ferganskoj doline (Bronze Age burial ground in the Fergana Valley).* In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture).* Issue 63. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 88–97. (In Russian).

Gamburg, B. Z., Gorbunova, N. G. 1957a. *Novye dannye o kul’ture ehpokhi bronzy Ferganskoj doliny (New data on the Bronze Age culture of the Fergana Valley).* In *Sovetskaya arheologya (Soviet archeology).* Issue 3. Moscow: Nauka Publ., 130–135. (In Russian).

Gamburg, B.Z., Gorbunova, N.G. 1957b. *Ak-tamskij mogil’nik (Ak-tam burial ground).* In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture).* Issue 69. Moscow: Nauka Publ., 78–90. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1961a. *Kungajskij mogil’nik (Kungaj burial ground).* In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Èrmitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum).* Issue 3. Leningrad: GosEhrmitazh, 171–194. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1961b. *K voprosu o raspisnoj keramike Fergany (On the issue of painted ceramics of Fergana).* In *Soobshenya Gosudarstvennogo Èrmitazha (State Hermitage Museum Messages).* Issue XXI. Leningrad: Gos Ehrmitaj, 41–44. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1962. *Kul’tura Fergany v ehpokhu rannego zheleza (Fergana culture in the early Iron Age).* In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum).* Issue 5. Leningrad: GosEhrmitazh, 91–122. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1969. *Sufanskij mogil’nik (Sufan burial ground).* In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Èrmitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum). I*ssue 11. Leningrad: GosEhrmitazh, 72–91. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1970. *O lokal’nykh osobennostyakh v kul’ture drevnej Fergany (On local features in the culture of ancient Fergana).* In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology).* Issue 1. Moscow: Nauka, 77–86, kart. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1979. *Itogi issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Ferganskoj oblasti (k istorii kul’tury Fergany) (Results of the study of archaeological monuments of the Fergana region (to the history of the culture of Fergana).* In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology).* Issue 3. Moscow: Nauka, 16–34. (In Russian).

Gorbunova, N. G. 1995. *O kul’ture stepnoj bronzy Fergany (About the Fergana Steppe Bronze Age Culture).* In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Èrmitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum).* Issue 32. Leningrad: GosEhrmitazh, 13–30: il.

Zadneprovskij, Yu.A. 1960. In Kojemyako, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki yuzhnykh rajonov Oshskoj oblasti (Archaeological sites of the southern regions of the Osh region).* Frunze: Akademiya nauk Kirg.SSR, 176 (In Russian).

Zadneprovskij, Yu. A. 1962. *Drevnezemledel’cheskaya kul’tura Fergany (Ancient agricultural culture of Fergana).* In *MIA (Materials and research on the archeology of the USSR).* No 118. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 328. (In Russian).

Zadneprovskij, Yu. A. 1966. In Masson, V. M. (ed). *Pamyatniki andronovskoj kul’tury (Monuments of the Andronovo culture).* In *Srednyaya Aziya v ehpokhu kamnya i bronzy (Central Asia in the Stone and Bronze Ages).* Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 193–207. (In Russian).

Ivanov, G. P. 1988. *Kashkarchinskii mogil’nik – novyj pamyatnik ehpokhi pozdnej bronzy v Fergane (Kashkarchinsky burial ground – a new monument of the Late Bronze Age in Fergana).* In *Obshestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences of Uzbekistan).* Issue 10. Tashkent: Fan Publ., 44–47. (In Russian).

Ivanov, G. P. 1999. *Arkheologicheskie kul’tury Fergany (periodizatsiya i sinkhronizatsiya) (Archaeological cultures of Fergana (periodization and synchronization):* Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Samarkand, 188. (In Russian).

Kiselev, S. V. 1951. In Masson, V. M. (ed). *Drevnyaya istoriya YUzhnoj Sibiri (Ancient history of Southern Siberia).* Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 635. (In Russian).

Kozenkova, V. I. 1966. *Pogrebel’nye pamyatniki Fergany pervykh vekov nashej ehry (Funeral monuments of Fergana of the first centuries of our era).* In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology).* Issue 1. Moscow: Nauka Publ., 211–226. (In Russian).

Litvinskij, B. A. 1962. In Khajtun D. E. (ed). *Pamyatniki ehpokhi bronzy i rannego zheleza Kajrak-Kumov (Monuments of the Bronze and Early Iron Ages Kayrak-Kumov).* In *Drevnosti Kajrak-Kumov (Antiquities of Kairak-Kum).* Trudy AN Tadzh. SSR. Issue XXXIII. Dushanbe, 90–403. (In Russian).

Okladnikov, A. P. 1956. In Khajtun, D. E. (ed). *Predvaritel’nyj otchet ob issledovanii pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov v Tadzhikistane letom 1954 goda (Preliminary report on the study of monuments of the Stone and Bronze Ages in Tajikistan in the summer of 1954).* In *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane v 1954 godu (Archaeological work in Tajikistan in 1954).* Stalinabad: Akademii nauk Tadzhikskoj SSR, 5–18. (In Russian).

Piotrovskij, Yu. Yu. 1973. *Pamyatniki ehpokhi bronzy v Ferganskoj doline (Bronze Age monuments in the Fergana Valley).* In *Arheologičeskie otkrytiâ (Archaeological discoveries).* Moscow: Nauka, 465–466. (In Russian).

Sprishevskij, V. V. 1958. *Chustskoe poselenie ehpokhi bronzy (Chust settlement of the Bronze Age).* In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii AN SSSR (Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture).* Issue 71. Moscow, 86–98. (In Russian).

Abdullaev, B.M., Kambarov, N. Sh. 2021. *Xonobod yodgorligida olib borilgan tadqiqotlarning dastlabki natijalari (Preliminary results of studies monuments of Khanabad).* In *International conference: “The*

history of the Fergana valley in new researches”. Section 1: Archeology and Ethnology of the Fergana Valley. 233–249. (In Uzbek).
https://doi.org/10.47100/conferences.v1i1.1299
Abdullaev, B. M., Kambarov, N. Sh. 2022. *Andijon viloyatidagi Xonobod-1 yodgorligida ikkinchi mavsum dala tadqiqot natijalari (Resul ts of мне second season on khanabad-1 cemetery in field studies in andijan region).* In *FarDU ilmiy xabarlari (Scientific news of Fergana State University).* Issue 5. Fargana 55–66. (In Uzbek).
Bulkstrra, J., Ubelaker, D. 1994. In Jonathan Haas. *Standarts for date collections from human skeletal remains.* In *Proceeding of a seminar at the Field Museum of natural history.* Arkansas, 206.

ON THE CONTINUITY OF THE FUNERAL RITE IN EILATAN CULTURE

© 2024. Bakhtiyor Abdullaev

Samarkand Institute of Archeology named after Y. Gulyamov

Keywords: Andijan, Khanabad, Bronze and Early Iron Ages, burial ground, nomadic and agricultural cultures.

This article presents the results of a comparative analysis of burial ground designs from the Bronze and Early Iron Ages, based on archaeological research at the Khanabad-1 site. It attempts to reveal distinctive features of the burial traditions associated with the nomadic and agricultural cultures of Bronze Age Fergana. While the funerary rituals align with the main characteristics of the Eilatan culture, the discovery of a complex of richly ornamented molded and painted ceramics – featuring specifically agricultural motifs – is unprecedented for this cultural group. The construction of graves and burial rites at Khanabad-1 largely correspond to the less-studied burial grounds of the Eilatan culture in western and southwestern Fergana. However, they also closely resemble the burial traditions of Bronze Age nomadic cultures. Notably, a grave containing a crouched skeleton, characteristic of the Late Bronze Age, was discovered in the eastern part of the valley. Additionally, cenotaphs were identified at the Khanabad-1 site, a practice typical of nomadic tribes from the preceding period. These findings suggest that the people associated with the Khanabad-1 burial ground, representing the eastern variant of the Eilatan culture, were likely the successors of the nomadic Kairakkum culture.

ДВЕ СЕРЕБРЯНЫЕ РАННЕСОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ НОВОГО ТИПА (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ III – НАЧАЛО IV ВВ. Н.Э.)

© 2024. Анвар Атаходжаев [1], Александр Наймарк[2]

[1]Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова
[2]Университет Хофстра, Нью-Йорк

Ключевые слова: Монета, чекан, Согд, Чач, Самарканд, Кангюй, тамга, согдийская палеография, самаркандский лучник, раннечачские монеты.

Два года назад японский коллекционер Синдзи Хирано опубликовал информацию о монете, найденной в Самаркандской области вместе с другим аналогичным экземпляром. Хотя информации о второй монете у нас нет, нам удалось ее сфотографировать. По размерам и иконографии изображения на аверсе этих монет можно сказать, что они очень близки к изображению правителя на самаркандских стрельчатых монетах, отчеканенных в третий раз (последняя четверть III в. – начало IV века нашей эры). В круговой надписи на реверсе монет идентифицируются только 4 из 7 символов, которые имеют сходство с упомянутыми выше самаркандскими стрельчатыми монетами третьего тиража в согдийской палеографии конца III – начала IV вв. век н. э. Наконец, эти монеты по металлу и весу очень похожи на выделенные самаркандские монеты. Исходя из места находки и всего сходства, можно предположить, что эти две монеты чеканились в Самаркандском Согде в течение короткого периода времени в конце III – начале IV вв. н. э. Также в центре обратной стороны монеты находится штамп, в точности похожий на штампы, которые начали печатать на «ранних чачских монетах» с начала V века.

ИККИТА ИЛК СУҒД КУМУШ ТАНГАЛАРИНИНГ ЯНГИ ТИПИ (МИЛОДИЙ III АСРНИНГ ОХИРГИ ЧОРАГИ – IV АСР БОШЛАРИ)

© 2024. Анвар Атаходжаев [1], Александр Наймарк[2]

[1]Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти
[2]Хофстра университети, Нью-Йорк

Калит сўзлар: Танга, зарб этиш, Суғд, Чоч, Самарканд, Қанғюй, тамға, суғд палеографияси, Самарқанд камончиси, илк Чоч тангалари.

Бундан икки йил олдин япон коллекционери Шинджи Хирано томонидан Самарқанд вилояти ҳудудидан топилган бир-бирига ўхшаш бўлган иккита танга ҳақидаги маълумот эълон қилинди. Бунда иккинчи танга ҳақида маълумот бизда мавжуд бўлмасада, аммо унинг фотосуратини олишга муваффақ бўлдик. Ушбу тангаларнинг олд томонига (аверс) туширилган тасвирлар Самарқанд ҳукмдори тасвири (милодий III асрнинг охирги чораги - IV асрнинг боши) акс этган тангаларга яқин эканини айтиш мумкин. Тангаларнинг терс (ревер) томонидаги доира шаклида ёзилган ёзув ичидаги 7 та белгининг атиги 4 тасини аниқлаш мумкин ва улар милодий III асрнинг охирги чораги – IV аср боши билан саналаштириладиган Суғд палеографиясида, қисман юқорида тилга олинган учинчи марта зарб қилинган Самарқанд тангалари билан ўхшашликка эга. Ниҳоят, ушбу тангалар метали ва оғирлиги жиҳатидан ҳам Самарқанд

зарбидаги таъкидлаб ўтилган тангаларга жуда яқин. Топилма жойи ва барча ўхшашликлардан келиб чиқиб, бу иккала танганинг милодий III асрнинг охирги чораги - IV аср бошларида Самарқанд Суғдида зарб қилингани ҳақида тахмин қилиш мумкин. Шунингдек, танганинг терс томони марказида тамға туширилган бўлиб, у V аср бошларидан бошлаб “илк Чоч тангалари” да туширила бошлаган тамғалар билан айнан ўхшашликка эга.

Несколько вступительных слов. В обширном круге интересов Ербулата Акижановича Смагулова было сразу три темы, которые самым непосредственным образом связаны с исследовательскими проектами авторов настоящего сообщения. Во-первых, это была нумизматика присырдарьинских областей (Бурнашева, Смагулов, Туякбаев 2006 и др. работы), во-вторых, древняя история Кангюя, а соответственно и Чача с Согдом (к примеру: Байпаков, Смагулов, Ергижитова 2005; Байпаков, Смагулов 2010; Яценко и др. 2020), и в-третьих, это были тамги древней и раннесредневековой Средней Азии (последняя работа: Тамги 2019). Предлагаемая здесь небольшая статья, которой мы хотели бы почтить память преждевременно ушедшего коллеги, затрагивает все три эти темы и тем самым продолжает и дополняет проводившиеся им исследования.

Описание монетного типа. Два года назад японский коллекционер Шинджи Хирано опубликовал монету нового типа (табл. 1, № 1), найденную, по его сведениям, вместе с ещё одним подобным экземпляром, в районе Самарканда (Hirano 2020: 12). Дальнейшая судьба упомянутой им второй монеты неизвестна, но А. Х. Атаходжаеву удалось получить её фотографию (табл. 1, № 2), так что сейчас у нас есть возможность описать этот тип на базе двух экземпляров:

Л.С.: оплечный портрет правителя в профиль влево; тонкая линия на шее прямо под челюстью, скорее всего, изображает гривну; длинные усы с опущенными вниз концами обрамляют рот, опускаясь до бороды эспаньолки, выступающей острым клинышком вперед и вниз под углом в 45˚; ворот одежды на повернутом к нам левом плече показан дугой, которая под острым углом соединяется с прямой линией, идущей с правого плеча; вдавленная полоса на лбу, скорее всего, изображает диадему; чёлка короткая, волосы на затылке длинные; всё изображение взято в точечный круг.

О.с.: довольно крупная тамга занимает центральное поле; обрамляет её круговая согдийская легенда из семи отдельно стоящих знаков, из которых только пять сохранились на наших двух экземплярах достаточно хорошо (о составе знаков и палеографии надписи см ниже подраздел 4).

Монета слегка скифатная с портретом на выпуклой лицевой стороне. Судя по фотографиям, металл обоих экземпляров должен был быть достаточно высокопробным серебром.

Вес экземпляра, принадлежащего Шинджи Хирано, составляет 1.3 г.

Диаметр второй монеты, судя по масштабной линейке на её изначальной фотографии, был около 16 мм.

Портрет. По мнению Шинджи Хирано, портрет на этих двух монетах “напоминает некоторые серебряные монеты, которые имитируют Антиоха.” С этим утверждением трудно согласиться. Среди достаточно многочисленных типов самаркандских подражаний Антиоху нет монет с похожими изображениями. Впрочем, возможно, что Шинджи Хирано имел в виду самаркандские монеты с лучником, которые в среде коллекционеров иногда ещё считают продолжением самаркандской подражательной чеканки по типу драхм Антиоха. Если так, то он совершенно прав – портрет на лицевой стороне наших двух монет находит доста-

Таблица 1. Серебряные монеты из Самаркандского Согда: 1. Экземпляр в коллекции Шинджи Хирано (вес – 1.3 г); 2. Экземпляр известный только по фотографии (диаметр – 16 мм)

1 - жадвал. Самарқанд Сугди кумуш тангалари: 1. Шинджи Хирано коллекциясидаги нусхаси (вазни-1,3 г); 2. Намуна фақат фотосуратлардан маълум (диаметри – 16 мм)

Table 1. Silver coins from Samarkand Sogd: 1. A copy in the Shinji Hirano collection (weight – 1.3 g); 2. The specimen is known only from photographs (diameter – 16 mm).

точно близкую параллель на монетах третьей серии самаркандских монет с лучником (табл. № 4) (Наймарк 2023b).

Помимо иконографического сходства, именно к третьей серии в чекане самаркандского лучника наши монеты привязывает и формат портрета. Так, дуга, изображающая плечо правителя на наших двух монетах, не оставляет никаких сомнений, что торс правителя показан

Таблица 2. Монеты большого номинала второй серии в чекане самаркандского лучника с легендой ***hwrprnc***

2 - жадвал. Зарбда Самарқанд камончиси тасвири билан ***hwrprnc*** *ёзувли катта қийматдаги иккинчи тур тангалари*

Table 2. Coins of the large denomination of the second series in the minting of the Samarkand archer with a legend ***hwrprnc***

в профиль. Точно таким же приемом и в таком же развороте показано плечо правителя на монетах третьей серии в чекане самаркандского лучника. Между тем, на всех других ранних сериях самаркандского лучника (2 и 4, 5, 6) мы видим ворот одежды, обозначенный “двойной галочкой”, т.е. плечи и грудь персонажа показаны на них en face (табл. 2).

Легенда. Шинджи Хирано пишет, что легенда на монете “искажена и прочтена быть не может.” Действительно, по крайней мере один знак на принадлежащей ему монете, расположенный между 3:00 и 4:00, не удается идентифицировать ни с какой из букв согдийского алфавита. Вполне возможно, что это – результат небрежности резчика, который просто перевернул букву, как это сделал со сходным четвертым знаком легенды изготовитель одного из поздних штемпелей в среднем номинале третьей серии монет самаркандского лучника (Табл. 4, № 6). Учитывая, что по нашим двум экземплярам монет не удаётся восстановить ещё два из семи знаков, предложить сколько-нибудь уверенное чтение надписи пока не представляется возможным. И тем не менее эта легенда обеспечивает нас принципиально важной информацией, поскольку некоторые другие её буквы вполне узнаваемы и дают материал для палеографического анализа.

В первую очередь это тет, сохранившаяся на монете Хирано между 2:00 и 3:00 – она имеет раннюю архаичную форму, близкую к позднеарамейской и характерную для согдийских монетных легенд I–III веков н.э. (Наймарк 2020a. С. 218, илл. 4, № 5; С. 223, илл. 8, №№ 1–6. С. 228, илл. 11, № 1; Наймарк 2023a, табл. I, №№ 1–4, табл. III, врезка № 2). В частности, именно такую «тет» мы находим на монетах третьей серии самаркандского лучника (табл. № 4 и 5), которые уверенно датируются последней четвертью III века н.э. (Наймарк 2020b; Naymark 2023). Такие же очертания эта буква иногда имеет и в Старых Согдийских Письмах, но там же встречается и более “закрытое” написание тет, при котором задняя (правая) гаста буквы загибается вперед, почти соединяясь с передней (левой), и образовывает тем самым почти замкнутое кольцо (Reichelt 1931, Taf. Brief I). Старые Письма совершенно определённо датируются 312–313 гг. н.э. (Henning 1948; Grenet, Sims-Williams 1987). Соответственно, к первым десятилетиям IV века можно отнести процесс перехода от ранней унциальной к более поздней полукурсивной форме этой буквы.

Ещё одна уверенно определяемая буква – «вав». Начиная с первых трех веков н. э. её форма в разных согдийских надписях значительно варьировалась. В некоторых случаях вав выглядела как почти прямая вертикальная черта. Такую «вав», в частности, мы находим в согдийских легендах на бухарских монетах по типу тетрадрахм Евтидема в течение всего II века н. э. (Наймарк 2023, таблица III, №№ 23–26, врезка 25) и на малом номинале в чекане Гиркода первой половины II века н.э. (Mitchiner 2004, p. 539, No. 1580a; Cribb 2007, p. 351, no. 63). На второй серии монет самаркандского лучника, которая, скорее всего, чеканилась в третьей четверти III века н. э., верх буквы загибается вперёд, придавая ей вид крючка (таблица 2). «Вав» полукруглой формы появляется в легенде «‘y wnwn» – «всегда победоносный» на монетах с изображениями Геракла и Зевса, чеканившихся в первой четверти III века н.э. в Кеше (Зеймаль 1973; Ртвеладзе 2002; Rtveladze 2006; Ртвеладзе 2010; Naymark 2016: 63), и на монетах третьей серии самаркандского лучника, которые датируются последней четвертью III или самым началом IV века н. э. (таблица 3–4).

На монетах последней серии бухарских тетрадрахм по типу Евтидема (первая треть III века н. э.) «вав» приобретает форму угловатой скобки (Наймарк 1991: 163, no. 241). Сомнительно, однако, что перечисленные примеры можно организовать в простую хронологическую последовательность, поскольку форма вав могла варьироваться от прямой вертикальной черты до полукруга на одной и той же позиции в одной и той же надписи на одном и

Таблица 3. Монеты большого номинала третьей серии в чекане самаркандского лучника с легендой βγwrtw или βγwdtw

*3 - жадвал. Зарбда Самарқанд камончиси тасвири билан **βγwrtw** ва **βγwdtw** ёзувли катта қийматдаги учинчи тур тангалари*

Table 3. Coins of the large denomination of the third series in the minting of the Samarkand archer with the legend βγwrtw or βγwdtw

том же монетном типе, очевидно, в зависимости от индивидуального почерка резчика. Такая инвариантность в написании конечной вав известна, к примеру, на драхмах Аштата, правившего в Нахшебе в третьей четверти I века н. э. (Naymark 2016: 68, fig. 2, no 2; Наймарк 2020: 223а, илл. 8, № 2). В IV веке, однако, форма этой буквы значительно меняется. Так, в легендах монет четвертой серии самаркандского лучника (первая четверть IV века н.э.) её контур почти замыкается в круг, а на монетах бухарского царя Мавака (конец IV – начало V веков н.э.) мы видим уже совершенно “закрытое” написание «вав» (Naymark 1995). Оно остаётся таким же в абсолютном большинстве согдийских монетных легенд V–VIII веков. Единственное исключение – вав бухархудатских монет, начало выпуска которых следует относить к VII веку. На них вав вновь предстает в виде почти прямой вертикальной черты (Лившиц, Кауфман, Дьяконов 1954: 53). Впрочем, это, по-видимому, особый случай, который можно отнести на счет особой архаичности официальной версии бухарского лапидарного письма.

На второй монете между 9:00 и 8:00 часами сохранилось очень характерная реш, подобная которой в согдийской нумизматике известна пока только на монетах второй серии в чекане самаркандского лучника, датируемых последней четвертью III века н. э. (табл. № 3).

Другими словами, формы трех уверенно идентифицируемых букв в легенде наших серебряных монет с “раннечачской тамгой” позволяют в своей совокупности относить эти монеты к последней четверти III века н. э.

Тамга и дата монет. Шинджи Хирано пишет: “Поскольку стиль оборотной стороны соответствует Чачским монетам Группы 1, периода 2 или более поздних типов, то настоящая монета была, вероятно, выпущена в Чаче около III–IV веков н.э.” (Hirano 2020: 12). Что здесь имеется в виду под “стилем оборотной стороны”? На реверсе монет есть только два элемента – надпись и тамга. Поскольку сама композиционная схема реверса – тамга в окружении легенды – достаточно обычна в согдийской нумизматике начиная с V века н. э., то, очевидно, под “стилем оборотной стороны” наш автор подразумевает форму тамги.

И в этом отношении Шинджи Хирано совершенно прав – форма знака на реверсе наших монет действительно вполне соответствует тамге так называемых “раннечачских” или “древнечачских” монет (Шагаллов, Кузнецов 2006: 22, рис. 1). Однако прямой переход от этого точного наблюдения к последовавшему за ним предположению о дате выпуска наших монет более чем спорен.

Прежде всего в научном нумизматическом сообществе до сих пор нет никакого консенсуса по вопросу о датировке самих древнечачских монет. Более того, разница между крайними предлагавшимися датами начала чеканки составляет без малого 500 лет.

Самую раннюю дату предлагает А. А. Мусакаева. В трех публикациях, специально посвящённых этой теме, исследовательница исходит из тех черт раннечачской тамги, которые роднят её с подобными знаками на ранних бухарских и хорезмийских монетах. В результате она относила первый из выделенных ей периодов чачской чеканки к I веку до н. э. или I–II векам н.э. (Мусакаева 2004: 110–115), к рубежу нашей эры I в. до н.э. – I в. н. э. или I–II в. н.э. (Мусакаева 2010: 175) и, наконец, “по крайней мере” к рубежу эр (Мусакаева 2021: 127). При этом окончание выпуска этих древнечачских монет она датирует “началом VII в., а точнее – 605 годом, когда город (Канка–Харашкет – А-Н) подвергся нападению тюрок” (Мусакаева: 127).

Крайнюю позицию на противоположном конце спектра мнений занимал Е. В. Зеймаль. Он опирался на сходство тамги и легенды ранненечачских монет с тамгой и вторичной владельческой надписью, которые были вырезаны на кушано-сасаннидском блюде из деревни Керчевой, несущем изображение кушаншаха Варахрана (Смирнов 1909, табл. XXV, № 53;

*Таблица 4. Монеты среднего номинала третьей серии в чекане самаркандского лучника с легендой **βγwrtw** ва **βγwdtw***

*4 - жадвал. Зарбда Самарқанд камончиси тасвири билан **βγwrtw** ва **βγwdtw** ёзувли ўрта қийматдаги учинчи тур тангалари*

*Table 4. Coins of the average denomination of the third series in the minting of the Samarkand archer with the legend **βγwrtw** or **βγwdtw***

Тревер, Луконин 1987: 61–62, 108; № 7: 121; № 13: 123; № 11, илл. 14, 15; Лившиц, Луконин 1964: 170; Лившиц 2008: 307–308). А поскольку Е.В. Зеймаль отстаивал самый поздний вариант кушанской хронологии с датой Канишки (НДК) 278 г. н.э. (Зеймаль 1968) и придерживался предложенной В.Г. Лукониным поздней версии кушано-сасанидской хронологии (Луконин 1968; Луконин 1969; Зеймаль 1995б), то и его датировка раннечачских монет оказывается самой поздней из всех предлагавшихся. Для первых выпусков монет этой серии он предлагал дату “не ранее конца V века” (Zeymal 1994: 259–260; Зеймаль 1999: 204), а потом даже и “не ранее конца V–VI веков” (Зеймаль 1995а: 20), тогда как окончание чеканки относил к VII веку.

Можно, конечно, сказать, что эти две экстремальные и взаимоисключающие точки зрения не вполне надежно обоснованы. Так, А. А. Мусакаева отводит на медную раннечачскую чеканку по крайней мере шесть веков, и такой вариант хронологии представляется невероятно растянутым. Что же касается дат, предлагавшихся Е. В. Зеймалем, то с отнесением даты Канишки приблизительно к 127 г. н.э. (Falk 2001; Falk 2007; Falk & Bennet 2009; Bracey 2017) и новыми разработками в области кушано-сасанидской хронологии (Cribb 1990; Jongeward & Cribb 2015) поздняя датировка начала раннечачского чекана теряет свои основания.

К сожалению, даже отказ от крайних дат постулированных двумя вышеупомянутыми нумизматами, не решает проблемы. Дело в том, что и датировки начала чачского чекана, предлагавшиеся другими исследователями, обращавшимися к этой теме, досточно сильно разнятся, растягиваясь от конца II до начала V века (см., например, М. Е. Массон 1953; В. М. Массон 1966. С. 80, прим. 9; Вайнберг 1976: 41; Вайнберг, Новгородова 1976: 70; Буряков, Кошеленко 1985: 303; Ртвеладзе 2006: 28–31; Шагаллов, Кузнецов 2006: 9, 25; Лившиц 2008: 309; Федоров 2007: 11). Другими словами, попытка Шинджи Хирано датировать эти две серебряные монеты, отталкиваясь от даты раннечачских монет, не может сейчас принести желаемого результата из-за отсутствия консенсуса в вопросе о времени начала выпуска самих раннечачских монет.

А нужно ли нам вообще опираться на дату раннечачских монет, как это предлагает Шинджи Хирано? Ведь тамга – это единственный элемент типа, который роднит наши монеты с раннечачскими. Между тем именно форма тамги оказывается основным аргументом в пользу разных датировок раннечачских монет у абсолютного большинства исследователей, касавшихся этой проблемы. Другими словами, мы можем упростить задачу и практически безо всякого ущерба для нашей аргументации сократить целую ступень в её решении, поставив датировку наших монет в непосредственную зависимость от даты тамги.

Наиболее характерная черта тамги на наших серебряных монетах – асимметричный загнутый “ус”. Такой элемент в Средней Азии впервые появляется у тамг на монетах, чеканившихся в I веке н. э. в Бухаре (Наймарк 2023б) и Хорезме (Вайнберг 1976, табл. 11). Что же касается совсем точных аналогий нашей тамге, то они известны среди знаков, оставленных в первые века н.э. на стенах более раннего заброшенного святилища в Байте III на восточном берегу Каспия (Яценко 2019: 82, рис. 6).

В дальнейшем, как показывает вышеупомянутое блюдо из Корчевой, та же самая тамга использовалась правителями Чача во второй половине IV или даже в начале V вв., а далее она фигурировала на чачских монетах по крайней мере до середины VI века. Такая же тамга есть на бронзовом раннесредневековом котле, случайно найденном в районе Шымкента (Ержигитова, Смагулов, Демиденко 2009: 168, рис. 1; ср.: Богомолов, Мусакаева 2020: 292, рис. 2). И, наконец, весьма сходные тамги бытовали в хуннской среде до вплоть до раннего средневековья (Ильясов 2006: 104–110).

Другими словами, вполне вероятно, что “раннечачская” тамга имела в Средней Азии долгую, по крайней мере, полутысячелетнюю историю. А если это было так, то она могла попасть как на наши серебряные, так и на “раннечачские” медные монеты в любой момент этого чрезвычайно продолжительного отрезка времени. Тем самым мы вынуждены констатировать, что форма тамги на наших монетах не может служить решающим аргументом при решении вопросе об их датировке.

Тамга и вопрос о месте чеканки. Столь же необязательна и предложенная на основе тамги чачская локализация этих монет. Она основывается на традиционном убеждении, что согдийские тамги были родовыми/династийными знаками и использовались на монетах как “гербы” владетелей. Поэтому тамги лежат в основе практически всех классификаций раннесредневековых согдийских монет (Смирнова 1981: 6) и по ним строится историко-географическая карта Согда. В большинстве случаев этот принцип срабатывает.

Но есть, однако, и исключения – по крайней мере в некоторых районах Согда тамги превращаются из династийных знаков в “гербы” владений и сохраняются на монетах при смене династий. Такое изменение в статусе тамг уверенно фиксируется в Пенджикенте в последних десятилетиях VII – начале VIII вв. (Naymark 2005: 226–227). Известны случаи, когда объединение двух владений приводило к появлению двух тамг на монетах – так случилось во второй четверти VII веке в Самарканде (Naymark 2005: 227–229). И наоборот, при переезде монетного двора из одного города в другой, как это было в первой половине VIII века в Бухаре, на монетах появляется новая тамга. Так, после выезда бухархудата Тогшады из Бухары в Варакшу тамга на его медных выпусках сменилась, очевидно, как индикатор нового местоположения престола и монетного двора (Naymark 1998).

Нужно также помнить, что жесткая привязка тамг к определённым владениям возможна только в пределах узкого территориально-временного континуума – в одной историко-культурной области (Согда, Чача, Тохаристана) в пределах сотни или, в крайнем случае, полутора сотен лет. На больших расстояниях и временных отрезках совпадения форм достаточно часты.

Очевидно, что тамги могли перемещаться из одной историко-культурной области в другую в ходе миграции их носителей. В некоторых случаях такое движение тамг может помочь отследить разделение и последующую миграцию клана, племени или династии. Один такой случай с появлением совершенно одинаковых сложных двойных тамг в двух соседних областях в одно и то же время известен в Чаче и Тохаристане (Ртвеладзе 2006; Бабаяров 2017).

Известны и более сложные случаи, где мы пока не можем восстановить логику событий. Так, к примеру, тамга с У-образным знаком, которая неизменно присутствовала на монетах Самарканда в течение почти 200 лет (с конца VI века до 770-х гг.) и служила зримым символом этого владения (Naymark 2005; Naymark, Treadwell 2011; Наймарк 2015), впервые появляется в согдийском чекане второй половины VI века на монетах Нахшаба (Наймарк 2014), а ещё до того бытовала в нумизматике среднеазиатских гуннов (Ильясов 2007: 104–112).

Бывало и так, что практически идентичные тамги появлялись в результате чисто графической эволюции самих знаков в двух разных владениях, расположенных в двух разных историко-культурных областях. Так, например, эволюция бухархудатской тамги к концу VII века (Naymark 2010: 25) привела её в точное соответствие со знаком, помещавшимся на выпусках одного из владений Чача начиная с середины VII в. (Шагалов, Кузнецов 2006: 313–315 (Группа 4).

Другими словами, формы тамги – это едва ли не самый важный, но тем не менее недостаточный аргумент для локализации согдийских монетных серий. И в нашем конкретном случае он явно не может быть решающим для уверенного заключения о месте выпуска се-

ребряных монет с “раннечачской” тамгой, особенно если учесть, что оба известных нам экземпляра этого типа происходят из района Самарканда, и что в Чаче таких находок пока ещё нет.

Металл. Описывая наши две монеты по фотографиям, мы, конечно же, не располагаем данными о химическом составе их металла. Однако уже сам факт, что они серебряные, дает некоторые основания их датировки.

Дело в том, что середина III века для согдийской нумизматики – важный хронологический рубеж. До этого времени в стране чеканится практически только серебряная монета. Исключение составляют лишь две робкие попытки ввести медный номинал: в Бухаре во II веке н.э. (Наймарк 2019) и в Нахшебе в начале III века н.э. (Naymark 2016: 72, fig. 4).

После же сасанидского завоевания и введения кушано-сасанидского денежного обращения на территории Бухарского оазиса (Наймарк 1995: 36–37; Naymark 2001: 60–70), т.е. начиная со второй половины III века н.э. и до середины VI века н.э. в Согдийских княжествах долины Кашкадарьи и в Бухаре чеканится и обращается главным образом медная монета. Исключение составляет сравнительно краткосрочный биметаллический чекан бухарского царя Мавака (конец IV – начало V века), в котором серебряные оболы/данаки сочетались с вдвое более тяжелыми медными монетами (Наймарк 1995).

Совершенно особняком стоит чекан Самарканда, т.е. собственно монеты с лучником, в котором с середины III века по начало V века н.э. было три серебряных номинала, а впоследствии – один серебряный и один медный (Naymark 2023). Поскольку палеография легенды на обсуждаемых здесь серебряных монетах с “чачской” тамгой вполне определенно датирует их второй половиной III века н.э., основанное на серебре самаркандское денежное обращение оказывается единственной “пригодной” нишей в истории согдийского денежного обращения, куда можно было бы “поместить” наши монеты.

Метрология. О том же свидетельствуют и метрологические данные. Вес монет третьей серии в чекане самаркандского лучника, которые наиболее близки к нашим по типу портрета, колеблется в пределах 1,47 и 1,28 грамма. В эти пределы укладывается вес единственного нашего экземпляра, у которого этот показатель известен – монета принадлежащая Синджи Хирано весит 1,3 грамма.

Некоторые выводы. Сумируя всё вышесказанное, можно заключить, что серебряные монеты с “древнечачской” тамгой, найденные в окрестностях Самарканда, скорее всего, были выпущены в этом же районе в последней четверти III или в самом начале IV вв. н.э. Пока трудно сказать, кому принадлежал этот кратковременный чекан.

Это могла быть попытка реформы типа предпринятой на Самаркандском монетном дворе, осуществленная в чекане лучника между второй и третьей сериями, т.е. где-то в третьей или последней четвертях III века н.э. Несколько более вероятно, что это произошло даже немного позже, уже после третьей серии, т.е. где-то в конце III – начале IV века н.э. Какова бы ни была точная дата выпуска наших монет, если это была попытка реформы типа в самаркандском чекане, то она закончилась откатом назад и возвращением чекана к более традиционному облику своих традиционных выпусков, т.е. к типам третьей или четвертой серии. Похожая ситуация с кратковременной, но вполне значительной трансформацией типа и появлением новой легенды происходила в самаркандском чекане с ещё тремя сериями: третьей (с надписью βγwrty или βgwdty), шестой (с надписью kyδr) и девятой (пока ещё не экземпляров с хорошо сохранившейся надписью).

С тем же успехом наши две серебряные монеты могут представлять и продукцию отдельного самостоятельного центра чеканки, функционировавшего где-то в Зарафшанской долине в конце III – начале IV веков н.э. К сожалению, даже если это последнее предположение верно, то определить название или местоположение владения-имитента пока невозможно, поскольку мы практически ничего не знаем о политической географии Согда конца III – начала IV века н.э.

Напоследок хотелось бы вернуться ещё раз к поднятому Шинджи Хирано вопрос об отношении тамги наших серебряных монет с одной стороны, и такой же тамги на обороте более поздних медных монет древнечачского чекана с другой.

В научной литературе эту тамгу часто определяют как кангюйскую. Насколько мы понимаем, это устоявшееся мнение связано с интерпретацией раннечачских монет кангюйского чекана, предложенной М.Е. Массоном на заре научных исследований в этой области (Массон 1931: 7, 8; Массон 1953a: 27, 113). Тогда же В.М. Массон назвал “кангюйской” похожую, хоть и не идентичную тамгу на подражании тетрадрахме Евкратида из коллекции Эрмитажа (Массон 1953b: 169), а в дальнейшем развил идею о “кангюйском происхождении тамги этого типа” (Массон 1965: 80). Такое понимание тамги раннечачских монет, хоть и с некоторыми модификациями, достаточно прочно прижилось в нумизматической и археологической литературе (из последних работ: Ртвеладзе 2006: 24–25; Ержигитова, Смагулов, Демиденко 2009; Ильясов 2020: 94–97).

Между тем, как следует из легенды раннечачских монет (Yoshida 2002: 191; Лившиц 2008: 309; Fedorov 2007:13), где он присвоил чтение зеркальной легенды на 1 типе раннечачских монет, принадлежавшее Н. Симс-Вильямсу (Sims-Williams 2022, P. 44), они представляли собой чекан династии Чачских правителей. И далее, совпадение титула č’č’n n’pč в легендах раннечачских монет и в Культобинских надписях начала III века н.э. (Sims-Williams & Grenet 2006; Sims-Williams 2022) позволяет предполагать, что династия эта была основана кондотьером, носившим не княжеский титул “предводитель народа Чача.” У нас нет никаких оснований считать его членом кангюйского правящего дома, а соответственно и тамгу, помещаемую на монетах его потомков, нельзя без каких-либо дополнительных серьезных аргументов связывать с Кангюем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ергижитова А. А. Раннесредневековые некрополи южного Казахстана // Алмааты: Баур, 2005.

Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Кангюй // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5 томах. Т.1. Алматы: Атамура, 2010. С. 272–287.

Бурнашева Р. З., Смагулов Е. А., Туякбаев М. К. Клады и монеты Туркестана. Алматы // БАУР, Алмааты, 2006.

Богомолов Г., Мусакаева А. Клад металлических изделий и другие уникальные находки с городища Канка // История и археология Турана № 5, посвященный юбилею Рустама Хамидовича Сулейманова. Самарканд, 2020. С. 288–296.

Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А. Ташкентский оазис // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва: Наука, 1985. С. 297–303.

Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.

Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // Гафуров, Б.Г., Литвинский, Б.А. [ред.] История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). Москва: Наука, ГРВЛ, 1976. С. 66–74.

Ержигитова А. А., Смагулов Е. А., Демиденко С. В. К происхождению одной Чачской династии // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Вып. 1 (268). 2009. С. 168–173.

Зеймаль Е. В. Кушанская хронология. (Материалы по проблеме). Москва: Наука, 1968.

Зеймаль Е. В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СГЭ XXXVII (1973). С. 68–73.

Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 192–214.

Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.

Зеймаль Е. В. К датировке раннечачских монет // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В. Г. Луконина. Санкт-Петербург, 1995. С. 17–22.

Зеймаль Е. В. К хронологии кидаритов // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В. Г. Луконина. Санкт-Петербург, 1995. С. 24–29.

Зеймаль Е. В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия и Дальний Восток. Средняя Азия в раннем средневековье. Москва: Наука, 1999. С. 192–206.

Ильясов Дж. Я. Заметки о некоторых среднеазиатских тамгах // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Новая Серия, том II (XXVII). Санкт-Петербург, 2006. С. 99–121.

Ильясов Дж. Я. Тамги Бактрии / Тохаристана// Тамги Доисламской Центральной Азии. Tamgas of pre–Islamic Central Asia. Самарканд: МИЦАИ, 2019.

Лившиц В. А. Предводитель чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах // В. А. Лившиц. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. Санкт-Петербург: Филологический факультет, СПбГУ 2008. С. 306–311.

Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ, 1954, № 1. С. 158–163.

Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // Вестник Древней Истории, 1964, № 3. С. 155–176.

Луконин В. Г. Кушано-Сасанидские монеты // Эпиграфика Востока XVIII, 1967. С. 16–33.

Луконин В. Г. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1969, № 2. С. 20–44.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах // Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.

Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

Массон В. М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ 1953, no. 3 (45). С. 167–169.

Массон В. М. Хорезм и Кушаны (некоторые вопросы хорезмийской нумизматики) // Эпиграфика Востока XVII. 1966. С. 79–84.

Мусакаева А. А. Начальный этап денежного обращения в Чаче // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика АН Республики Узбекистан Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004. С. 110–115.

Мусакаева А. А. К вопросу о начальной дате чекана монет Чача // Известия НАН Республики Казахстан, серия общественных наук, № 1. Алматы, 2010. С. 169–176.

Мусакаева А. А. Монеты древнечачского чекана (вопросы классификации и датировки) // Культуры Азиатской части Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Ноны Армаисовны Аванесовой. Самарканд, 2021. С. 122–128.

Наймарк А. И. Согдийские монеты / Soghdian Coins // Культура и искусство древнего Узбекистана / Culture and Art of Ancient Uzbekistan. Exhibition catalogue. Moscow, 1991. С. 157–164.

Наймарк А. И. О начале медной чеканки в Бухарском Согде // Нумизматика Центральной Азии, вып. I. Ташкент, 1995. С. 29–50.

Наймарк А. И. Медный чекан Кеша в VIII веке // Нумизматические чтения 2011 года памяти Алексея Владимировича Фомина. Москва. Отдел Нумизматики Государственного Исторического музея, 21–22 ноября 2011 г. Тезисы докладов и сообщений. Москва. 2011. С. 12–15.

Наймарк А. И. Нахшебские монеты VII века // KOINON ΔΩPON. Studies and Essays in Honour of Valery P. Nikanorov on the Occasion of His sixtieth Birthday presented by His Friends and Colleagues Compiled and edited by Alexander A. Sinitsyn and Maxim M. Kholod. St. Petersburg State University, Faculty of Philology, St. Petersburg 2014. С. 266–277.

Наймарк А. И. Монеты самаркандского ихшида Язида б. Уграка. Восемнадцатая Всероссийская Нумизматическая Конференция. Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015. Тезисы докладов и сообщений. Москва: Государственный исторический Музей, 2015. С. 55–57.

Наймарк А. И. Монеты нахшабского князя Аштата (Coins of Nakhshab prince Ashtat) // История и археология Турана. № 5, посвященный юбилею Рустама Хамидовича Сулейманова. Самарканд, 2020. С. 204–248.

Наймарк А. И. Самаркандский чекан второй половины III – начала VI веков н.э.// Узбекистан и Центральная Азия в системе мировой цивилизации. Материалы Международной научной онлайн-конференции, посвящённой 50–летию Самаркандского института археологии Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан и 85–летию академика А.А. Аскарова. Самарканд, 2020. С. 180–183.

Наймарк А. И. Подражания тетрадрахмам Евтидема с тамгой: Аланы в Бухаре в I веке н.э.? // Collection of articles devoted to the 20th Anniversary of ZENO.RU / Сборник статей, посвященный 20-летию ZENO.RU (в печати).

Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ртвеладзе Э. В. Монеты Кеша (Киша) III–II вв. до н. э. – VIII в. н. э. // ОНУз, 2002. № 6. С. 43–49.

Ртвеладзе Э. В. История и нумизматика Чача (вторая половина III– середина VIII в. н. э.). Ташкент, 2006.

Ртвеладзе Э. В. Западные тюрки в Куфтане (Северный Тохаристан). Династические связи Чача и Куфтана // Материалы Тохаристанской Экспедиции. Вып. 6. Елец, 2006, С. 146–152.

Ртвеладзе Э. В. Монеты Артата – правителя Киша и Никшапы // Нумизматика Центральной Азии IX. Ташкент, 2010. С. 49–58.

Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Санкт-Петербург, 1909.

Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. Москва: Наука, 1981.

Тамги Доисламской Центральной Азии (Tamgas of pre–Islamic Central Asia). Самарканд: МИЦАИ, 2019.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро //Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. Москва: Искусство, 1987.

Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII веков. Ташкент: Фан, 2006.

Яценко С. А. Знаки ранних кочевников плато Устюрт. Яценко С. А., Смагулов Е. А., Рогожинский А. Е., Табалдыев К. Ш., Баратов С. Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г. Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Tamgas of pre–Islamic Central Asia.Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 58–88.

Яценко С. А., Авизова А. К, Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история кангюйского государства. Шымкент: Типография «Әлем», 2020.

Babayarov G. On The Relations Between The Rulers Of Chach And Tokharistan In The Pre-Islamic Period // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 23, 2017.

Bracey Robert. The Date of Kanishka since 1960 // Indian Historical Review. Vol. 44, issue 1, June 1917. P. 21–61.

Cribb Joe. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Studia Iranica 19/2, 1990. Pp. 151–193.

Cribb Joe. Money as a Marker of Cultural Continuity and Change in Central Asia // After Alexander. Central Asia before Islam. Edited by Joe Cribb and Georgina Herrmann. Oxford University Press, 2007. P. 333–375.

Falk Harry. The Yuga of Sphujiddvaja and the Era of the Kuṣanas // Silk Road Art and Archaeology 7, 2001. Pp. 121–136.

Falk, Harry. Ancient Indian Eras: An Overview // Bulletin of the Asia Institute, Vol. 21. 2007. PP. 131–46.

Falk H., Bennet C. Macedonian Intercalary Months and the Era of Azes // Acta Orientalia, vol. 70, 2009. P. 197–216.

Grenet F., Sims-Williams N. The historical context of the Sogdian Ancient Letters // Transition periods in Iranian history. Actes du Symposium de Fribourg-en-Brisgau (22–24 Mai 1985). Leuven: E. Peeters, 1987/ P. 101–122.

Henning W. B. The Date of the Sogdian Ancient Letters // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1948, Vol. 12. No. 3–4. (Oriental and African Studies Presented to Lionel David Barnett by His Colleagues, Past and Present). Pp. 601–615.

Hirano Shinji. Some novel pre-Islamic Sogdian coins of Central Asia – Journal of the Oriental Numismatic Society, No. 241. Autumn. P. 12–13.

Jongeward David and Cribb Joe, with Donovan Peter. Kushan, Kushano-Sasanian, and Kidarite Coins. A Catalogue of Coins from the American Numismatic Society. New York, 2015.

Lurje P. B. Personal Names in Sogdian Texts. (Iranisches Personennamenbuch, Bd II: Mitteliranische Personennamen, fasc. 8). Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010.

Mitchiner, Michael. Ancient Trade and Early Coinage, volume 1. London: Hawkins Publications, 2004

Naymark, Aleksandr. Copper Coins of the Last Bukharkhudas // Oriental Numismatic Society Newsletter 158, Winter 1998/99. P. 7.

Naymark, Aleksandr. Sogdiana, its Christians and Byzantium: A Study of Cultural and Artistic Connections in Late Antiquity and Early Middle Ages.” Ph.D. dissertation, Indiana University, Bloomington, 2001.

Naymark, Aleksandr. The Meaning of “Tamghas” on Sogdian Coins // V.P. Nikonorov [ed.] Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture. Materials of an International Scientific Conference dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitskii. St. Petersburg, 2005. P. 225–230.

Naymark Aleksandr. Drachms of Bukhar Khuda Khunak // Journal of Inner Asian Art and Archaeology, no. 5, 2010. P. 7–32.

Naymark Aleksandr. The Coinage of Nakhshab during the First-Fourth Centuries CE. Towards a New Systematization of Sogdian Coinages and the Political History of Soghd during Antiquity // Journal of Inner Asian Art and Archaeology 7 (2016). Pp. 55–77.

Naymark Aleksandr. Samarqand Archer Coinage (middle of the 3rd to the early 6th centuries). (forthcoming).

Naymark A., Treadwell L. An Arab-Sogdian Coin of AH 160: an Ikhshid in Ishtihan?// Numismatic Chronicle 171 (2011). P. 359–366.

Reichelt H. Die soghdischen Handschriften reste des Britischen Museums, II. Heidelberg. 1931.

Rtveladze E. V. Coins from Kish. 3rd – 2nd Century BC – 8th Century AD // Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris I’lič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday. Venezia. P. 525–531.

Sims–Williams Nicholas. Grenet Frantz. The Sogdian Inscriptions of Kul-tobe // Shygys 2006, № 1. C. 95–111.

Sims–Williams Nicholas. The Proto-Sogdian Inscriptions of Kultobe: New Fragments and New Reconstructions // D.G. Tor and Minoru Inaba, [eds]. The History and Culture of Iran and Central Asia from the Pre-Islamic to the Islamic Period. Notre Dame, Indiana, 2022. P. 41–56.

Yoshida Yutaka. In search of the traces of Sogdians ‘Phoenicians of the Silk Road // Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Berichte und Abhandlungen. Bd. 9. Berlin, 2002. P. 185–200.

Zeymal E. V. The Political History of Transoxiana // The Cambridge History of Iran. Vol. 3, part 1: The Seleucid, Parthian, and Sasanian Periods. Cambridge, 1983. P. 232–262.

Zeymal E. V. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period // Bulletin of the Asia Institute, New Series. Vol. 8 (1994). The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union. P. 245–267.

REFERENCES:

Bajpakov, K. M., Smagulov, E. A., Ergizhitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropoli yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval necropolises of southern Kazakhstan).* Almaty: BAUR Publ., 236, ill. 201. (In Russian).

Bajpakov, K. M., Smagulov, E. A. 2010. In Asylbekov, M. Kh., Aldazhumanov, K. S., Bajpakov, K. M. (eds.). *Kangyuj.* In *Istoriya Kazakhstana s drevnejshikh vremen do nashikh dnej v pyati tomakh (The history of Kazakhstan from ancient times to the present day in five volumes).* Vol. 1. Almaty: Atamura Publ., 272–287. (In Russian).

Babayarov, G. 2017. *On The Relations Between the Rulers of Chach and Tokharistan In The Pre-Islamic Period*. In *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* Vol. 23.

Bracey, R. 1917. *The Date of Kanishka since 1960. In Indian Historical Review.* Vol. 44, Issue 1, June, 21–61.

Burnasheva, R. Z., Smagulov, E. A., Tuyakbaev, M. K. 2006. *Klady i monety Turkestana (Treasures and coins of Turkestan).* Almaty: BAUR Publ., 204 p., ill. 43. (In Russian).

Bogomolov, G., Musakaeva, A. 2020. In Maksudov, F. A. (ed.). *Klad metallicheskikh izdelij i drugie unikal'nye nakhodki s gorodishha Kanka (A treasure trove of metal products and other unique finds from the Kanka settlement).* In *Istoriya i arkheologiya Turana (History and archaeology of Turan).* Issue 5. Samarkand, 288–296. (In Russian).

Buryakov, Yu. F., Koshelenko G. A. 1985. In Koshelenko, G. A. (ed.). *Tashkentskij oazis (Tashkent Oasis).* In *Drevnejshie gosudarstva Kavkaza i Srednej Azii (The oldest states of the Caucasus and Central Asia).* Moscow: Nauka Publ., 297–303. (In Russian).

Cribb, J. 1990. *Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology*. In *Studia Iranica* 19/2, 151–93.

Cribb, J. 2007. In Joe Cribb and Georgina Herrmann (ed.). *Money as a Marker of Cultural Continuity and Change in Central Asia. In After Alexander. Central Asia before Islam.* Oxford University Press, 333–375.

Erzhigitova, A. A., Smagulov, E. A., Demidenko, S. V. 2009. *K proiskhozhdeniyu odnoj Chachskoj dinastii (To the origin of a Chacha dynasty).* In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshhestvennykh nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series).* Vol. 1 (268), 168–173. (In Russian).

Falk, H. 2001. *The Yuga of Sphujiddvaja and the Era of the Kuṣanas.* In *Silk Road Art and Archaeology.* No 7, 121–136.

Falk, H. 2007. *Ancient Indian Eras: An Overview.* In *Bulletin of the Asia Institute.* Vol. 21, 131–146.

Falk, H., Bennet, C. 2009. *Macedonian Intercalary Months and the Era of Azes.* In *Acta Orientalia*. Vol. 70, 197–216.

Grenet F., Sims-Williams, N. 1987. *The historical context of the Sogdian Ancient Letters. Transition periods in Iranian history,* Actes du Symposium de Fribourg-en-Brisgau (22-24 Mai 1985). Leuven: E. Peeters Publ., 101–122.

Henning, W. B. 1948. *The Date of the Sogdian Ancient Letters.* In *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 12, No. 3–4. (Oriental and African Studies Presented to Lionel David Barnett by His Colleagues, Past and Present), 601–615.

Hirano, Shinji. 2020. *Some novel pre-Islamic Sogdian coins of Central Asia.* In *Journal of the Oriental Numismatic Society*, No. 241. Autumn Publ., 12–13.

Ilyasov, J. Ya. 2006. *Zametki o nekotorykh sredneaziatskikh tamgakh (Notes on Some Middle Asian Tamghas).* In *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Rossijskogo Arkheologicheskogo Obshhestva, Novaya Seriya (Memoirs of the Oriental Department of the Russian archaeological society, New Series).* Vol II (XXVII). Saint Petersburg, 99–121. (In Russian).

Ilyasov, J. Ya. 2019. *Tamgas of Bactria/Tokharistan.* In *Tamgas of Pre-Islamic Central Asia.* Samarkand: IICAS Publ., 89–140.

Jongeward, D., Cribb J., Donovan P. 2015. *Kushan, Kushano-Sasanian, and Kidarite Coins. A Catalogue of Coins from the American Numismatic Society.* New York.

Livshits, V. A. 2008. *Predvoditel’ chachskogo naroda v sogdijskikh nadpisyakh i monetnykh legendakh (The leader of the Chach people in Sogdian inscriptions and legends on coins).* In *Sogdijskaya ehpigrafika Srednej Azii i Semirech’ya (Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirechye).* Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 306–311. (In Russian).

Livshits, V. A., Kaufman, K. V., D’yakonov, I. M. 1954. *O drevnej sogdijskoj pis’mennosti Bukhary (About the ancient Sogdian script of Bukhara).* In *Vestnik drevnej istorii (Bulletin of Ancient History)*. No 1. Moscow, 158–163. (In Russian).

Livshits, V. A., Lukonin, V. G. 1964. *Srednepersidskie i sogdijskie nadpisi na serebryanykh sosudakh (Middle Persian and Sogdian inscriptions on silver vessels).* In *Vestnik drevnej istorii (Bulletin of Ancient History).* No 3. Moscow, 155–176. (In Russian).

Lukonin, V. G. 1967. *Kushano-Sasanidskie monety (Kushan-Sasanian coins).* In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East).* Vol. 18, 16–33. (In Russian).

Lukonin, V. G. 1969. *Zavoevaniya Sasanidov na vostoke i problema kushanskoj absolyutnoj khronologii (The Sassanid conquests in the East and the problem of the absolute chronology of the Kushans).* In *Vestnik drevnej istorii (Bulletin of Ancient History).* No 2. Moscow, 20–44. (In Russian).

Lurje, P. B. 2010. *Personal Names in Sogdian Texts.* In *Iranisches Personennamenbuch,* Bd II: Mitteliranische Personennamen. fasc. 8. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Masson, M. E. 1933. *Monetnye nakhodki, zaregistrirovannye v Srednej Azii v 1930 i 1931 godakh (Coin finds recorded in Central Asia in 1930 and 1931).* In *Materialy Uzkomstarisa (Materials of the Uzkomstaris).* Vol. 5. Tashkent. (In Russian).

Masson, M. E. 1953. In Nabiev, R. N. (ed.). *Akhangeran: Arkheologo-topograficheskij ocherk (Akhangeran: an archaeological and topographical essay).* Tashkent: Publ. house of the Academy of Sciences of the UzSSR, 146. (In Russian).

Masson, V. M. *Redkaya sredneaziatskaya moneta iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha (A rare Central Asian coin from the collection of the State Hermitage Museum).* In *Vestnik drevnej istorii (Bulletin of Ancient History).* No 3 (45). Moscow, 167–169. (In Russian).

Masson, V. M. 1966. *Khorezm i Kushany (nekotorye voprosy khorezmijskoj numizmatiki) (Khorezm and Kushans (some issues of Khorezmian numismatics).* In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East).* Vol. 17, 79–84. (In Russian).

Mitchiner, Michael. 2004. *Ancient Trade and Early Coinage.* Volume 1. London: Hawkins Publications.

Musakaeva, A. A. 2004. In Anarbaev, A. A. (ed.). *Nachal’nyj ehtap denezhnogo obrashheniya v Chache (The initial stage of money circulation in Chach).* In *Arkheologiya i istoriya Tsentral’noj Azii. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya akademika AN Respubliki Uzbekistan Yu.F. Buryakova. (Archeology and history of Central Asia. On the occasion of the 70th anniversary of the birth of Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Buryakov Yu.F.).* Samarkand, 110–115. (In Russian).

Musakaeva, A. A. 2010. *K voprosu o nachal’noj date chekana monet Chach (On the issue of the date of the beginning of the minting of Chach coins).* In *Izvestiya NAN RK.* Seriya obshhestvennykh nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series). No 1. Almaty, 2010, 169–176. (In Russian).

Musakaeva, A. A. 2021. In Avanesova, N. A. (ed.). *Monety drevnechachskogo chekana (voprosy klassifikatsii i datirovki) (Coins of the ancient Chach mintage (issues of classification and dating)*. In *Kul’tury Aziatskoj chasti Evrazii v drevnosti i srednevekov’e.* Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashhyonnoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchno-pedagogicheskoj deyatel’nosti prof. Nony Armaisovny Avanesovoj (Cultures of the Asian part of Eurasia in Ancient and Middle ages. Materials of the International scientific conference, dedicated to the 80th birthday and 50th anniversary of scientific and pedagogical activity prof. Nona Armaisovna Avanesova). Samarkand, 122–128. (In Russian).

Naymark, A. 1998/99. *Copper Coins of the Last Bukharkhudas.* In *Oriental Numismatic Society Newsletter.* No 158. Winter, 7.

Naymark, A. I. 1991. In Abdullaev, K. A., Rtveladze E. V., Shishkina G.V. (eds.). *Soghdian coins.* In *Culture and Art of Ancient Uzbekistan.* Exhibition catalogue in two volumes. Vol 1. Moscow, 157–164. (In Russian).

Naymark, A. I. 1995. In Rtveladze, E. V. (ed.). *O nachale mednoj chekanki v Bukharskom Sogde (On the Beginning of Copper Coinage in Bukharan Soghd).* In *Numizmatika Tsentral'noj Azii (Numismatics of Central Asia).* Vol. 1. Tashkent, 29–50. (In Russian).

Naymark, A. 2001. *Sogdiana, its Christians and Byzantium: A Study of Cultural and Artistic Connections in Late Antiquity and Early Middle Ages.*" Ph.D. dissertation, Indiana University. Bloomington.

Naymark, A. 2005. In Nikonorov, V. P. (ed.). *The Meaning of "Tamghas" on Sogdian Coins. Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture.* Materials of an International Scientific Conference dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitskii. Saint Petersburg, 225–230.

Naymark, A. 2010. *Drachms of Bukhar Khuda Khunak*. In *Journal of Inner Asian Art and Archaeology.* No 5, 7–32.

Naymark, A., Treadwell, L. 2011. *An Arab-Sogdian Coin of AH 160: an Ikhshid in Ishtihan?* In *Numismatic Chronicle*. No 171, 359–366.

Naymark, A. I. 2011. In Shiryakov, I. V. (ed.). *Mednyj chekan Kesha v VIII veke (The copper coinage of Kesh in the 8th century).* In *Numizmaticheskie chteniya 2011 goda pamyati Alekseya Vladimirovicha Fomina.* Moskva. Otdel Numizmatiki Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya, 21-22 noyabrya 2011 g. Tezisy dokladov i soobshhenij (*Numismatic readings in 2011 in memory of Alexey Vladimirovich Fomin.* Moscow. Numismatics Department of the State Historical Museum, November 21-22, 2011 Abstracts of reports and communications). Moscow, 12–15. (In Russian).

Naymark, A. I. 2014. *Nakhshebskie monety VII veka (Coins of Nakhshab of the 7th century).* In *KOINON ΔΩΡΟΝ.* Studies and Essays in Honour of Valery P. Nikonorov on the Occasion of His sixtieth Birthday presented by His Friends and Colleagues Compiled and edited by Alexander A. Sinitsyn and Maxim M. Kholod. Saint Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology, 266–277. (In Russian).

Naymark, A. I. 2015. In Volkov, I. V. (ed.). *Monety samarkandskogo ikhshida Yazida b. Ugraka (Coins of Samarkand ikhshid Yazid b. Ugrak).* In *Vosemnadtsataya Vserossijskaya Numizmaticheskaya Konferentsiya*, Moskva, Kolomna, 20-25 aprelya 2015. Tezisy dokladov i soobshhenij (Eighteenth Russian Numismatic Conference, Moscow, Kolomna, April 20–25, 2015 Abstracts of reports and communications). Moscow: The State Historical Museum, 55–57. (In Russian).

Naymark, A. 2016. *The Coinage of Nakhshab during the First-Fourth Centuries CE. Towards a New Systematization of Sogdian Coinages and the Political History of Soghd during Antiquity.* In *Journal of Inner Asian Art and Archaeology.* No 7, 55–77.

Naymark, A.I. 2020. In Maksudov, F. A. (ed.). *Monety nakhshabskogo knyazya Ashtata (Coins of Nakhshab prince Ashtat).* In *Istoriya i arkheologiya Turana (History and archaeology of Turan)*. Issue 5. Samarkand, 204–248. (In Russian).

Naymark, A. I. 2020. In Pardaev, M., Mirzaakhmedov, Dj. (ed.). *Samarkandskij chekan vtoroj poloviny III – nachala VI vekov n.e.* In *Uzbekistan i Tsentral'naya Aziya v sisteme mirovoj tsivilizatsii.* Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn konferentsii, posvyashhyonnoj 50-letiyu Samarkandskogo instituta arkheologii Natsional'nogo tsentra arkheologii Akademii nauk Respubliki Uzbekistan (Uzbekistan and Central Asia in the system of world civilization. Materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Samarkand Institute of Archaeology – The National Center of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences).Samarkand, 180–183. (In Russian).

Naimark, A. I. *Podrazhaniya tetradrakhmam Evtidema s tamgoj: Alany v Bukhare v I veke n.e.? (Imitations of the Euthydemus tetradrachm with tamga: Alans in Bukhara in the first century AD?).* In *Collection of articles devoted to the 20th Anniversary of ZENO.RU* (forthcoming). (In Russian).

Naymark, A. *Samarqand Archer Coinage (middle of the 3rd to the early 6th centuries).* (forthcoming)

Reichelt, H. 1931. *Die soghdischen Handschriften reste des Britischen Museums,* II. Heidelberg.

Rtveladze, E. V. 1987. *Drevnie monety Srednej Azii. The ancient coins of Central Asia.* Tashkent: Publishing house of literature and art named after Gafur Gulyam Publ., 184.

Rtveladze, E. V. 2002. *Monety Kesha (Kisha) III–II vv. do n.e. – VIII v. n.e. (Coins of Kesh (Kish) 3rd–2nd centuries BC – 8th century AD).* In *Obshhestvennye nauki v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan).* No 6, 43–49. (In Russian).

Rtveladze, E. V. 2006. *Istoriya i numizmatika Chacha (vtoraya polovina III – seredina VIII v. n.eh.). (The history and numismatics of Chach (second half of III A.D. – mid – VIII A.D).* Tashkent: Media Land Publ., 132. (In Russian).

Rtveladze, E. V. 2006. *Zapadny tyurki v Kuftane (Severnyj Tokharistan). Dinasticheskie svyazi Chacha i Kuftana (Western Turks in Kuftan (Northern Tokharistan). Dynastic connections of Chach and Kuftan).* In *Materialy Tokharistanskoj Ekspeditsii (Materials of the Tokharistan expedition)*. Vol. 6. Elets, 146–152. (In Russian).

Rtveladze, E. V. 2006. *Coins from Kish. 3rd – 2nd Century BC – 8th Century AD.* In *Ērān ud Anērān.* Studies Presented to Boris I’lič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday. Venezia, 525–531.

Rtveladze, E. V. 2010. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Monety Artata – pravitelya Kisha i Nikshapy (Coins of Artat - ruler of Kish and Nikshap).* In *Numizmatika Tsentral’noj Azii (Numismatics of Central Asia).* Vol 9. Tashkent: Nihol Publ., 49–58. (In Russian).

Sims–Williams, Nicholas. Grenet, Frantz. 2006. *The Sogdian Inscriptions of Kul-tobe.* Shygys. No 1, 95–111.

Sims–Williams, Nicholas. 2022. In Tor D. G. and Minoru Inaba (eds.). *The Proto-Sogdian Inscriptions of Kultobe: New Fragments and New Reconstructions. In The History and Culture of Iran and Central Asia from the Pre-Islamic to the Islamic Period.* Notre Dame, Indiana, 41–56.

Smirnov, Ya. I. 1909. *Vostochnoe serebro. Atlas drevnej serebryanoj i zologoj posudy vostochnogo proiskhozhdeniya, najdennoj preimushhestvenno v predelakh Rossijskoj imperii (Oriental silver. Atlas of ancient silver and gold utensils of eastern origin, found mainly within the Russian Empire).* Saint Petersburg. (In Russian).

Smirnova, O. I. 1981. *Svodnyj katalog sogdijskikh monet. Bronza. (A consolidated catalog of Sogdian coins. Bronze)*. Moscow: Nauka Publ., 548. (In Russian).

Shagalov, V. D., Kuznetsov, A. V. 2006. *Katalog monet Chacha III–VIII vekov (Catalog of Chach coins of the 3rd–8th centuries).* Tashkent: Fan Publ., 327. (In Russian).

Tamgi Doislamskoj Tsentral’noj Azii. Tamgas of Pre-Islamic Central Asia. 2019. Samarkand: IICAS Publ., 452.

Trever, K. B., Lukonin, V. G. 1987. *Sasanidskoe serebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha. Khudozhestvennaya kul’tura Irana III-VIII vekov (Sasanian silver. The collection of the State Hermitage Museum. The artistic culture of Iran of the III-VIII centuries).* Moscow: Iskusstvo Publ., 240. (In Russian).

Yatsenko, S. A. 2019. *Znaki rannikh kochevnikov plato Ustyurt. In Tamgi Doislamskoj Tsentral’noj Azii. Tamgas of Bactria/Tokharistan.* In *Tamgas of Pre-Islamic Central Asia.* Samarkand: IICAS Publ., 58–88. (In Russian).

Yatsenko, S. A., Avizova, A. K, Torgoev, A. I., Saipov, A., Kulish, A. V., Kitov, E. P., Rogozhinskij, A. E., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Torezhanova, N. Zh., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2020. *Arkheologiya i istoriya kangyujskogo gosudarstva (Archaeology and history of Kangyu State)*. Shymkent: Әlem Publ., 216. (In Russian).

Yoshida Yutaka. 2002. *In search of the traces of Sogdians ‘Phoenicians of the Silk Road.* In *Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Berichte und Abhandlungen.* Bd. 9. Berlin, 185–200.

Zeymal, E. V. 1968. *Kushanskaya khronologiya (materialy po probleme) (Kushan Chronology: materials for the subject).* Moscow: Nauka Publ., 186. (In Russian).

Zeymal, E. V. 1973. *Rannesogdijskie monety s izobrazheniem Gerakla i Zevsa (Early Sogdian coins with representations of Zeus and Heracles).* In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo E`rmitazha (Bulletin of the State Hermitage Museum).* No 37, 68–73. (In Russian).

Zeymal, E. V. 1978. In Lukonin, V. G. (ed.). *Politicheskaya istoriya drevnej Transoksiany po numizmaticheskim dannym (Political history of ancient Transoxania on the basis of numismatic data).* In *Kul’tura Vostoka. Drevnost’ i rannee srednevekov’e (Culture of the East. Antiquity and the early Middle Ages).* Leningrad: Avrora Publ., 192–214. (In Russian).

Zeymal, E. V. 1983. *The Political History of Transoxiana.* In *The Cambridge History of Iran.* Vol. 3, part 1: The Seleucid, Parthian, and Sasanian Periods. Cambridge, 232–262.

Zeymal, E. V. 1983. *Drevnie monety Tadzhikistana (Ancient coins of Tajikistan).* Dushanbe: Donish Publ., 344. (In Russian).

Zeymal, E. V. 1994. *The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period.* In *Bulletin of the Asia Institute.* New Series. Vol. 8. The Archaeology and Art of Central Asia Studies from the Former Soviet Union, 245–267.

Zeymal, E. V. 1995. *K datirovke rannechachskikh monet (On the dating of early Chach coins).* In *Ermitazhnye chteniya 1986-1994 godov pamyati V.G. Lukonina (Hermitage readings 1986-1994 in memory of Lukonin V. G.).* Saint Petersburg, 17–22. (In Russian).

Zeymal, E. V. 1995. *K khronologii kidaritov (On the chronology of the Kidarites).* In *Ermitazhnye chteniya 1986-1994 godov pamyati V.G. Lukonina (Hermitage readings 1986-1994 in memory of Lukonin V.G.).* Saint Petersburg, 24–29. (In Russian).

Zeymal, E. V. 1999. In Brykina, G. A. (ed.). *Monety rannesrednevekovoj Srednej Azii (Coins of Early Medieval Central Asia).* In *Srednyaya Aziya i Dal’nij Vostok. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov’e (Central Asia and the Far East. Central Asia in the early Middle Ages).* Moscow: Nauka Publ., 192–206. (In Russian).

A NEW TYPE OF SOGDIAN SILVER COINS FROM THE LATE 3RD – EARLY 4TH CENTURY CE

© 2024. Anvar Atakhodjaev [1], Aleksander Naymark[2]

[1]Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov
[2]Hofstra University, New York

Keywords: coin, coinage, Sogd, Chach, Samarkand, Kangju, tamgha, Sogdian paleography, Samarkand archer, early Chach coins.

Two years ago, the Japanese collector Shinji Hirano published a new type of silver coin, found along with another similar specimen in the Samarkand region. We managed to obtain a photograph of the latter. The portrait on the obverse of these two coins is close in format and iconography to the image of the ruler on the coins of the third series in Samarkand archer coinage (the last quarter of the 3rd to the beginning of the 4th century CE). Only 4 of the 7 characters in the reverse circular legend can be identified on the two known specimens, but their shapes agree with the Sogdian paleography of the late 3rd- early 4th centuries AD, with one form known only in the legend on the same third series of coins of the Samarkand archer. Finally, the metal and weight of the new coins also correspond to the same third series in the Samarkand coinage. Considering all the parallels and the place of discovery, we can assume that these two coins represent a short-term coinage of the end of the 3rd - beginning of the 4th century CE, that can tentatively be attributed to Samarkand Soghd. Meanwhile, the tamgha occupying the reverse field on our two specimens has the same shape as the tamgha, which from the late 4th or the beginning of the 5th century was placed on the «early Chach coins».

ХОРАЗМНИНГ ЎРТА АСР БРОНЗА КЎЗГУЛАРИ

© 2024. Бахыт Турганов

Ажиниёз номидаги Нукус давлат педагогика институти

Калит сўзлар. Бронза кўзгулар, Хоразм, ўрта аср ёдгорликлари, ўсимликсимон ва геометрик нақшлар, жуфт балиқ, кийик, сфинкс, зооморфли тасвирлар, Хитой намуналари, ислом санъати, иқтисодий ва маданий алоқалар.

Мақолада Хоразмнинг ўрта асрларга оид ёдгорликларидан қайд қилинган бронза кўзгулари таҳлил этилди. Мавзунинг хронологик чегараси VI–XIV асрлар билан белгиланади. Хоразм ёдгорликларидаги бронза кўзгуларининг келиб чиқиши қўшни минтақалардаги ўхшаш турлари қиёслаш асосида ўрганилди. Бронза кўзгулардаги трансформацион ўзгаришлар, янгиликлар аниқланди ва нақшларда безатилиш жиҳатларига кўра таснифланди. Хоразмнинг VI–XI асрлардаги ёдгорликларидан нақшсиз, қадимги анъаналар асосида тайёрланган кўзгулар топилган. Айниқса, Хоразмда XII–XIV асрларда геометрик, ўсимликсимон нақшларда безатилган ва зооморфли бронза кўзгулар кенг тарқалади. Бу даврда турли хил шакллардаги бронза кўзгуларнинг Хоразмга кириб келишида Олтин Ўрда ва Шарқий Европа кўчманчилар билан савдо-иқтисодий ҳамда маданий алоқалари асосий омил бўлиб хизмат қилади. Хоразмга импорт сифатида кириб келган бронза кўзгуларнинг баъзи шакллари маҳаллий заргарлар томонидан ўзлаштирилади. Ўрта асрлардаги бронза кўзгуларнинг Хоразм ижтимоий ҳаётидаги рамзий, эстетик, магик хусусиятлари ва илоҳий вазифалари тўғрисида тарихий маълумотларни беради. Мақолада бронза кўзгуларнинг Хоразм моддий ва маънавий маданиятида тутган ўрни ва аҳамияти ёритилди.

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

© 2024. Бахыт Турганов

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза

Ключевые слова: бронзовые зеркала, Хорезм, средневековые памятники, растительные и геометрические узоры, пара рыб, олени, сфинкс, зооморфные изображения, китайские образцы, исламское искусство, экономические и культурные связи.

В статье проанализированы бронзовые зеркала, найденные в средневековых памятниках Хорезма. Хронологическая граница темы определяется VI–XIV веками. Происхождение бронзовых зеркал из средневековых памятников Хорезма изучается на основе сравнения с их аналогичными образцами из соседних регионов. Выявлены трансформационные изменения, новшества в бронзовых зеркалах и их классификация в соответствии с особенностями декорирования орнаментов. На памятниках Хорезма VI–XI веков отмечены зеркала и без украшений, изготовленные по старинным традициям. Особенно широко были распространены в XII–XIV веках бронзовые зеркала, украшенные геометрическим, растительным орнаментами и зооморфными изображениями. В этот период торгово-экономические и культурные связи с Золотой Ордой и кочевниками Восточной Европы послужили основным фактором проникновения

бронзовых зеркал различных форм в Хорезм. Некоторые формы импортных бронзовых зеркал Хорезма были освоены местными мастерами. В статье представлены исторические сведения о символических, эстетических, магических свойствах и сакральных функциях средневековых бронзовых зеркал в общественной жизни Хорезма в материальной и духовной культуре Хорезма.

Бронза кўзгулар – аёл-қизларнинг пардоз-андоз ва магик хусусиятга эга буюми сифатида бронза давридан маълум. Хоразмда дастлабки бронза кўзгулар Тозабоғёб маданияти (мил.авв. II минг йиллик 2-ярми) Байрам-қазған маконида топилган (Итина 1977: 133, рис. 67, 18). Унинг орқа томонига тугма тарзли даста ўрнатилган. Кўзгунинг диаметри 5-6 см бўлиб уларнинг ялтироқлигини доимий сақлаш учун юзаси теридан қилинган нафис пардозлагич билан ишқаб турилган.

Ўрта Осиё ҳудудидаги қадимги, антик ва илк ўрта асрлар даврига оид бронза кўзгулар С. С. Сорокин (Сорокин 1961: 147–148), О. В. Обельченко (Обельченко 1962: 48–50), Б. А. Литвинский (Литвинский 1978: 73–105) тадқиқотларида ўрганилган. Жумладан, Б. А. Литвинский томонидан ғарбий Фарғона қабр-мозорлари топилмалари асносида қадимдан то илк ўрта асрлар давридаги бронза кўзгулар таснифланган, афсунгарлик ва рамзий хусусиятлари, даврлар оралиғидаги трансформацион ўзгаришлар ва янгиликлар тўғрисида мулоҳазалар билдирилган.

Шуни қайд этиш керакки, Ўрта Осиёнинг тарихий воҳалари, жумладан Хоразмнинг ўрта асрларга хос бўлган бронза кўзгулар тарихи шу пайтгача тизимли ўрганилмасдан келмоқда.

Таъкидлаш жоизки, VI–VIII асрлардаги Куюккалъа некрополида, XI асрга оид Жигарбанд, XII–XIV асрларга оид Жанпиққалъа, Миздакхон, Шемаха қалъа, кўчманчилар мозор- қўрғонлари, карвон-саройлар ва қишлоқ маконларида кўплаб бронза кўзгулар топилган. Уларнинг ўртача диаметри 6 – 12 см бўлиб, бронзадан қуйма усулда тайёрланган. Кўзгулар асосан бешта гуруҳга ажралади.

1-гуруҳ. Нақшсиз кўзгулар. Хоразмда VI–VIII асрларга оид кўчманчилар даҳмаси Куюккалъа некрополи, XI асрга оид Жигарбанд, XII–XIV асрларга оид Жанпиқ қалъа ёдгорликларидан безатилмаган, нақшсиз бронза кўзгулар қайд қилинган.

I шакл. Безатилмаган, узун дастали бронза кўзгулар (1, 1-2-расм). Улар Хоразм сарҳадидаги кўчманчиларга оид Куюккалъа некрополидаги қабрлардан топилган (Ходжайов, Мамбетуллаев 2008: 136–137, рис. XXXVIII). Бронза кўзгулар некрополнинг 103, 118, 163, 183, 191, 228-сонли қабрларида VI–VII асрларга оид артефактлар билан бирга учрайди. Кўзгулар баъзи тафовутларига кўра икки хил: бирининг юзаси текис, иккинчиси чеккалари гардишли, дастасига нуқта тарзли нақшлар туширилган. Кўзгуларнинг диаметри 12 см, марказий қисми қалинлиги 0,3–0,4 см. га тенг.

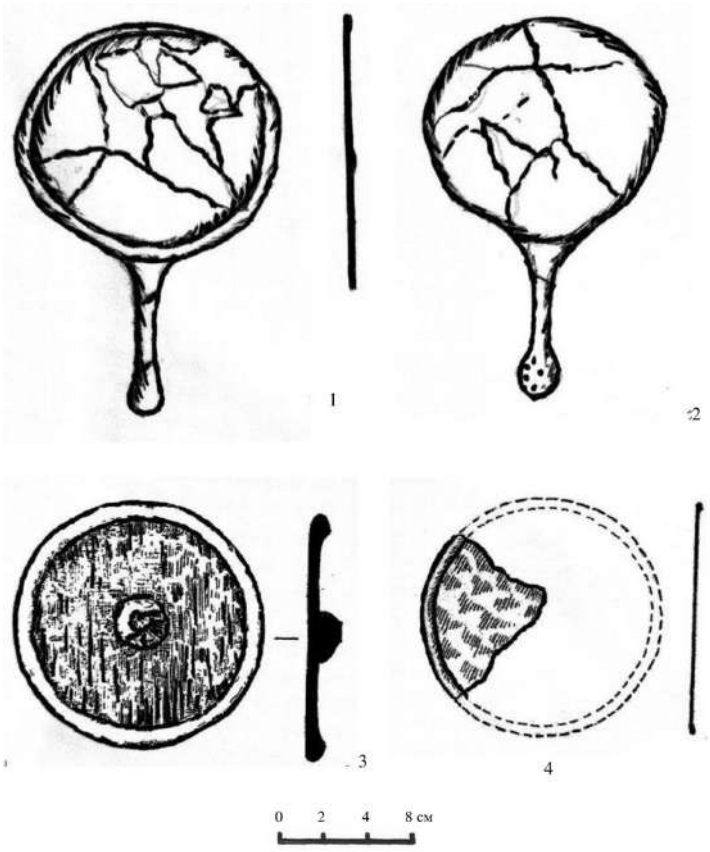
Бундай дастали бронза кўзгулар архаик ва антик даврдан маълум бўлиб, катта хронологик даврда ва кенг географик ҳудудларда тарқалган.

Унга ўхшаш дастали бронза кўзгулар антик даврдаги Тупроқ қалъа ва бошқа ёдгорликларда учрайди (Городище Топрак-кала 1967: 121, рис. 59, 41).

Хоразмдан ташқарида, уларга ўхшаш бронза кўзгулар Волга, Урал бўйларидаги савромат ва сармат ёдгорликларида, антик даврга оид Ўрта Осиё ёдгорликларида учрайди (Литвинский 1978: 78–80). Ушбу гуруҳ ва шаклдаги бронза кўзгулар Ўрта Осиёда мил. авв. IV–II асрларга қадар учрайди. Милоднинг бошларидан уларнинг дасталари кескин кичрая бошлайди.

Афтидан, Куюккалъа кўзгулари кўчманчиларга хос бўлиб, авлоддан-авлодга мерос сифатида сақланиб келаётган муқаддас буюм бўлиши мумкин.

II шакл. Безатилмаган темир кўзгулар, (1, 3-расм). Дискнинг юзаси текис, орқа томони чеккалари гардишли ва марказида ярим айланасимон шишик мавжуд. Темирдан қуйма ясалган, кучли занглаган, диск орқасидаги тугма тарзли даста ёки тешик мавжудлигини аниқлаш мушкулдир.

1-расм. Кўзгулар. 1, 2, 4 – бронза. 3 – темир. 1, 2 – Куюк қалъа. VI–VII асрлар. 3 – Жигарбанд. XI аср. 4 – Жанпик қалъа. XII–XIV асрлар.

Рис. 1. Зеркала. 1, 2, 4 – бронза. 3 – железо. 1,2 – Куюк қала. VI–VII вв. 3 – Джигербент. XI века. 4 – Джанпык кала. XII - XIV вв.

Fig. 1. Mirrors. 1, 2, 4 – bronze. 3 – iron. 1, 2 – Kuyuk kala. 6th–7th centuries. 3 – Djigerbent. 12th century. 6 – Djanpyk kala. 12th–14th centuries.

Дискнинг диаметри 11 см, қалинлиги 0,5 см. Жигарбанд ёдгорлигининг XI асрга оид қатламларидан 2-дона топилган (Вишневская 2001: 92, рис. 37/6).

Ёдгорлик тадқиқотчиси фикрига кўра, темир кўзгулар эксперимент сифатида ясалган бўлиши мумкин. Сабаби, темир кўзгулар юзасини бронза кўзгулар каби силлиқлаш ёки ялтироқлигини доимий сақлаш мушкулдир.

Хоразмдан ташқарида, унга ўхшаш темир кўзгулар Қанқа ёдгорлигида (XI аср) ҳам учрайди (Богомолов, Гендельман, 1991: 143).

Айтиш мумкинки, темир кўзгулар Ўрта Осиёга араблар таъсири туфайли кириб келган. Арабларда темир кўзгу бахтсизликка қарши турувчи сакраль хусусиятга эга буюм, яъни тумор сифатида қадрланган.

III шакл. Безатилмаган, дастасиз бронза кўзгу (1, 4-расм) (Бўлоқ). XII–XIV асрларга оид Жанпиқ қалъадан топилган (ҚРСМ. Кп 3772/140 инв 254). Антик даврдаги Қойқирилган қалъа ёдгорлигида ҳам дастасиз бронза кўзгулар учрайди (Кой-крылган-кала 1967: 147, рис. 59; табл. XXVII, 24).

Уларга ўхшаш кўзгулар илк ўрта асрга оид Панжакент ва ғарбий Фарғона мозор-кўрғонларида кўплаб учрайди (Литвинский 1978: 86 – 90, табл.18).

Маълумки, Ўрта Осиёда бронза давридан узун дастали безатилмаган бронза кўзгулар кенг тарқалган. Уларнинг дастаси кичиклаштирилган анъанавий турлари илк ўрта аср ёдгорликларида учрайди.

Б. А. Литвинский томонидан Ғарбий Фарғона материаллари асосида узун дастали безатилмаган, бронза кўзгуларнинг ривожланиш динамикаси таҳлил этилган (Литвинский 1978: 76). Сўнгги бронза давридан антик даврга қадар узун дастали кўзгулар тарқалади. Антик даврдан илк ўрта асрларга қадар бўлган даврда дастаси нисбатан кичиклашган кўзгулар учрайди. Илк ўрта асрлардан кичик тугма тарзли дастаси чамбарак чеккасида ёки орқасида жойлашган бронза кўзгулар тарқалади.

2-гуруҳ. Ўсимликсимон нақшли кўзгулар. Хоразм ўрта аср ёдгорликларида орқа томони ўсимлик нақш билан безатилган ҳозирча фақат битта шаклдаги бронза кўзгулари учрайди.

I шакл. Гул ғунчалари перпендикуляр жойлашган кўзгулар (2,1-расм). Дастасиз, диаметри 6,1 см, қалинлиги 0,3 см. Кўзгулар XII–XIV асрлар Миздакхон некрополи ва ва Жанпиққалъа ёдгорликларидан топилган (ҚРСМ: Кп. 3772/28. инв 251; Манылов, Кдырниязов 1984: 75, рис. 4, 12).

Унга ўхшаш кўзгулар Хоразмга қўшни Сирдарё бўйидаги XII–XIII аср бошидаги Уйғарак ёдгорлигида ҳам учрайди (Толстов 1962: 285, рис.т183,т5).

Ўрта Осиёдан ташқарида, уларга ўхшаш кўзгулар XII – XIII асрларда Узоқ Шарқ (Шавкунов 1960: 234, рис. 5), Шарқий Европа (Федоров-Давыдов 1966: рис.13, X, 1), Жанубий Урал кўчманчилар ёдгорликларида учрайди (Иванов, Кригер 1988: рис. 4, 15; 13, 20).

Гул нақшлари билан қоплаш анъанаси мўғуллардан олдинги даврда Хитой ва Ислом санъатида мавжуд бўлган. Уларнинг безаклари одатда майда ва кичик ҳажмда бўлиб, паст, текис рельефда ингичка чизиқда бажарилади.

Ушбу кўзгулар XII–XIII асрларда Узоқ Шарқ, Шарқий Европа, Жанубий Урал, Сирдарё бўйлари ва Хоразм каби жуда кенг географик ҳудудларда тарқалган. Бундай кўзгуларнинг кенг ҳудудларда тарқалиши кўчманчи туркий халқлар миграцияси ва савдо-иқтисодий алоқалари билан бевосита боғлиқ.

3-гуруҳ. Геометрик нақшлар билан безатилган кўзгулар. Геометрик нақшларда безатилган кўзгулар Ўрта Осиёда, жумладан ғарбий Фарғонадаги милодий IV–V асрлардаги Ўрикзор, Баркорбаз, Исфара қабр-кўрғонларида учрайди (Литвинский 1978: 76). Геометрик нақшлар исломгача бўлган даврда туркий халқлар ҳунармандчилик буюмларида ҳам кенг тарқалган. Бундай бронза кўзгулар Хоразмнинг XII–XIV асрларга оид Жанпиққалъа ва Миздакхон ёдгорликларидан топилган (Доспанов 1992: 67). Улар ҳам безатилишига кўра, бир нечта гуруҳга ажралади.

I шакл. Айлана чеккасидаги ҳалқалар ўзаро туташтирилиб, занжир тарзда чамбарак ҳосил қилган ва ҳалқалар сони 12 та бўлиб. Кўзгу чеккаси гардишли ва марказида айлана жойлашган (2, 2-расм). Кўзгу дастасиз, диаметри 7 см, қалинлиги 0,3 см. (Доспанов 1992: 94). Кўзгу XII–XIV асрларга оид Жанпиққалъа ёдгорлигидан топилган.

Унга ўхшаш бронза кўзгу XII–XIV асрлардаги Миздакхон маҳаллаларидан ҳам қайд қилинган. Кўзгу дм 8 см (Тлегенова 2010: 77, рис.1.).Уларнинг аналогик шакллари Хоразмга қўшни худудларда учрамайди.

II шакл. Чамбар ичига тўртта ҳалқа симметрик жойлашган ва марказий қисмида айланасимон ҳалқа жойлашган (2, 3–4-расм). И. В. Савицкий номидаги Қорақалпоғистон Республикаси санъати музейида (2-дона) сақланмоқда (ҚРСМ: Кп. 3772/27, инв 250; Кп 42395, Инв.1501). Кўзгу XII–XIV асрларга оид Жанпиққалъа ёдгорлигидан топилган.

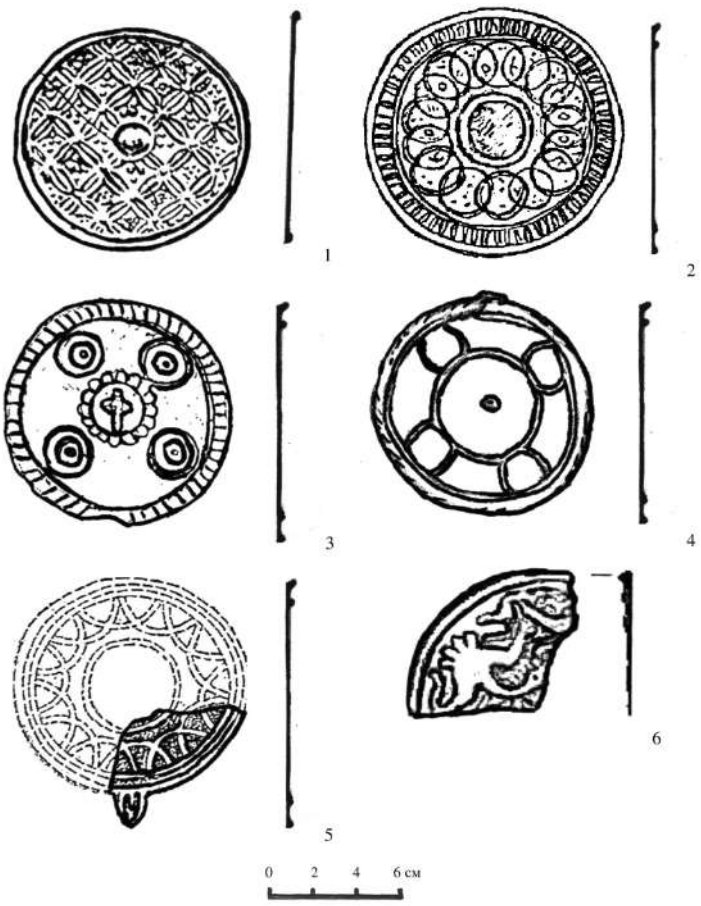
Ҳар иккала кўзгунинг айланаси чеккасига ишланган дастаси синган. Уларнинг фарқли томони ҳажмида ва безакларидаги баъзи ўзгачаликларида ҳисобланади. Биринчи кўзгунинг диаметри 7 см, қалинлиги 0,3 см; иккинчи кўзгунинг диаметри 5,5 см, қалинлиги 0,2 см. Шунингдек, биринчи кўзгунинг марказий қисмидаги хоч гул ғунчаси тарзда ишланган, уни ўраб турган айлана ташқи томонидан кичкина ярим айланалар билан безатилган (2, 3-расм).

Иккинчиси оддий безатилган (2, 4-расм). Кўзгу марказидаги айланасимон ҳалқа ичига шишик нуқта туширилган бўлиб бошқа безаклар учрамайди.

Ушбу бронза кўзгуларнинг икки хил ҳажмда ясалиши ва безатилишидаги баъзи ўзгачаликлар Жанпиққалъа ҳунармандлари томонидан бундай шаклдаги кўзгуларни ишлаб чиқариш йўлга қўйилганлигидан дарак беради.

Аналогик жиҳатдан айнан ўхшаш безатилган бронза кўзгулар учрамайди. Лекин, 6 та бинафша гули тасвирланган бронза кўзгулар Узоқ Шарқда Хакасий, Краснояр ўлкасида Минусин тумани ва Чуй воҳаси ёдгорликларида қайд қилинган (Оборин, Савосин 2017: 22, рис. 1, 82–1, 86).

XII–XIV асрларда Шарқий Европа, Узоқ Шарқ ва Хоразмда ҳам тўртта ҳайвон (ит, кийик), тўртта қуш ва тўртта ҳалқлар тасвирланган кўзгулар тарқалади. Ушбу кўзгулар Хитой маданий алоқалари таъсирида шаклланган.

2-расм. Кўзгулар. Бронза. XII – XIV асрлар.
1 – Миздакхон некрополи. 2, 3, 4, 5 – Жанпиқ қалъа.
6 – Миздакхон маҳалласи.

Рис. 2. Зеркала. Бронза. XII – XIV веков. 1 – Некрополь Миздахкан. 2, 3, 4, 5 – Джанпык кала. 6- кварталы Миздахкана.

Fig. 2. Mirrors. Bronze. 12th–14th centuries. 1 – Necropolis Mizdakhkan. 2, 3, 4, 5 – Djanpyk kala. 6 – Quarters of Mizdakhkan.

III шакл. Чамбарнинг ички томонига қаратилган ёйсимон безатилган кўзгу (2,5–расм). Марказида айланасимон ҳалқа жойлашган ва ёйсимон базаклар ташқи чамбаракга туташган. Тугма тарзли дастаси кўзгу айланасининг ён чеккасига ишланган. Кўзгу диаметри 7 см, қалинлиги 0,2 см (ҚРСМ: Кп. 3772 /29–30. инв. 252–253) (2-дона). XII–XIV асрларга оид Жанпиқ қалъа ёдгорлигидан топилган.

Унга ўхшаш бронза кўзгулар Хоразмга кўшни кўчманчиларга оид Жанадарё бўйидаги ёдгорликларда (Рапопорт, Неразик, Левина, 2000: рис. 40, 11) ва Бухоро воҳасидаги Варахша массивидан ҳам топилган. Варахша массивидаги кўзгу мўғуллар босқинчилигидан сўнгги даврга оид ҳисобланади (Торгоев, Мирзаахмедов, Курбанов 2023: 64–65, рис. 72, 1).

Бундай бронза кўзгулар Хитойда Цинь сулоласи охири ва Ғарбий Хань сулоласи (мил. авв. III-II аср) ҳукмронлиги бошида тарқала бошлаган (Оборин, Савосин 2017: 10, 49, 64, рис. 1,3–1,5). Улар Олтой ўлкасидаги (мил. авв. II–I аср) ёдгорликларда учрайди.

Ушбу шаклдаги кўзгулар Хитой билан маданий алоқалар таъсирида исломгача бўлга даврда Ўрта Осиё ва Шарқий Туркистон ҳудудида тарқалади. Ўхшаш кўзгулар Ғарбий Фарғонадаги исломгача бўлган даврдаги Исфара ва Қорамозор қурум мозорқабрларида учрайди (Литвинский 1978: 75, рис. 16, 5). Уларда бир-бирига параллель иккита айланасимон чамбарлар ички қисмига ёйсимон нақшлар ўзаро туташган. Асосий фарқи Ғарбий Фарғонадаги кўзгунинг орқа қисми марказида тугма тарзли ҳалқа мавжуд.

Хоразмда X–XI асрлардан кулолчилик буюмларини ёйсимон нақшларда безатиш анъанаси тарқалади. X–XI асрларга оид Замахшар ёдгорлигидаги сирли косалар, XII–XIV асрлар Жанпиққалъадаги хум қопқоғи ёйсимон безатилган (Манылов, Кдырниязов 1984: 75–76, рис. 4, 2).

Хоразмдан ташқарида, унга ўхшаш бронза кўзгулар мўғулларга қадар даврдаги Тяншань ёдгорликларида (Табалдыев 2011: 185, рис. 7–9) ва XII–XIV асрларда Шарқий Европа, Жанубий Урал бўйидаги мозорқўрғонларда учрайди (Иванов, Кригер,1988: рис. 4, 15; 11, 19). Улардаги ёйсимон безаклар марказий қисмидаги кичик ички чамбарга туташган (Федоров-Давыдов 1966: рис. 13, д, 1).

Афтидан, ушбу шаклдаги бронза кўзгулар ҳар бир минтақада ўзига хос локал ўзгачаликларга эга ҳисобланади.

Хоразмда XI–XIV асрларда ҳунармандчилик буюмларини ўсимликсимон ва геометрик нақиларда безатиш анъанаси кенг тарқалади.

4-гуруҳ. Зооморфли тасвирда безатилган кўзгулар. XIII–XIV асрларда Хоразмнинг Олтин Ўрда давлати шаҳарлари ва атрофдаги кўчманчилар билан маданий алоқалари таъсирида зооморфли бронза кўзгулар кенг тарқалади.

I шакл. Кўзгу айланаси чеккалари бўйлаб жуфт балиқ тасвирланган бронза кўзгулар (3, 1–3-расм). Улар соат йўналишида ҳаракатланаётган ҳолатда тасвирланган. XIII–XIV асрларга оид Жанпиқ қалъа (ҚРСМ: Кп. 3772/97, инв 86), Миздакхон ва кўчманчиларга оид Жаринқудуқ мозор-қўрғонларидан (Ягодин 1991: 161, рис. 51, III) топилган. Кўзгулардаги балиқ тасвири ўхшаш бўлсада, уларни қуршаб турган безаклари, ҳажми ва материаллари ўзига хос хусусиятларга эга.

1,1-шакл. Жуфт балиқ ва унинг атрофи токсимон нақшларда безатилган бронза кўзгу (3, 3-расм). Кўзгу марказида диаметри 1,5 см бўлган айланасимон шишик бор. Диаметри 8,7 см, қалинлиги 0,3 см (Тлегенова 2010: 78). Кўзгунинг бўлаклари Миздакхоннинг XIII–XIV асрларга оид маҳалласидан топилган.

Унга ўхшаш балиқ атрофи токсимон нақшларда безатилган кўзгулар Хитой, Узоқ Шарқ ва улар билан боғлиқ ҳунармандчилик марказларида учрайди.

Бундай бронза кўзгулар Узоқ Шарқдаги Чжурчжен маданиятида XII–XIII асрлардан маълум (Шавкунов 1960: 235, рис. 6).

1, 2-шакл. Жуфт балиқ ва марказий қисмида ҳар хил йўналишдаги тўлқинсимон рельефлар туширилган (3, 2-расм). Кўзгунинг юзаси текис, орқа томони чеккалари гардишланган. Диаметри 9 см. Кумушдан қуйма ясалган, дастасиз. Устюрт пасттекислигидаги кўчманчиларга оид Жаринқудуқ мозор-қўрғонлари гуруҳидаги қабрдан топилган.

Ёдгорлик тадқиқотчиси В. Н. Ягодиннинг таъкидлашича, кўзгу Узоқ Шарқ намунасида маҳаллий усталар ёки Олтин Ўрда шаҳарларида тайёрланган бўлиши мумкин. Ихтиолог олим, Л. П. Павловская фикрича, кўзгу тасвиридаги балиқ Орол денгизидаги маҳаллий турга оид ҳисобланади (Ягодин 1991: 161).

1, 3-шакл. Жуфт балиқ атрофига геометрик нақшлар туширилган кўзгулар (3, 1-расм). Кўзгу айланаси чеккасидаги дастаси синган, диаметри 7 см, қалинлиги 0,25 см бўлиб, Жанпиққалъанинг XII–XIV асрларга оид ҳунармандчилик маҳалласидан топилган. Бундай жуфт балиқ атрофига геометрик нақшлар туширилган бронза кўзгуларнинг аналогик турлари бошқа ҳудудларда учрамайди.

Жуфт балиқ тасвирли кўзгуларнинг келиб чиқиши Хитой санъати билан боғлиқ бўлиб, улар Цзинь сулоласи (1115–1234 йй.) даврида кенг тарқалади (Оборин, Савосин 2017: 36, рис. 1, 1190–1191). Ундан олдинги Ляо сулоласи (916–1115 йй.) давридаги бронза кўзгуларда тўртта балиқ ва тўртта қисқичбақа тасвирланган.

Жуфт балиқ тасвирли кўзгулар Узоқ Шарқ, Корея, Тяншань ва Шарқий Европадаги Янги Сарой, Булғор, Биляр ҳудудларида кенг тарқалган (Федоров-Давыдов 1966: 82, рис. 13).

X–XIV асрларга оид Хоразм кулолчилик буюмларида ҳам балиқ тасвири учрайди (Кдырниязов 1989: рис. 9, 3). Жанпиққалъадаги XII–XIII асрларга оид сопол косанинг ички қисмида стилизацияланган ўсимликсимон нақшлар ва жуфт балиқ тасвирланган. Миздакхондаги қора сирланмаган косанинг пастки қисмида ҳам балиқ тасвири туширилган (Кдырниязов 1989: рис.17).

3-расм. Кўзгулар. 1, 3–5 – бронза. 2 – кумуш. 6 – (?). XII–XIV асрлар. 1, 4, 5 – Жанпиқ қалъа. 2 – Жаринқудуқ. 3, 6 – Миздакхон маҳалласи.

Рис. 3. Зеркала. 1, 3, 5 – бронза. 2 – серебро. 6 – (?). XII–XIV вв. 1, 4, 5 – Джанпык-кала. 2 – Жарынкудук. 3, 6 – квартал Миздахкана.

Fig. 3. Mirrors. 1, 3–5 – bronze. 2 – silver. 6 – (?). 12th–14th centuries 1, 4, 5 – Djanpyk kala. 2 – Zharynkuduk. 3, 6 – Mizdakhkan quarter.

Айтиш мумкинки, балиқ тасвирланган бронза кўзгулар XIII–XIV асрларда Хоразмнинг Олтин Ўрда давлати билан маданий алоқалари таъсирида маҳаллий ҳунармандлар томонидан ўзлаштирилган анъаналар асосида тайёрланган.

II шакл. Жанпиқ қалъадан топилган чопаётган тўртта кийик тасвирланган кўзгу (3, 4-расм). Уларнинг шохлари марказда ўзаро туташиб квадрат ҳосил қилган. Чопаётган кийиклар соат йўналишига қарама-қарши ҳолатда тасвирланган. Дастасиз, диаметри 6,3 см, қалинлиги 0,3 см.

Бундай кўзгунинг бир парчаси XIII–XIV асрлардаги Миздакхон ёдгорлигида ҳам қайд қилинган (Тлегенова 2010: 78, рис. 2).

Ушбу гуруҳдаги чопаётган жонзодлар тасвирланган кўзгуларнинг келиб чиқиши Хитой билан боғлиқ ҳисобланади. Хитойда Тан сулоласи (618–907 йй.) даврида ҳайвонлар ва токсимон ўсимликлар тасвирланган бронза кўзгулар пайдо бўлади. Чопаётган тўртта шер тасвири акс эттирилган бронза кўзгулар VII асрга тааллуқлидир. Ушбу тасвирлар рамзий мазмунга эга Шэн бўлиб, дунёнинг тўртта устуни маъносини англатган (Лубо-Лесниченко 1975: 16–18). Тан даврига (618–907 йй.) оид кўзгуларда асосан соат йўналиши бўйлаб, баъзида қарама-қарши ҳолатда чопаётган тўртта шер тасвирланган.

Уларга ўхшаш бронза кўзгулар Минусин ботиғида ҳам кенг тарқалган. Улардаги тасвирлар Ғарб билан маданий алоқалар оқибатида бир қанча трансформацион ўзгаришларга учраган. Жумладан, XI–XIII асрларда Волга бўйидаги Булғор давлатида уларнинг прототиплари (нусхалари) асосида ички чамбар бўйлаб соат йўналишига қарама-қарши чопаётган тўртта ҳайвон тасвирланган бронза кўзгулар тайёрланган.

Жанубий Уралдаги XII–XIV асрларга оид мозорқўрғонларда соат йўналишида чопаётган думи узун тўртта ит тасвирли бронза кўзгулар учрайди (Иванов, Кригер 1988: 19, рис. 4, 15; 11, 7). Итлар бир-биридан доиралар орқали ажратилган. Красная Речка (Қозоғистон) ёдгорлигидан ҳам чамбар бўйлаб чопаётган тўртта номаълум ҳайвон тасвирли бронза кўзгулар қайд қилинган (Байпаков, Терновая, Горячева 2007:131–132, рис. 210).

Хитойда пайдо бўлган ушбу гуруҳдаги бронза кўзгуларнинг трансформацион ўзгаришларга учраган шакллари Узоқ Шарқ, Минусин қўлтиғи, Волга бўйи, Жанубий Урал бўйи,

Қозоғистон ва Хоразм каби кенг географик худудларда тарқалган. Хоразм худудида ҳам антик ва ўрта асрлар даври амалий санъати анъаналарида кийик тасвири мавжуд бўлган. Жумладан, Тупроққалъа деворий расмларида ва X–XI асрларга оид Ҳайвонқалъа ёдгорлигидаги сирли сопол идишда ҳам очиқ фазода ҳаракатланаётган кийик тасвирланган.

Ҳар бир минтақа, жумладан хоразмлик ҳунармандлар ҳам ўзларининг анъанавий амалий санъатидан келиб чиққан ҳолда ушбу шаклдаги кўзгуларнинг маҳаллий локал вариантини яратишган.

III шакл. Жуфт сфинкс тасвирланган бронза кўзгулар. Қанотли, узун қуйруқли, одам бошли жуфт сфинкс тасвирли, ташқарисидаги чамбар бўйлаб “насҳ” ҳуснихатида араб ёзувлари битилган (фрагмент), диаметри 11 см. XIII–XIV асрларга оид Миздакхон маҳалласидан топилган (Торебеков, Кдырниязов М.-Ш. 1989: 464). Унга ўхшаш жуфт сфинкс – атрофига «ал борик» араб ёзувлари битилган бронза кўзгулар Минусин ботиғи, Шарқий Европа ва Красная Речка (Қозоғистон) ёдгорликларида қайд қилинган (Байпаков, Терновая, Горячева 2007:131–132, рис. 210).

Ушбу шаклдаги сфинкс тасвирли кўзгуларнинг келиб чиқиши бевосита Ислом санъатида зооморфли тасвирларни услублаштириш билан боғлиқ. Ислом санъатида одам қиёфасидаги жонзод жаннатдаги муқаддас ҳайвон сифатида эъзозланган (Лубо-Лесниченко 1975: 32). Бундай кўзгулардан биридаги араб ёзувлари таржимаси қўйидагича: «Шон-шараф ва узоқ умр, бахт ва буюклик, яхшилик ва ҳурмат, мартаба ва мақтов, ҳокимият ва бойлик, асрий қудратли ҳукмдорлик (хўжайинга)» (Лубо-Лесниченко 1975: 105).

Бундай услублаштирилган зооморфли тасвирлар ва эзгу тилаклар битилган буюмлар тумор вазифасини бажариб, эгасига қудрат ва улуғворлик бағишлаган.

Ўрта Осиё ва Эрон амалий санъатида сфинксларни жуфт ёки якка ҳолатда тасвирлаш анъанаси мавжуд. Еттисув (XII аср) ҳудудида жуфт сфинкс ва атрофига араб ёзувлари битилган, дастали бронза кўзгу учрайди (Пугаченкова, Ремпель 1965: 213, рис. 229). Термиздаги (XI–XII аср) бронза кўзгу марказида ҳам битта сфинкс тасвирланган ва атрофида араб ёзувлари битилган, дастасиз идиш қайд этилган.

Сфинкс тасвири бронза кўзгулардан ташқари бронза баркашда (Самарқанд музейи), Термиз саройи ва Эрондаги (XII–XIII аср) ўймакорлик буюмларида ҳам учрайди (Пугаченкова, Ремпель 1965: 213).

Хоразмда сфинкс тасвири XIII–XIV асрларга оид Белеули карвон саройи дарвозаси пештоқида ва нумизматик материалларда ҳам акс эттирилган.

Ўрта Осиёда сфинкслар XI–XIV асрлар амалий саънатидаги анаънавий тасвирлардан бирига айланади. Хоразмда сфинкс тасвирларнинг пайдо бўлиши Эрон ва Ўрта Осиё билан маданий алоқаларга боғлиқ ҳисобланади.

IV шакл. Қанотлари ёйилган оқ қуш ёки турна (2, 6-расм) тасвирланган кўзгу. Фрагмент. Қуш атрофи ўсимликсимон нақшларда безатилган. XII–XIV асрлардаги Миздакхон маҳаллаларидан бирида қайд қилинган (ҚТММ: Кп 391, инв 8951/19).

Унга ўхшаш кўзгулар XII–XIII аср бошига оид Талхир ёдгорлигидан топилган (Мухтарова, Железняков, Жумай 2021: 50–52, рис. 4–6). Кўзгу тўртта қисмга ажратилган, ҳар бирида учиб бораётган турна ёки қанотларини ёзган лайлак жойлаштирилган. Уларнинг тўртталаси ҳам бир йўналишда ўнг томонга қараб учишмоқда.

Ўрта Осиёдан ташқарида, унга ўхшаш бронза кўзгулар Узоқ Шарқдаги Хакасия ва Красноярск ўлкалари ёдгорликларида учрайди (Оборин, Савосин 2017: 345–346, рис. 3, 24–25; 3, 74). Бундай кўзгулар дастлаб Хитойда Тан сулоласи (617–907 йй.) даврида пайда бўлган ва бошқа ҳудудларга тарқалган.

Хоразмнинг ўрта асрга оид бадиий буюмларида қушлар тасвири туширилган бўлиб баъзи буюмларнинг дасталари қуш тарзида ясалган. Замахшар, Қизилқалъа ёдгорликларидан металдан қуш шаклидаги қуббалар тайёрланган (ҚРСМ: Кп. 3602, инв. 239).

Ўрта Осиё халқлари санъатида оқ қушлар қадимдан бахт, бойлик, поклик ва муҳаббат рамзи бўлган илоҳий жонзод сифатида тасвирланади.

5-гуруҳ. Ташқаридан келтирилган импорт бронза кўзгулар. Хитойда тайёрланган бронза кўзгулар “Буюк ипак йўли” бўйлаб антик даврдан то ўрта асрлар давомида ташқи савдога экспорт маҳсулот сифатида мунтазам чиқарилган. Уларнинг намуналари Оролбўйи кўчманчилар ёдгорликларида мил.авв. II–I асрлардаги Бедиак-асар, Косасар 2, Олтин асар, Олтин асар-4, Косар 2 қўрғон-мозорларидан учрайди (Баринова 2012: 60–63).

I шакл. Параллел айланасимон халқлар орасига Хитой иероглифларига ўхшаш 8 та белги туширилган (3, 5-расм). Кўзгунинг марказий қисмида кичик тугма тарзли дастаси бор. Кўзгу Жанпиққалъадаги 8-қазишма жойидаги ноёб топилма сифатида қайд қилинган (Доспанов 1992: 67). Ёдгорлик тадқиқотчиси томонидан XII-XIV асрлар билан даврланади.

Унга ўхшаш 8 та иероглифлар туширилган бронза кўзгу Қирғизистоннинг Иссиққўл вилоятидан топилган. Кўзгу айланаси бўйлаб ёзувлар туширилган. Кўзгу Цзинь сулоласи даврига оид ҳисобланади, диаметри 110 мм, қалинлиги 0,4 мм. вазни 290 г. Иероглифларда тун вэй цзин, кэ чжэн и гуань сўзлари туширилган. Ёзувнинг таржимаси: «бронза ойна ёрдамида сиз кийим ва шляпангизни тартибга солишингиз мумкин» (Оборин, Савосин 2017: 148).

II шакл. Жуфт аждарҳо тасвирли кўзгу (3,6-расм). Иккита илон сифатли думли, қанотли жуфт аждарҳо симметрик жойлашган. Аждарҳонинг боши кўзгу марказига эгилган тарзда ва тўлқинсимон кокиллари ташқи чамбар чеккаси томон урилган ҳолатда тасвирланган кўзгу.XIII–XIV асрларга оид Миздакхон маҳаллаларидан топилган. Буюм оқ металлдан (кумуш-?), чеккалари тўлқинсимон саккиз қиррали қилиб ясалган, диаметри 12,5 см га тенг (Кдырниязов М.-Ш. 2000: 70–71).

Аждарҳо тасвирли кўзгулар Хитойда Тан сулоласи даврида пайдо бўлади ва VII–VIII асрларда Хитой саънатидаги янги маҳсулот саналади. Ушбу кўзгулар Сунлар даврида (926–1267 йиллар) ҳам кенг кўламда ишлаб чиқарилган.

Унга ўхшаш кўзгулар XII–XIV асрларда Минусин ботиғи, Увек, Булғор, Янги Сарой, Бельжамен ва Красная Речка ёдгорликларида учрайди (Байпаков, Терновая, Горячева, 2007: 134–135, рис. 218).

Ушбу кўзгулар импорт маҳсулот бўлган, уларнинг нусхалари Олтин Ўрда шаҳарларида тайёрланган. Кўзгу нусхалари сариқ металлдан тайёрланиб, қора платина билан қопланган.

Миздакхон ёдгорлигидаги кўзгу оқ металлдан ясалган, у айнан Хитойда ёки унга яқин ҳунармандчилик марказларида тайёрланган. Кўзгудаги декоратив элементлар Тан даврига оид янгилик бўлса ҳам, улар Цзинь (1115–1234 йй.) ва мўғуллар (XIII–XIV асрлар) даврида Хитойдан то Олтин Ўрдага қадар кенг географик ҳудудда тарқалган.

Хоразмнинг XII–XIV асрларга оид ёдгорликларидаги металл кўзгулар минтақанинг Хитой давлати билан бўлган савдо-иқтисодий алоқаларидан гувоҳлик беради.

Хулоса сифатида шуни таъкидлаш мумкинки, Хоразмнинг ўрта асрларга оид бронза кўзгуларининг пайдо бўлиши турли минтақалар билан олиб борилган маданий ва иқтисодий алоқалар билан боғлиқ. Хоразмда қадимдан безатилмаган бронза кўзгулар шакллари мавжуд бўлиб, ривожланган ўрта асрларда ҳам уларнинг анъанавий турларини тайёрлаш давом этган.

Айниқса, Хоразмда XII–XIV асрларда геометрик нақшларда безатилган ва зооморфли бронза кўзгулардан фойдаланиш бирмунча кенгаяди. Кўзгуларнинг тўрт чамбарли, занжир тарзли ҳалқалар, ёйсимон шаклда безатилган (3-гуруҳ) намуналари кенг тарқалган.

Зооморф тасвирли бронза кўзгулар Хоразмда Хитой, Эрон бадиий саънати анъаналари таъсирида пайдо бўлган. Улардан жуфт балиқ, чопаётган тўртта кийик, учаётган қуш тасвирли бронза кўзгуларнинг келиб чиқиши Хитой маданий муҳити билан боғлиқ бўлсада, ушбу гуруҳ кўзгулари Хоразмга XIII–XIV асрларда Олтин Ўрда шаҳарлари ва ва кўчманчилар билан бўлган савдо-иқтисодий алоқалар натижасида кириб келади. Ўша даврда сфинкс тасвирли кўзгулар Хоразмга Эрон ва Ўрта Осиё вилоятлари билан савдо-иқтисодий алоқалари таъсирида кириб келган. Зооморфли тасвирли бронза кўзгуларнинг тарқалишида ислом санъатида ҳайвонотларни услублаштириш услубининг юзага келиши муҳим аҳамият касб этади.

Хоразмлик ҳунармандлар ҳам ўрта асрларда ташқи савдо-иқтисодий ва маданий алоқалар таъсирида кириб келган бронза кўзгуларнинг баъзиларига тақлид қилишиб, уларнинг нусхаларини тайёрлашни йўлга қўйишган.

Таъкидлаш лозим, XX асрга қадар Хоразм воҳаси халқларининг ижтимоий ҳаётида кўзгулар яхшилик ва толе тимсоли сифатида илоҳий, афсунгарлик ва иримчилик мазмунига эга бўлган. Хоразмда никоҳ кечаси ёшларнинг биргаликда кўзгуга қаровчи “ойна кўриш” номли удуми бўлган. Удумга кўра, келин-куёв келажак ҳаётлари кўзгу мисоли тиниқ, ёруғ ва пок бўлишини ният қилишган (Лобачева, 1960. С. 43). Ушбу удумлар Хоразмда бронза кўзгулар қадимдан илоҳий хусусиятга эга буюм бўлганлигини кўрсатади.

ФОЙДАЛАНГАН АДАБИЁТЛАР:

Байпаков К. М., Терновая Г. А., Горячева В. Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – нач. XIII вв.). Алматы: Гылым, 2007. 304 с.

Баринова Е. Б. Зеркала как источник по истории контактов народов Средней Азии с Китаем в древности и средневековье//Вестник РУДН, серия Всеобщая история, 2012, № 4. С. 57-91.

Богомолов Г. И., Гендельман П. И. Бытовые металлические предметы с городища Канка // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 137–149.

Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента. Москва: Восточная литература, 2001. 176 с.

Доспанов О. Т. Жампыққала – орта әсирлер естелиги. Нөкис: Қарақалпақстан, 1992. 98 б.

Иванов В. А, Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). Москва: Наука, 1988. 92 с.

Кдырниязов М-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус: Каракалпакстан, 1989.175 с.

Кдырниязов М-Ш. Зеркала с изображением драконов из Миздахкана // Вестник ККОАНРУ. № 3. Нукус, 2000. С. 70–71.

Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. Москва: 1975. 170 с., 109 илл. Серия: Культура народов Востока.

Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. Москва: Наука, 1978. 216 с.

Манылов Ю. П., Кдырниязов М-Ш. Городище Джанпык – кала // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент: Фан, 1984. С. 67–80.

Оборин Ю. В., Савосин С. Л. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Красноярск-Москва: 2017. 527 с.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. Москва: Искусство, 1965. 687 с.

Торебеков М., Кдырниязов М-Ш. Археологические раскопки в золотоордынском Миздахане // Археологические открытия. Москва, 1989. С. 464.

Тлегенова Г. Бронзовые зеркала из Золотоордынского городища Миздахан // Қарақалпақстан аймағындағы археологиялық қазылмалар ҳәм олардың ҳәзирги заман тарийх пәниниң раўажланыўындағы әҳмийети. Республикалық илимий-теориялық конференция материаллары / Жуўаплы редакторлар: Ғ. Хожаниязов, М-Ш. Қдырниязов. Нөкис: 2010. Б. 77–78.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва: Изд-во МГУ, 1966. 272 с.

Ходжайов Т. К., Мамбетуллаев М. М. Раннесредневековый некрополь Куюккала. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклай РАН, 2008. 432 с.

Шавкунов Э. В. Клад чжурчженских зеркал //МИА. № 86. М.: Наука, 1960. С. 235–237.

Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып.V. Ташкент: Фан, 1991. 204 с.

Қарақалпоғистон Республикаси санъат музейи фондлари (ҚРСМ).

Қорақалпоғистон тарихи ва маданияти музейи фондлари (ҚТММ).

REFERENCES:

Baypakov, K. M., Ternovaya, G. A., Goryacheva, V. D. 2007. *Xudojestvennıy metall gorodisha Krasnaya Rechka (VI – nach. XIII vv.) (The artistic metal of the settlement of Krasnaya Rechka (VI – early XIII centuries).* Almatı: Gılım Publ., 304 (In Russian).

Barinova, E. B. 2012. *Zerkala kak istochnik po istorii kontaktov narodov Sredney Azii s Kitayem v drevnosti i srednevekov`e (Mirrors as a source on the history of contacts between the peoples of Central Asia and China in Antiquity and the Middle Ages).* In *Vestnik RUDN, seriya Vseobshaya istoriya*. №4. 57–91. (In Russian).

Bogomolov, G. I., Gendel`man P. I. 1991.*Bıtovıye metallicheskiye predmetı s gorodisha Kanka (Household metal objects from the Kanka settlement).* In *IMKU (The History of Material Culture of Uzbekistan).* Issue 25. Tashkent, 137–149. (In Russian).

Vishnevskaya, N. Yu. 2001. Remeslennıye izdeliya Djigerbenta (Dzhigerbent handicrafts). Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 176 (In Russian).

Dospanov, O. T. 1992. Jampıqqala – orta ásirler esteligi (Dzhanpyk-kala medieval monument). Nókis: Qaraqalpaqstan Publ., 98. (In Karakalpak).

Ivanov, V. A, Kriger, V. A. 1988. *Kurganı kıpchakskogo vremeni na Yujnom Urale (XII–XIV vv.) (Mounds of the Kipchak period in the Southern Urals (12th-14th centuries).* Moscow: Nauka Publ., 92. (In Russian).

Kdırniyazov, M-Sh. 1989. *Material`naya kul`tura gorodov Xorezma v XIII-XIV vv. (The material culture of the cities of Khorezm in the 13th-14th centuries).* Nukus: Karakalpakstan Publ., 175. (In Russian).

Kdırniyazov, M-Sh. 2000. *Zerkala s izobrajeniyem drakonov iz Mizdaxkana (Mirrors with the image of dragons from Mizdakhkan).* In *Vestnik KKOANRU.* №3. Nukus, 70–71. (In Russian).

Lubo-Lesnichenko, Ye. I. 1975. *Privozniye zerkala Minusinskoy kotlovinı(Imported mirrors of the Minusinsk basin).* Seriya: Kul`tura narodov Vostoka. Moscow: 170. 109 ill. (In Russian).

Litvinskiy B. A. 1978. *Orudiya truda i utvarь iz mogil`nikov zapadnoy Ferganı (Tools and utensils from the burial grounds of western Fergana).* Moscow: Nauka Publ., 216. (In Russian).

Manılov, Yu. P., Kdırniyazov M-Sh. 1984. *Gorodishe Djanpık-kala (The sity of Dzhanpyk-kala).* In *AP (Archaeology of the Aral Sea region).* Issue II. Tashkent: Fan Publ., 67–80 (In Russian).

Oborin, Yu. V., Savosin S.L. 2017. *Kitayskiye bronzovıye zerkala. Korpus sluchaynıx naxodok (Chinese bronze mirrors. The case of accidental finds).* Krasnoyarsk-Moscow, 527. (In Russian).

Pugachenkova, G. A., Rempel`, L. I. 1965. *Istoriya iskusstv Uzbekistana (Art History of Uzbekistan).* Moscow: Iskusstvo Publ., 687. (In Russian).

Torebekov, M., Kdırniyazov, M-Sh. 1989. *Arxeologicheskiye raskopki v zolotoordınskom Mizdakxane(Archaeological excavations in the Golden Horde Mizdakhan).* In *AO (Archaeological discoveries).* Moscow: 464. (In Russian).

Archaeological excavations in the territory of Karakalpakstan and their importance in the development of modern history. Proceedings of the Republican scientific-theoretical conference. Corresponding editors: G. Khojaniyazov, M-Sh. Qdirniyazov. Nukus: 2010. P. 77-78 (In Karakalpak).

Fedorov-Davıdov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoy Yevropı pod vlast`yu zolotoordınskix xanov (The nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde Khans).* Moscow: MGU Publ., 272. (In Russian).

Xodjayov, T. K., Mambetullayev, M. M. 2008. *Rannesrednevekovıy nekropol` Kuyukkala (The Early Medieval necropolis of Kuyukkala).* Moscow: Institut etnologii i antropologii im.N.N. Mikluxo-Maklay RAN Publ., 432. (In Russian).

Shavkunov, E. V. 1960. Klad chjurchjenskix zerkal (A treasure trove of Jurchen mirrors) //MIA. №86. Moscow: 235–237 (In Russian).

Yagodin, V. N. 1991. *Strelovidnıye planirovki Ustyurta (Swept layouts of Ustyurt).* In *AP (Archaeology of the Aral Sea region).* Issue V. Tashkent: Fan Publ., 204 (In Russian).

Funds of the Museum of art of the Republic of Karakalpakstan (QRSM).

Museum of history and culture of Karakalpakstan (QTMM).

BRONZE MIRRORS IN MEDIEVAL KHOREZM

© 2024. Baxit Turganov

Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyaz

Key words: bronze mirrors, Khorezm, medieval monuments, floral and geometric ornaments, a pair of fish, deer, sphinx, zoomorphic images, Chinese samples, Islamic art, economic and cultural connections.

The article analyzes bronze mirrors found in the medieval monuments of Khorezm. The chronological boundary of the theme is determined by the 6th–14th centuries. The origin of bronze mirrors in the medieval monuments of Khorezm has been studied based on comparison with their similar types in neighboring regions. Transformational changes and innovations in bronze mirrors have been identified and classified in accordance with their features of decorating ornaments. In the Khorezm monuments dating from the 6th to the 11th centuries, there are mirrors crafted in accordance with ancient traditions, lacking any decorative elements. Zoomorphic bronze mirrors decorated with geometric and floral ornaments were especially widespread in Khorezm in the 12th-14th centuries. During this period, trade-economic and cultural connections with the Golden Horde and the nomads of Eastern Europe served as the main factor in the penetration of bronze mirrors of various forms into Khorezm. Some forms of bronze mirrors imported to Khorezm were made by local craftsmen. The article presents historical information about the symbolic, aesthetic, magical properties and sacred functions of medieval bronze mirrors in the social life of Khorezm. In addition, it highlights the role and significance of bronze mirrors in the material and spiritual culture of Khorezm.

ЁШ ТАТҚИҚОТЧИЛАР МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

YOUNG RESEARCHERS ROSTRUM

«ВОСТОЧНЫЙ ПРИГОРОД» ГОРОДИЩА БОЛЬШАЯ КЫРК-КЫЗ-КАЛА

© 2024. Азизхан Тореniязов[1], Сергей Болелов[2], Абдулла Мамедов[1]

[1]Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакское отделение АН РУз

[2]Государственный музей искусства народов Востока

Ключевые слова: Древний Хорезм, Большая Кырк-кыз-кала, поселение, керамика, гончарное производство, гончарная печь.

В статье приводятся результаты археологических работ на поселении к востоку от городища Большая Кырк-кыз-кала, расположенного в Элликкалинском районе Республики Каракалпакстан. Здесь на протяжении нескольких сезонов ведет археологические исследования Южно-Приаральская Каракалпакско-Российская комплексная археологическая экспедиция. В полевой сезон 2023 года экспедиция провела раскопки на нескольких участках. Первый отряд начал сезон раскопок на поселении к востоку от городища, в результате визуального осмотра местности стены поселения стало очевидно, что сохранились в виде небольших всхолмлений. В ходе раскопочных работ в поселении «Восточный пригород» были получены весьма интересные результаты, которые могут служить весомыми фактами в изучении истории городища. Раскопки показали, что поселение имеет длинную стену, которая вполне могла выполнять роль оборонительной стены, также там были двор и помещение. Стены поселения плохо сохранились, во дворе и в помещении были обнаружены развалы керамических сосудов древнехорезмийского периода (IV–II вв. до н. э.). На поверхности поселения местами можно наблюдать фрагменты керамики, останцы горнов и шлаков. Был раскопан один из горнов вблизи проложенного раскопа, который по керамическому материалу можно датировать древнехорезмийским периодом.

КАТТА ҚИРҚҚИЗҚАЛЪАНИНГ «ШАРҚИЙ ЁНШАҲРИ»

© 2024. Азизхон Тореniязов[1], Сергей Болелов[2], Абдулла Мамедов[1]

[1]ЎзР ФА Қорақалпоғистон бўлими Қорақалпоқ гуманитар фанларилмий-тадқиқот институти

[2]Шарқ халқлари санъати давлат музейи

Калит сўзлар: Қадимги Хоразм, Катта Қирққизқалъа, манзилгоҳ, сопол идишлар, кулолчилик ишлаб чиқариши, кулолчилик хумдонлари.

Мақола Қорақалпоғистон Республикаси Элликқалъа туманида жойлашган Катта Қирққизқалъа ёдгорлигининг шарқидаги манзилгоҳда олиб борилган археологик тадқиқот ишлари натижаларига бағишланган. Мазкур ёдгорликда Қорақалпоқ-Россия комплекс археологик экспедицияси томонидан қазув тадқиқотлари олиб борилмоқда. 2023-йилда археологик тадқиқотлар ёдгорликнинг бир неча нуқтасида олиб борилди. Қазув тадқиқотини олиб бораётдан отрядлардан бири ёдгорликнинг шарқида жойлашган тепаликда давом эттирди. Натижасида «Шарқий ёншаҳри» ҳам мудофаа девор билан ўралган, унинг ички томонидан ҳовли ва хона ўрнилари очилган. Мудофаа девори яхши сақланиб қолмаган, унинг ички томонидаги ҳовли ва хоналаридан қадимги Хоразм даврига оид (мил. авв. IV–II асрлар) сопол идишлар бўлаклари қайд этилган. Шунингдек, тепаликда сопол идиш бўлаклари билан бирга сочилиб ётган тошқол (шлак) ларни ҳам учратиш мумкин. Қазишма яқинида хумдон ўрни ҳам очиб ўрганилди, натижада ундан қадимги Хоразм даврига оид сопол қолдиқлари қайд этилди.

Введение. Крепость Большая Кырк-кыз-кала расположена в Элликкалинском районе Республики Каракалпакстан. Первые сведения о городище приводятся в работах русских исследователей-почвоведов под руководством Н.А. Димо, которые изучили территорию Шураханского участка Амударьинского отдела (Димо 1913: 3–4, 40–42, 49, 52). В 1913 г. крепость посетили Д. Д. Букинич и В. В. Цинзерлинг, которые проводили обследование земель правобережного Хорезма на предмет их освоения для сельскохозяйственных нужд. Сведения о деятельности этих почвоведов приводятся в монографии Б. В. Андрианова (Андрианов 1969: 130). В конце 30-х гг. прошлого столетия Большой Кырк-Кыз-кала был обследован С. П. Толстовым. Тогда же был снят глазомерный план городища (Толстов 1948: 134). На основании подъемного материала памятник был датирован первыми веками н. э. К аналогичному заключению о дате строительства крепости пришел и Я. Г. Гулямов (Гулямов 1957: 100–102).

В начале 60-х годов XX в., в ходе изучения древней ирригации Хорезма, окрестности памятника были детально обследованы археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Б.В. Андрианова (Андрианов 1969: 131–133. рис. 3). Тогда же небольшие по масштабу раскопки в окрестностях городища провела Е. Е. Неразик, где была раскопана раннесредневековая железоплавильная мастерская и горн для обжига керамических изделий (Неразик 1966: 101–103, 105–108. рис. 51–54). В 1968 г. крепость посетил архитектурно-археологический отряд Хорезмской экспедиции под руководством Б. И. Вайнберг и М. С. Лапирова-Скобло, к сожалению, результаты их исследований не были опубликованы (Китов и др. 2019: 58). В первой половине 80-х годов памятник неоднократно обследовался сотрудниками отдела археологии Института истории, археологии и этнографии ККФ АН УзССР, которые детально исследовали и описали систему фортификации крепости и на основании керамического материала датировали ее возникновение IV–III вв. до н. э. (Хожаниязов 1997: 116).

Материалы и методика. Начиная с 2019 года на городище Большая Кырк-кыз-кала начала свою работу Южно-Приаральская Каракалпакско-Российская комплексная археологическая экспедиция (ЮПКРКАЭ) (Китов и др. 2019: 58; Болелов и др. 2023: 40–47). В мае месяце 2023 года ЮПКРКАЭ начала очередной сезон исследований городища Большая Кырк-Кыз-кала. Целью работ было продолжение исследования фортификации городища, Западного загородного комплекса и поселений в окрестностях крепости. В этом же году начаты раскопки на поселении, расположенном в 150 м к востоку от юго-восточного угла укрепленной части городища Большая Кырк-кыз-кала (плановое название «Восточный пригород»). Поселение сохранилось в виде небольших всхолмлений, которые отчетливо прослеживаются на аэрофото 60-х годов прошлого века. Это поселение прямоугольной формы, на поверхности которого довольно отчетливо читаются контуры двух длинных, надо полагать, внешних стен: южной и отдельные участки восточной (рис. 1). С западной стороны зафиксированы очень плохо сохранившиеся останцы внешней стены.

Раскоп был заложен в юго-восточной части поселения вплотную к южной внешней стене, где, как казалось, сохранился культурный слой (рис. 2). До начала раскопа современная дневная поверхность была усеяна россыпью фрагментов керамических сосудов, которые также по морфологическим и технологическим признакам можно датировать древнехорезмийским периодом. Также на отдельных участках восточной части раскопа достаточно отчетливо прослеживались участки внешней стены, а к востоку от раскопа читались контуры угловой башни. К северу от поселения расположен современный детский могильник (бала аулие). Некоторые современные погребения из вышеуказанного могильника имеют набросы из керамических фрагментов крупных сосудов.

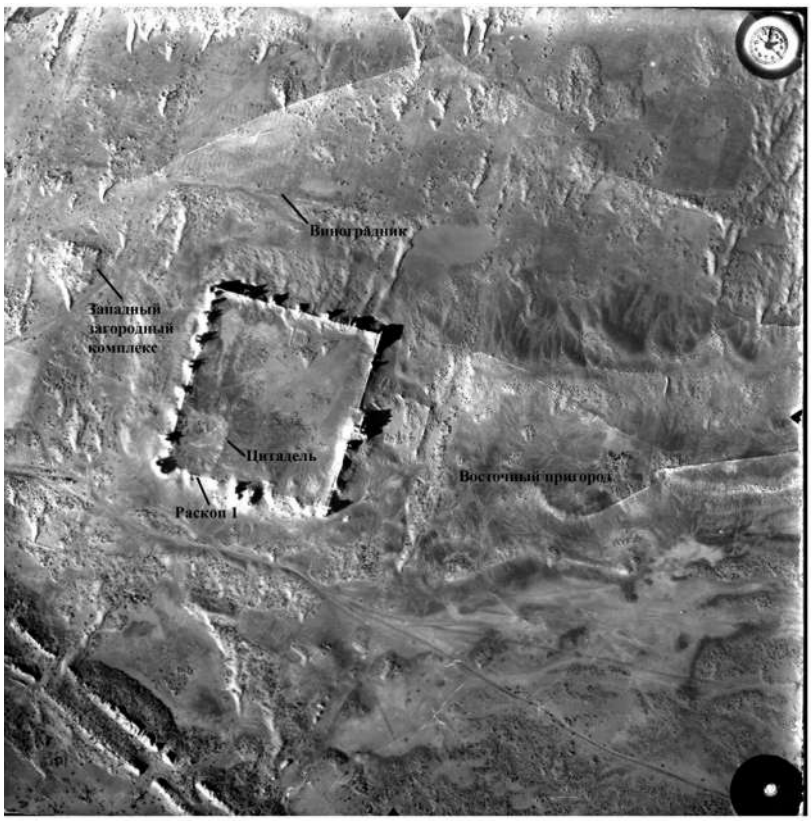

Рис. 1. Большая Кырк-кыз-кала. Аэрофотоснимок.

1-расм. Катта Қирққизқалъа. Аэрофотосурат.

Fig. 1. Big Kyrkkyz-kala. Aerial photograph.

В середине поселения, окруженного предположительно длинными стенами, выделяются несколько холмов, поверхность которых засыпана фрагментами шлаков, отходами железоплавильного или керамического производства раннесредневекового периода, но пока следов железообрабатывающего или кузнечного производства в пределах поселения не зафиксировано. На территории восточного пригорода, непосредственно на уровне дневной поверхности, отмечено большое количество вкопанных в землю хумов, от которых сохранилась только нижняя часть. Они зафиксированы отдельно или группами по несколько сосудов в ряд. Возможно, хумы, которые стоят группами, являются остатками хумханы. Пять нижних частей крупных тарных сосудов зафиксированы в центральной части поселения. Координаты скопления хумов (хумханы) N42°00’31.2732», E61°09’42.6204».

В северо-западной и западной частях поселения, ближе к крепостным стенам городища, на современной дневной поверхности, отмечены контуры гончарных горнов, которые проявляются в виде небольших бугров, усыпанных кусками керамического шлака и фрагментами бракованной посуды. По подъемному материалу они предварительно датируются первыми веками н.э. Два горна (большой и малый) были обнаружены в юго-восточной части поселения, в 12 м к юго-востоку от раскопа. Один из них, который по сопутствующему материалу датируется IV–II до н. э., был раскопан.

Описание материала. *Восточный пригород. Раскоп 1.* Раскопочные работы на восточном пригороде Большой Кырк-кыз-калы были начаты 10 мая 2023 г. и закончены 24 мая 2023 г. Раскоп был заложен в юго-восточной части пригорода, вплотную к внешней стене поселения (условно длинной стены – стена 01), (рис. 2: *1–2*). Первоначально раскоп 1 был разбит на 6 прямоугольных участков размерами 3х4 м, условно названных «квадратами». Между ними оставлены бровки шириной 20 см, убранные в ходе раскопочных работ, была сохранена только бровка 04, разделяющая квадраты В и С, ориентированная по линии С-Ю (рис. 2: *1–2*).

Раскопки были начаты с квадрата А 1 (юго-западный сектор раскопа). Основной целью было определение контуров и размеров внешней южной стены поселения, которая прослеживалась на поверхности с востока на юго-запад в сторону городища. В результате зачистки в квадрате А 1, было обнаружено основание «длинной» стены, построенной,

надо полагать, из сырцовых кирпичей (плохая сохранность). Основание стены 01 представляет собой сильно разрушенный рыхлый сырцовый слой очень сильно деструктированных сырцовых кирпичей, толщиной в 4–8 см, который подстилается слоем суглинка с незначительными включениями песка и угольков, мощностью 4–5 см (слой 3). Этот слой залегает на уровне материка, зафиксированном на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности в виде плотного крупного песка красно-коричневого цвета (слой 4) (рис. 4: *1–2*). Раскоп был расширен далее к северу (квадрат А 2). В результате поверхностной зачистки установлена ширина внешней стены поселения – 2 м. (рис. 2: *1–2*; рис. 3: *1*). В этом квадрате А 2 обнаружена стена (стена 02) шириной 0,7 м, которая примыкала к внешней стене поселения (стена 01), и ориентирована по линии Ю-З. Она сложена из квадратных сырцовых кирпичей размером 40х40 см, по всей видимости, с горизонтальной перевязкой рядов, со сдвигом каждого последующего вертикального ряда на полкирпича. В кладке стены были использованы половинки кирпичей (рис. 2: *1–2*). Стена сохранилась на высоту 28 см (2 ряда кирпичей) и прослежена на расстоянии 3,50 м. Раскопки квадрата А 2 позволили установить сохранившуюся высоту внешней стены поселения (стена 01), здесь она составила 40 см (рис. 4. *1*). Основание ее в квадрате А2 было зафиксировано на отметке 660 от реперной точки[1].

В западной части раскопа на отметке -631 от реперной точки, надо полагать, был двор, примыкающий к жилому помещению, была обнаружена сырцовая конструкция, вплотную пристроенная к кирпичной стене. Она полуовальная в плане размером 70 х 100 см и сохрани-

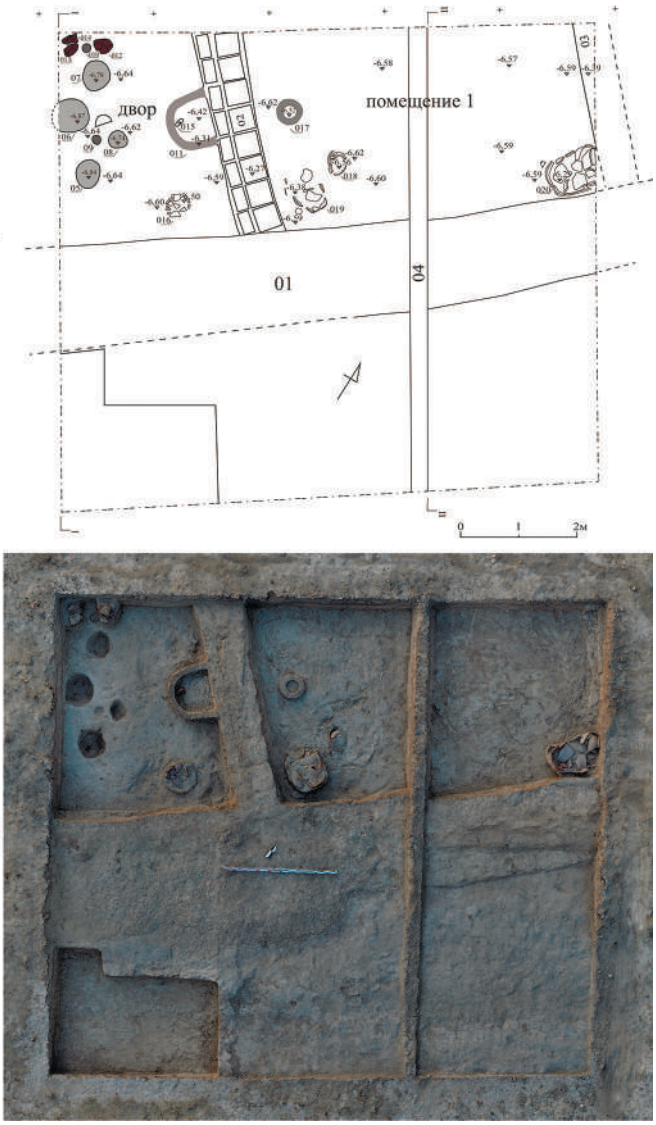

Рис. 2. Восточный пригород, раскоп 1. 1 – план. 2 – фотограметрия. 01, 02, 03 – стена, 04 – бровка, 05, 06, 07, 08 – ямы, 09, 010 – столбовые ямки, 011 – закрома? 012, 013, 014 – камни в натечном слое, 015 – фляжка, 016 – развал кувшина, 017 – постамент под сосуд? 018 – развал горшка, 019 – развал хумчи, 020 – развал хума.

2-расм. Шарқий ёншаҳри, 1-қазишма. 1 – тарҳи. 2 – фотограмметрия. 01, 02, 03 – девор, 04 – қазишма чегараси, 05, 06, 07, 08 – ўра, 09, 010 – устун чуқурчалари, 011 – дон сақлаш ўраси? 012, 013, 014 – оқова қатламдаги тошлар, 015 – фляга, 016 – кўза парчаси, 017 – идиш таглиги? 018 – тувак парчаси, 019 – хумча парчаси, 020 – хум парчаси.

Fig. 2. Eastern suburb, excavation 1. 1 – plan. 2 – photogrammetry. 01, 02, 03 – wall, 04 – edge, 05, 06, 07, 08 – pits, 09, 010 – pillar pits, 011 – grain storage space? 012, 013, 014 – stones in the tincture layer, 015 – flask, 016 – jug collapse, 017 – postament for a vessel? 018 – pot collapse, 019 – humcha collapse, 020 – humcha collapse.

[1] Репер – единый для всего комплекса Большая Кырк-Кыз-кала, был установлен на юго-западном отрезке крепостной стены городища, к западу от раскопа № 1 на цитадели памятника.

Рис. 3. Восточный пригород, раскоп 1
1 – общий вид с севера, 2 – вид на двор с юга-востока, 3 – вид с севера.

3-расм. Шарқий ёншаҳар атрофи, 1-қазишма
1 – шимолдан умумий кўриниши, 2 – ҳовлининг жануби-шарқдан кўриниши, 3 – шимолдан кўриниши.

Fig. 3. Eastern suburb, excavation 1.
1 – general view from the north, 2 – view of the courtyard from the south–east, 3 – view from the north.

лась на высоту 20 см от жилого уровня, зафиксированного в квадрате А2, толщина глиняных стенок 15 см. Заполнение этой конструкции, которая, по всей видимости, была закромом, представляло собой слой довольно рыхлой комковатой супеси с очень высоким содержание органики. Здесь же был найден археологически целый сосуд – лепная фляга оригинальной формы (рис. 2: *1–2*; рис. 6: *15*). Функциональное назначение этого сосуда определить довольно сложно, возможно, он был светильником. Нельзя исключать и того, что это был небольшой индивидуальный сосуд для воды, или какой-либо другой жидкости, тем более что следов нагара или копоти ни на внешней, ни на внутренней поверхности не отмечено. В северо-западном секторе раскопа зафиксирован развал крупных необработанных камней: две глыбы – породы песчаника, один камень – ракушечник (рис. 2: *1–2*; рис. 4: *1*; рис. 3: *2–3*). Они лежат на слое основательно размытого завала сырцовых конструкций – слой 5, залегающим над уровнем пола. По всей видимости, это развал какой-то каменной конструкции, функциональное назначение которой определить не представляется возможным. В южном секторе западной части раскопа на отметке 650, был обнаружен развал красноглиняного кувшина (рис. 2; 016; рис. 5. *1*), который по морфологическим и технологическим признакам – красный сплошной ангоб, валики, зонально разделяющие части сосуда, круглая

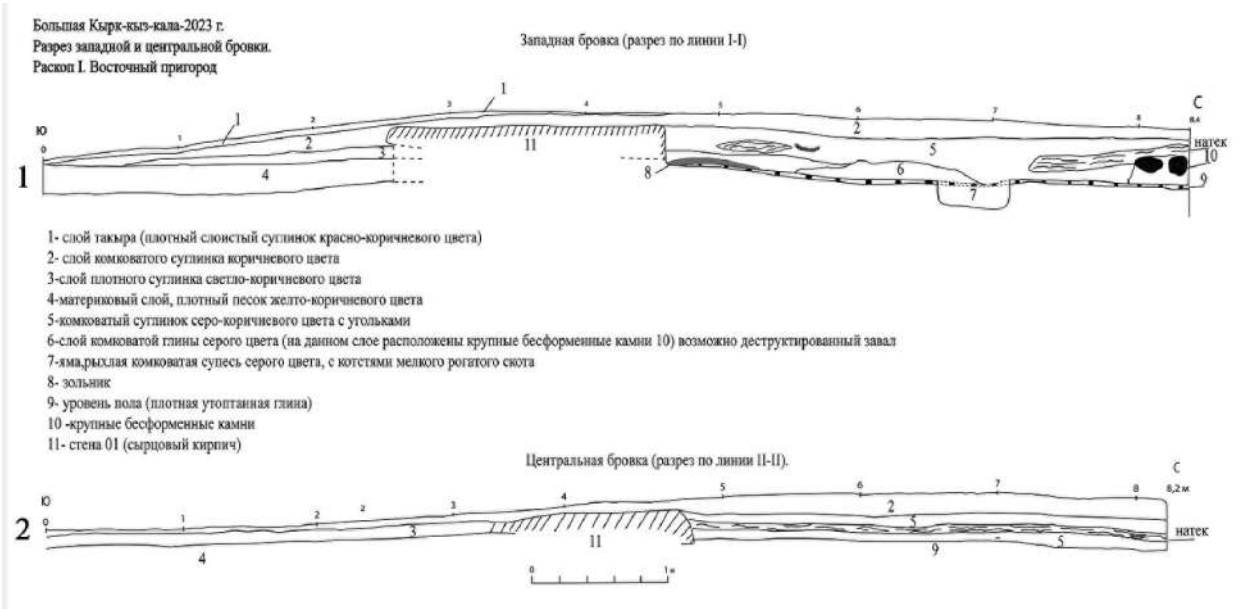

Рис. 4. Восточный пригород. Раскоп 1 разрез по линии I-I и II-II.

4-расм. Шарқий ёншаҳар атрофи. 1-қазишма. I-I ва II-II кесма чизиги.

Fig. 4. Eastern suburbs. Excavation 1 section along the line I–I and II–II.

в сечении ручка – позволяет допустить датировку сосуда IV–II вв. до н. э. Отметим нижний конец ручки сосуда, четко выделенный на плечике, имитирующий, по всей видимости, окончание металлической ручки в виде прута, припаянного к тулову сосуда. Тулово кувшина яйцевидное, дно плоское. Сохранившаяся высота сосуда составляет 30 см, диаметр дна 12 см. Максимальный диаметр приходится на середину тулова сосуда и составляет 23 см. На месте перехода из плечиков к горловине имеются два невыразительных валика, поверхность нижней части тулова подверглась обработке (возможно, деревянным инструментом), о чем говорят горизонтальные линии на поверхности (рис. 5: *1*). Судя по развалу кувшина, зафиксированному на отметке 660 от реперной точки, он стоял на уровне пола.

В квадрате А 2 на уровне 664 от реперной точки открыты 4 ямы, заполнение которых представляет собой слой глины, с прослойками золы и пепла. В заполнении ям обнаружены фрагменты тонкостенных сосудов и кости крупного и мелкого рогатого скота (табл. 1). С уровня двора и из ямы 06 были взяты образцы частиц угольков для радиоуглеродного анализа. Глубина ямы № 5, диаметром 50 см, от уровня двора – 18 см (-684 от реперной точки). Глубина ямы № 6 – 24 см (-687 от реперной точки), диаметр – 58 см. Глубина ямы № 7 – 18 см (-678 от репера), диаметр – 48 см. Диаметр верхней части ямы № 8, - 30 см. Дно ее зафиксировано на глубине 12 см (-674 от реперной точки) (рис. 2: *1–2*; рис. 3: *2–3*). Рядом с ямами № 05, 06, 08 и камней 012, 013 были обнаружены столбовые ямки 09 и 010 (рис. 2; рис. 3: *2–3*), диаметром 17–18 см, которые расположены параллельно стене 02. Столбовая ямка, рядом с развалом камней, находится на расстоянии 1,88 м от стены 02, вторая – на расстоянии 2 м от стены 02. Расстояние между столбовыми ямками равно 1,25 м. Наличие столбовых ямок на примерно одинаковом расстоянии от стены дает основание предполагать, что с западной стороны у стены был навес-айван, под крышей которого располагались закром и хозяйственные ямы (рис. 2: *1–2*; рис. 3: *1–3*).

С целью определения ширины стены 02 (предполагаемая стена помещения) с востока от первоначального раскопа были прирезаны еще четыре квадрата – Б1, Б2, В1 и В2. В квадратах Б1 и В1 была зачищена современная дневная поверхность, то есть был снят верхний слой пылевидной сильно просоленной супеси – слой 1. В результате проведенных работ вы-

Рис. 5. Керамика с раскопа 1
Археологически целые сосуды.

5-расм.1-қазишмадан олинган сопол буюмлар.
Археологик бутун идишлар.

Fig. 5. Ceramics from excavation 1
Archaeologically intact vessels.

явлена реальная ширина западной стены помещения № 1 – 1,60 м, которая была построена из сырцовых кирпичей размером 40х40 см (в квадратах А1 и А2 нам не удалось определить точные размеры кирпичей из-за плохой сохранности). Сохранившаяся высота стены 01 в этих квадратах такая же, как и в квадрате А2. В северо-восточном секторе квадрата В2 на отметке -639 от реперной точки был обнаружена часть восточной стены этого же помещения – западный фас (стена 03), которая тоже примыкала к стене 01, также как 02 в западной части раскопа (рис. 2: *1–2*). Ширину и длину стены 03 определить не удалось, так как она выходит за границы раскопа. Таким образом, в восточной половине раскопа открыта часть помещения № 1, ширина которого по линии В-З – 5,7 м (рис. 2; рис. 3: *1*). Длина или ширина его по линии С-Ю пока не определена. В этом помещении, в пределах квадрата Б2 были зафиксированы развалы двух сосудов; крупного горшковидного сосуда (рис. 2: 018) на уровне -656 от реперной точки, и хумчи (рис. 2: 019) на отметке -638 от реперной точки, которая стояла на каком-то глиняном постаменте (рис. 5: *2–3*). Горшок был вкопан в пол помещения до уровня плечиков. О том, что хумча стояла на невысоком постаменте, косвенно свидетельствует наличие в помещении № 1, на уровне -652 от реперной точки (квадрат Б2), остатков глиняной, округлой в плане конструкции диаметром 45 см (рис. 2: *1–2*), которая вполне могла быть постаментом-подставкой для сосуда. Сохранившаяся высота конструкции – 10 см от уровня пола, зафиксированного в этом помещении на отметке -662 от реперной точки. В квадрате В2 в юго-восточном углу помещения № 1 был обнаружен развал крупного сосуда хума (рис. 2: *1–2*; рис. 5: *4*). Судя по месторасположению и уровню залегания фрагментов сосуда, можно предположить, что он, как и хумча 019, стоял на полу или на невысоком глиняном постаменте, о чем свидетельствует тот факт, что донная часть сосуда зафиксирована на 12 см выше уровня пола. По морфологическим и технологическим признакам указанные выше сосуды можно датировать не позднее IV–II вв. до н. э.

Пол (слой 9) в помещении № 1 в виде плотной глиняной обмазки толщиной до 3–4 см зафиксирован на отдельных участках в пределах помещения на отметках -660 и -662. Непосредственно на уровне пола залегают слои натеков и кирпичный завал (рис. 4: *2*).

Особый интерес вызывает фрагмент верхней части лепного кувшина, где на месте соединения ручки с устьем помещен округлый конусовидный налеп, на котором очень схематично твердым предметом, может быть, палочкой, нанесено изображение морды животного (рис. 6: *1*). По всей видимости, этот сосуд является подражанием красноангобированным гончарным кувшинам с налепом в виде головы льва на верхней части ручки, широко распространенным на территории Хорезма в IV–II вв. до н.э. (Воробьева 1958: 40–53). В связи с этим следует обратить внимание на почти целый красноангобированный кувшин, найденный во дворе, описанный выше (рис. 5: *1*). По всем морфологическим декоративным и технологическим признакам этот сосуд относится к хорезмийским кувшинам с «львиноголовой ручкой» (Воробьева 1967: 107–108; Болелов 2004: 137). Кувшины с «львиноголовыми ручками», изготовленные профессионалами-ремесленниками, в свою очередь, являются подражанием металлическим сосудам, надо полагать медным или золотым, так как все гончарные сосуды этого типа покрыты плотным красным ангобом и нередко залощены. Как можно предполагать, подражать металлическим сосудам начали профессиональные гончары-ремесленники, далее, уже лепные реплики этих кувшинов начали появляться как изделия домашнего гончарного производства, о чем свидетельствует находка фрагмента лепного кувшина в восточном пригороде Большой Кырк-Кыз-калы (рис. 6: *1*). Кроме того, в комплексе, полученным в результате

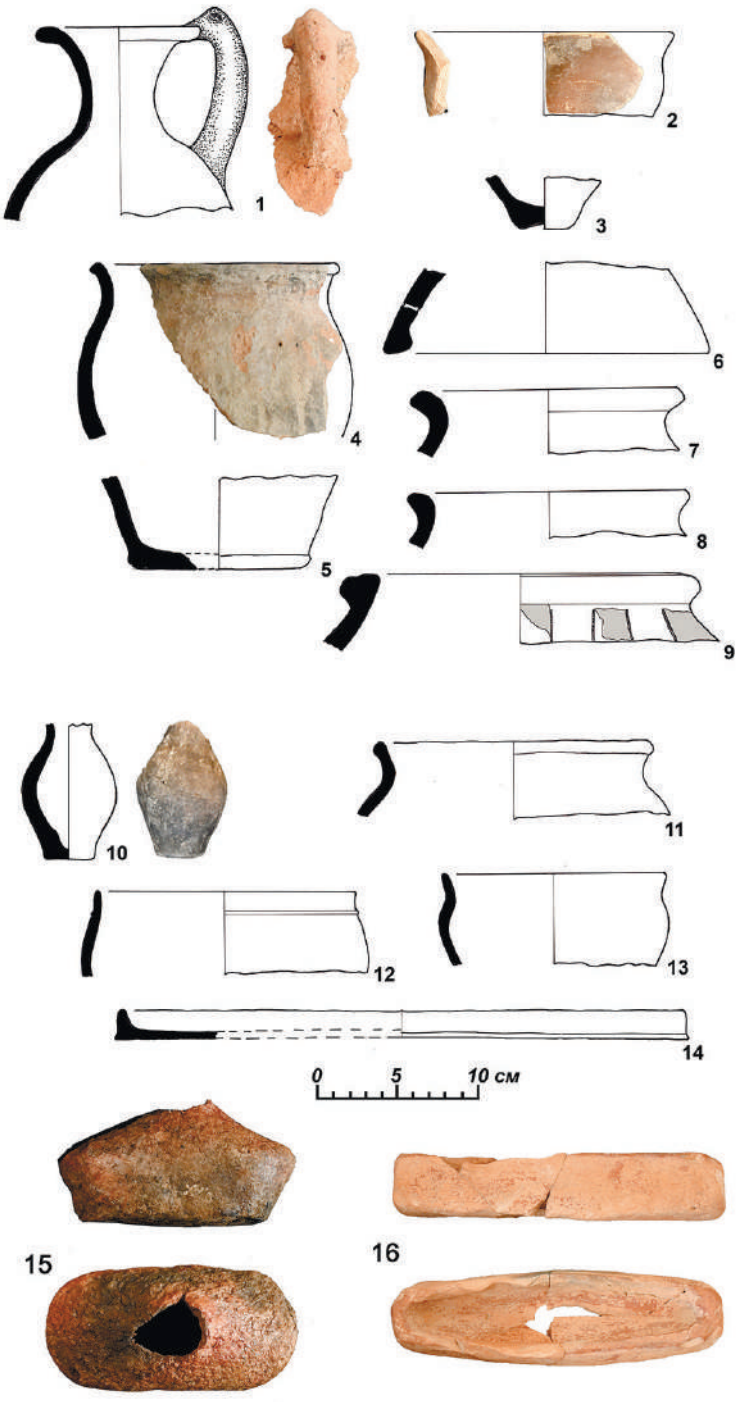

Рис. 6. Большая Кырк-кыз-кала, восточный пригород, фрагменты керамики с раскопа 1 и горна 1.

6-расм. Катта Қирққизқалъа, шарқий ёншаҳри, 1-қазишма ва 1-хумдондан олинган сопол идиш бўлаклари.

Fig. 6. Big Kyrk-kyz-kala, eastern suburb, fragments of ceramics from excavation 1 and pottery kiln 1.

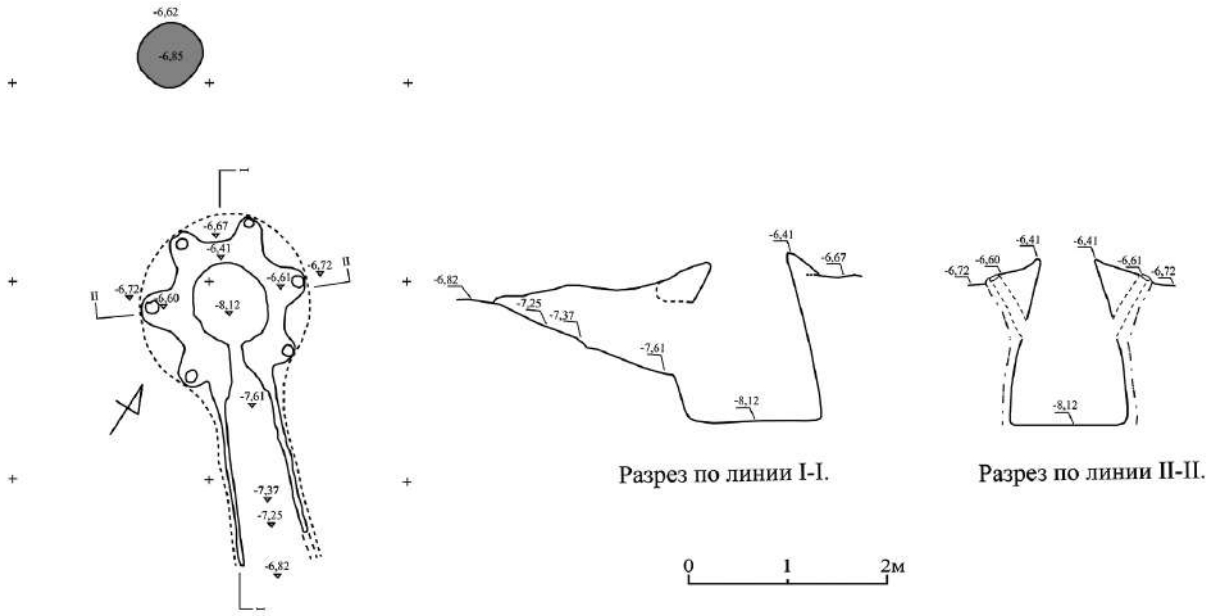

Рис. 7. Восточный пригород. Горн 1, план и разрез по линии I–I и II–II.

7-расм. Шарқий ёншаҳар атрофи. Хумдон 1, тарҳи, I–I ва II–II кесма чизиғи.

Fig. 7. Eastern suburbs. Pottery kiln 1, plan and section along the lines I–I and II–II.

раскопок, представлены фрагменты как лепных, так и гончарных сосудов, которые датируются в пределах IV–II вв. до н.э. Среди них наиболее характерными формами являются кубки с резервуаром усечённо-конической формы и отогнутым наружу верхним краем (рис. 6: *2, 3*), а также крупные горшковидные сосуды с росписью красной краской на плечиках (рис. 6: *9*).

Несколько подробней следует остановиться на археологически целых сосудах, развалы которых были найдены в пределах раскопа.

Крупный горшковидный сосуд (рис. 2), (018), вкопанный в пол в помещении № 1, сформован на гончарном круге. Округлые очертания донной части сосуда свидетельствуют об использовании при формовке подкладного диска. Нижняя часть подверглась обработке специальным инструментом (рис. 5: *2*), но здесь обработка более грубая по сравнению с вышеописанным красноангобированным кувшином (рис. 5: *1*). Высота сосуда 30 см, диаметр устья 20 см, максимальный диаметр тулова 36 см, диаметр дна 24 см. Венчик в виде массивного, уплощенного по верхней горизонтальной плоскости валика немного отогнут наружу. Внешняя поверхность сосуда с хорошо выраженными рельефными горизонтальными валиками разделена на орнаментальные зоны: горловина, плечики и верхняя часть тулова до линии максимального диаметра и придонная часть. Каждый из этих орнаментальных поясов, кроме горловины, украшен росписью в виде потеков или капель, которые объединены в орнаментальные регистры, по три элемента (рис. 5: *2*). Роспись в нижней части тулова местами плохо сохранилась, но с уверенностью можно предполагать, что это такие же потеки. Похожие по форме и декорированию сосуды датируются IV–II вв. до н. э. (Воробьева 1959: 96–98. рис. 12. *20, 21*). Подобные сосуды формовались ленточным способом (при помощи соединения глиняных полос) на гончарном круге (Болелов 2004: 112).

Хумча (рис. 2) (019). Изготовлена из глины без видимых примесей вручную методом ленточного налепа с последующей обработкой на гончарном круге. Это крупный тарный сосуд с туловом овоидной («яйцевидной») формы (максимальный диаметр тулова определяется в верхней трети профиля сосуда). Высота – 71 см, диаметр венчика – 26 см, максимальный

диаметр тулова – 40 см, диаметр дна – 24 см. Венчик в виде округлого валика в вертикальном сечении выделен четко. Горловина невысокая. Переход от горловины к плечикам подчеркнут хорошо выделенным рельефным валиком. Дно почти плоское, немного вогнутое в центре. Внешняя поверхность сосуда покрыта светлым ангобом-обмазкой, поверх которого нанесена роспись ангобной краской в виде спирали (рис. 5, *3*). На тулове сосуда имеются 4 отверстия – результат ремонта, о чем свидетельствуют параллельно расположенные просверленные после обжига отверстия на верхней части тулова. Аналогичные хумчи были обнаружены в Кой-крылган-кале (Воробьева 1959: 94–95. рис. 9. *1, 6*) и Калалы-гыр 2 (Болелов 2004: 108. рис. 3/*7. 1*), где они в комплексе датируются IV–II вв. до н. э.

Рис. 8. Большая Кырк-кыз-кала, восточный пригород. Горн 1. Вид сверху.

8-расм. Катта Қирққизқалъа, шарқий ёншаҳар атрофи. 1- хумдон. Юқоридан кўриниш.

Fig. 8. Big Kyrk-kyz-kala, eastern suburb. Pottery kiln 1. View from above.

Хум (рис. 2) (020) найден в помещении 1 рядом с стеной 01. Сделан из глины без видимых примесей. Сформован вручную методом наращивания глиняных полос (не менее 4 глиняных полос), возможно с последующей обработкой на круге или поворотном диске. Дно округлое (выпуклое) со следами песчаной подсыпки, возможно, что свидетельствует об использовании подкладного диска при конструировании донной части сосуда. Хум, возможно, не был вкопан, а стоял на полу помещения 1.

Высота сосуда – 82 см, диаметр венчика – 34 см, максимальный диаметр тулова – 54 см, диаметр дна – около 30 см, венчик массивный, в виде округлого валика. На плечиках имеется горизонтальный рельефный валик. По внешней поверхности, в верхней части тулова, сосуд был декорирован – роспись красной ангобной краской в виде спиралей в три оборота (рис. 5: *4*). Нижняя часть тулова имеет ребристость, на поверхности визуально наблюдаются места соединения глиняных поясов. Аналогичные сосуды находят себе ближайшие аналогии в керамических коллекциях Калалы-гыр 2 (Болелов 2004: 108. рис. 3/*7. 1*) и в керамическом комплексе нижнего строительного горизонта Кой-крылган-калы (Воробьева 1967: 103–104. Табл. I. *1–4*), где они датируются IV–II вв. до н. э.

В комплексе подъемной керамики обращает на себя внимание керамическое изделие, аналогии которому нет в комплексах керамики из других памятников. Изделие было найдено в 20 метрах к северо-западу от раскопа 1. Оно изготовлено от руки из хорошо промешанной глины без видимых примесей. Черепок в изломе красного цвета. Снаружи и изнутри предмет покрыт ангобом красного цвета. Длина изделия 20 см, высота 4,2 см, ширина 6 см (рис. 6: *16*). Форма изделия продолговатая, напоминает форму для алебастровых изделий или литейной формы, однако с уверенностью этого утверждать нельзя, так как не отмечено следов металла и окислов ни на внешней, ни на внутренней поверхности.

Восточный пригород. Раскопки горна № 1. До середины I тыс. до н. э. никаких специальных конструкций, которые могли бы использоваться для обжига керамических сосудов, на территории Южного Приаралья неизвестно. Единственный на территории древнего Хорезма горн для обжига керамических изделий, который можно датировать концом VI – нача-

лом V вв. до н. э., раскопан на поселении Хумбуз-тепе. Это округлый двухъярусный горн с прямой вертикальной тягой. По конструктивным особенностям он близок горнам середины I тыс. до н. э., раскопанным в Маргиане. Появление специальных двухъярусных горнов на территории Южного Приаралья датируется концом VII – началом VI вв. до н. э. (Болелов 2013: 80).

Первые хорезмийские горны были раскопаны и опубликованы М. Г. Воробьевой. В 1957 г. вышла ее статья, в которой суммируются результаты изучения 14 горнов, раскопанных к тому времени. В этой работе подробно рассматривается конструкция хорезмийского обжигательного горна конца I до н. э. (Воробьева 1957: 113–121). Детальное изучение остатков горнов позволило полностью реконструировать древнехорезмийский обжигательный горн. У всех без исключения горнов топочная камера полностью заглублена в грунт. Стенки ее обмазывались достаточно толстым слоем глины с саманом. В некоторых случаях для лучшего сцепления глины с поверхностью на стенках котлована, вырубленного под топочную камеру, делались лунки. Жаропроводящие каналы (распределители тепла) также вырубались в материковом грунте в виде неглубоких канавок, стенки их также обмазывались глиной. Дно жаропроводящих каналов было пологим таким образом, что они, выходя из достаточно широкой и глубокой топочной камеры, значительно сужались при выходе в обжигательную камеру. Некоторые каналы имели коленчатую форму (Болелов 1991: 76). Жаропроводящие каналы перекрывались чаще всего сырцовыми кирпичами. В некоторых случаях отмечены следы ремонта перекрытия распределителей тепла; разрушенные перегоревшие участки ремонтировались стенками хумов, тщательно обмазанными толстым слоем глины с саманом. Все топочные камеры имеют форму цилиндра или усеченного конуса. В подавляющем большинстве случаев топка перекрывалась специально изготовленным керамическим диском, который делался из глины с большим количеством рубленой соломы (Болелов 2005: 98–99).

Последней стадией, которой завершается процесс изготовления керамического изделия, является придание сосуду прочности – обжиг, который в первую очередь дает сосуду прочность и водонепроницаемость и предопределяет его функциональное предназначение. За годы изучения керамики Древнего Хорезма были исследованы ряд обжигательных горнов. Надо отметить работы нескольких исследователей, которые изучали устройства гончарных горнов этого историко-культурного региона (Воробьева 1957: 113–121; Воробьева 1959: 180–210; Мамбетуллаев 1984: 21–38; Болелов 1991: 72–91; Болелов 2005: 93–118). С. Б. Болеловым была проведена классификация специальных обжиговых устройств – керамических горнов античного периода древнего Хорезма (Болелов 2005: 93–118).

В Древнем Хорезме в исследуемый период в ремесленном производстве преобладал горновой обжиг, о чём свидетельствует качество обжига изделий и находка самих обжигательных устройств. В это время в Хорезме использовали двухъярусный горн с прямым ходом горячих газов (Воробьева 1959: 180). Но многочисленные находки фрагментов керамики негорнового обжига говорят, что, несмотря на широкое использование обжигательных горнов, существовали и другие примитивные типы термической обработки керамических изделий.

Реконструировать процесс обжига керамики можно на основании работ исследователей, которые занимались изучением древнего гончарства, в том числе, и технологией обжига керамических сосудов (Сайко 1966: Сайко 1982; Воробьева 1959: 63–220; Пещерева 1959; Бобринский 1978; Бобринский 1999: 85–106; Болелов 1991: 72–90; Болелов 2002: 85–96; Болелов 2005; Цетлин 2012). Экспериментальным опытом было установлено что при температуре 650–700°С происходит каление глины (уже подсохшее, имеющее конечную форму изделие). При такой температуре глина (стенки глиняного сосуда или изделия) начинает светиться (Цетлин 2012: 117). По наблюдениям, сделанным Э. В. Сайко, температура в кострище, где обжигалась керамика, достигала 600–750°С (Сайко 1982: 139). Т. е. температура в кострище достигала температуры каления глины. Исследователями были выделены

четыре основных вида устройств для обжига керамических изделий – кострище, очаг, печи и горны (Бобринский 1991: 94). Кострище и очаг являются самыми простейшими приспособлениями для обжига (Цетлин 2012: 222–223; Волкова 2020: 49–50). Следующим, более сложным устройством являются печи. Горны – это наиболее усовершенствованный вид конструкции для обжига, где можно регулировать температуру обжига.

Как уже отмечалось выше, в окрестностях городища Большая Кырк-Кыз-кала были зафиксированы разные объекты, среди них отмечены и обжигательные горны. К востоку от крепости зафиксировано несколько горнов, возможно, относящиеся к разным периодам времени.

Остатки двух обжигательных горнов зафиксированы к востоку от раскопа № 1 (координаты горна № 1 N42°00’30.1572», E61°09’48.4128»; координаты горна № 2 – N42°00’30.2832», E61°09’48.6972»).

Горн № 1, расположенный в 12 м к юго-востоку от раскопа № 1, был полностью раскопан (рис. 7–8). Это двухъярусный обжигательный горн с центральным или центрально-боковым ходом горячих газов. Округло-овальная в плане (1,3 х 1 м) топочная камера глубиной 1,72 м целиком вырублена в материковом грунте. Уровень пода топки зафиксирован на отметке -812 от реперной точки. Диаметр верхней части топочной камеры – 72–80 см, таким образом, в вертикальном сечении абрис ее близок усеченному конусу, практически топка по форме напоминает «колбу» (рис. 7). Стенки топочной камеры были обмазаны слоем глины с саманом, сохранились следы рук мастера. Заполнение топки представляло собой слой комковатого суглинка с большим количеством фрагментов обожженной до красно-оранжевого цвета глиняной обмазки – фрагменты разрушенного пода обжигательной камеры, и кусков оплавленного до серо-зеленого цвета лесса. В нижней части заполнения слой сильно насыщен золой. Также в заполнении топки найдены немногочисленные фрагменты керамики (рис. 6: *10–14*). О перекрытии топки что-либо определенное сказать трудно. Возможно, это был глиняный диск. Купольное перекрытие менее вероятно, так как сырцовых кирпичей ни в заполнении топочной камеры, ни на поверхности не зафиксировано. В то же время, так как наземная часть горна и верхняя часть топки полностью смыты, исключать этого нельзя. До раскопок на уровне современной дневной поверхности хорошо читались контуры топочной камеры диаметром 1,90 м и 6 жаропроводящих каналов (распределителей тепла) шириной 24 см. Каждый из них заканчивался одним продухом, открывавшимся в обжигательную камеру (рис. 7–8). Распределители тепла начинались в центральной части топки камеры и отходили под углом относительно центральной оси сооружения (рис. 7).

Дно устья топочного канала шириной 54 см зафиксировано на отметке -6,82 от реперной точки на расстоянии 2 м от топочной камеры; нижний уровень при входе в топку на отметке -7,61 от реперной точки. Таким образом, длина его была не менее 2 м, а перепад высот по всей длине канала, который подходил к топке с южной стороны, был немногим менее 80 см. В центральной части топочного канала на отметке -737 от реперной точки зафиксированы две небольших ступеньки (рис. 7). Возможно, они были сделаны для удобства во время зачистки топочной камеры от золы. Предполагаемая высота проёма топочного канала при входе в топочную камеру составляет не менее 80 см, ширина – 44 см. Топочный канал открывался в топочную камеру на уровне нижней трети высоты топки, т. е. почти на 0,5 м выше дна топочной камеры. На основании этого, достаточно характерного конструктивного признака можно констатировать, что, по классификации А. А. Бобринского, горн № 1 на городище Большая Кырк-кыз кала – это топочное устройство центрального или, более вероятно, центрально-бокового действия (Бобринский 1991: 116). Небольшой размер обжигательной камеры, диаметр которой явно не превышал 2 м, дает основание предполагать, что в горне № 1 обжигались небольшие сосуды, возможно, столовая посуда.

Горн № 2 обнаружен в непосредственной близости от горна № 1. В результате визуального обследования объекта приблизительно установлен диаметр обжигательной камеры по верхнему уровню – 2,70 м. На уровне современной дневной поверхности прослеживались следы девяти жаропроводящих каналов (распределителей тепла). Возможно, в этом горне обжигались крупные сосуды – хозяйственные горшки, крупные кувшиновидные сосуды, хумчи и т.д.

Парное расположение горнов, разных размерами и, соответственно, по объему производимой продукции дает основание говорить о дифференцированном и специализированном использовании обжиговых устройств: в больших горнах обжигались преимущественно крупные хозяйственные сосуды, в малых – в основном столовая посуда.

Обсуждение и результаты. В результате работ на восточном пригороде Большой Кырк-кыз-калы в 2023 г. установлено, что к востоку от крепости было большое, прямоугольное в плане поселение, обнесенное стеной, ширина которой была не менее 1,7–2 м. По подъемному материалу, а также на основании анализа археологического комплекса, полученного в результате раскопок в юго-восточной части поселения, начальный этап его существования предварительно можно датировать древнехорезмийским периодом – IV–II вв. до н. э. Обращает на себя внимание наличие внешней стены, окружавшей площадь застройки, как можно предполагать, по всему периметру. Выявлены остатки южного, северного и, частично, восточного участка этой стены.

Точно установлено, что вплотную к южной стене, в пределах раскопанного участка, располагались жилые и хозяйственные помещения. Не исключено, что это были какие-то жилищно-производственные комплексы или отдельные жилые постройки с примыкавшими к ним хозяйственными дворами. Так, во дворе, часть которого открыта в раскопе 2023 г., был навес в виде айвана, под крышей которого был устроен закром для зерновых продуктов. Также в пределах двора обнаружены ямы и развалы целых сосудов (рис. 2). В помещении № 1, часть которого раскопана к востоку от двора, были найдены развалы двух хозяйственных сосудов, хумчи и хума, а также зафиксирован in situ крупный хозяйственный сосуд, вкопанный в материк с уровня пола. Находки развалов керамических сосудов, которые зафиксированы in situ, т.е. были разбиты на месте, дают некоторые основания полагать, что поселение было покинуто быстро, в результате чего были оставлены такие сосуды, как кувшины, которые удобны в транспортировке. В слоях разрушения и намывах были обнаружены невыразительные фрагменты лепной и станковой керамики (рис. 6: *1–4*), которые также можно датировать древнехорезмийским периодом.

Заключение. На основании результатов исследований, проведенных в 2023 году, можно констатировать, что к востоку от крепости Большая Кырк-кыз-кала существовало поселение, обнесенное внешней стеной (на данный момент внутренняя планировка пока остается не полностью ясной). На территории поселения и рядом с ним выявлены следы производственной деятельности (керамическое производство), которые датируются древнехорезмийским периодом – IV–II вв. до н. э. Археологически целые формы сосудов (рис. 5) так же, как и весь комплекс находок (рис. 6), дает нам возможность говорить, что поселение восточного пригорода Большой Кырк-кыз-калы активно обживалось в древнехорезмийский период. На основании анализа подъемного материала, собранного на поверхности поселения, можно полагать, что эта территория обживалась и в первые века н.э. Возможно, этим временем датируются обжигательные горны к северо-востоку от северной угловой башни крепости, которые еще не изучены. Интересным является тот факт, что, судя по находкам развалов сосудов, обнаруженное в раскопе № 1 поселение было оставлено быстро по причине пока неизвестных нам факторов (ответ на этот вопрос, возможно, найдем в последующих исследованиях). Это объясняется находкой во дворе красноангобированного кувшина 016

и фляжки 015, хотя эти сосуды идеально подходили по размерам и формам к транспортировке. Возможно, были весомые условия, которые вынудили жителей быстро покинуть поселение. За многие годы археологического исследования древнего Хорезма поселения древнехорезмийского периода по каким-то непонятным причинам оставались вне научных интересов археологов. Открытие древнехорезмийского поселения и археологические работы на поселении к востоку от Большой Крык-кыз кала является одной из важных задач в археологии и истории региона.

Таблица 1

Большой Кырк-кыз-кала, восточный пригород, раскоп 1. Фауна.

Памятник	Часть	Кость	Вид	Количество
Большая Кырк-кыз-кала	Tibia, distal	большеберцовая кость (дистальный фрагмент)	Capra hircus (коза)	1
Горн	Humerus, proximal	плечевая кость (проксимальный фрагмент)	Bos taurus (корова)	1
Большая Кырк-кыз-кала	Humerus, distal	плечевая кость (дистальный фрагмент)	Bos taurus корова)	1
Большая Кырк-кыз-кала	Femur, distal	бедренная кость (дистальный фрагмент)	Bos taurus (корова)	1
Большая Кырк-кыз-кала	Incisor	резец	Bos taurus (корова)	1
Большая Кырк-кыз-кала	Scapula, incl. glenoid process	лопатка (суставной впадины)	Bos taurus (корова)	1
Большая Кырк-кыз-кала	Fragments	фрагменты	Mammalia, large (Млекопитающие, большой)	~20

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1969. 251 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарные мастерские и гончарные горны Восточной Европы (по материалам II–V вв.) М.: 1991. 210 с.

Бобринский А. А. Структура гончарной технологии и методичные приемы выделения информации // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А. А. Бобринский. Самара, 1999. С. 8–106.

Болелов С. Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении // Новые открытия в Приаралье. Вып. 1 / Отв. ред. М.Г. Воробьева. М., 1991. С. 72–91.

Болелов С. Б. Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н.э. I вв. н.э. // ИМКУ, Вып. 33. Ташкент, 2002. С. 85–95.

Болелов С. Б. Керамика. Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. С. 93–147.

Болелов. С. Б. Гончарство Древнего Хорезма по археологическим данным (вторая половина I тысячелетия до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э.): Дисс… канд. ист. наук. Москва, 2005. 204 с.

Болелов. С. Б. Ремесло древнего Хорезма по археологическим данным. Этапы становления // Российская археология. № 2. М., 2013. С. 77–86.

Болелов С. Б., Ягодин В. В., Балахванцев А. С., Сапаров Н. Ж., Болганова М. С., Тореniязов А., Двуреченская Н. Д. Раскопки на городище Большая Кырк-кыз кала в 2021 году // Археологические исследования в Узбекистане: 2021 год. Вып. 14. Самарканд, 2023. С. 40–47.

Волкова Е. В. Еще раз об обжиге недосушенных глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики». Вып. 2 / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. Москва., 2020. С. 49–50.

Воробьева М. Г. Гончарные печи античного Хорезма // КСИЭ. Вып. 26. Москва., 1957. С. 113–121.

Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. Т. 4 / Отв. ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. М.: Наука, 1959. С. 63–221.

Воробьева М.Г. Керамика. Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. // ТХАЭЭ. Т. 5 / Отв. ред. С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М.: Наука. 1967. С. 102–131.

Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. С.П. Толстов. Ташкент: изд-во АН Уз ССР. 1957. 313 с.

Димо Н. А., Никитин В. В., Ножин Л. Л. Почвенные исследования в бассейне реки Амударьи. М., 1913. 68 с.

Китов Е.П., Болелов С. Б., Балахванцев А. С. Возвращение в Древний Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-кызе // Восток (Oriens). № 6. 2019. С. 52–70.

Мамбетуллаев М. М. Хумбуз-тепе – керамический центр южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2 / Отв. ред. С. К. Камалов, В. Н. Ягодин. Ташкент: ФАН, 1984. С. 21–38.

Неразик Е. Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма / Отв. ред. М.Г. Воробьева. М.: Наука. 1966. 153 с.

Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 396 с.

Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии / Отв. ред. А.И. Августинник. Душанбе, 1966. 209 с.

Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии / Отв. ред. Б. А. Колчин, В.М. Массон. М.: Наука, 1982. 211 с.

Толстов С. П. Древний Хорезм / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с., 88 табл.

Хожаниязов Г. Х. Большая Кырк-Кыз-кала (К вопросу о функции и хронологии) // Вестник ККО АН РУз. № 3. Нукус, 1997. С. 113–116.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М., 2012. 395 с.

REFERENCES:

Andrianov, B. V. 1969. In Merpert, N. Y. (ed.). *Drevnie orositel’nye sistemy Priaral’ya (Ancient irrigation systems of the Aral Sea region)*. Moscow: Nauka Publ., 251. (In Russian).

Bobrinskij, A. A. 1978. In Pletneva, S. A. (ed.). *Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study)*. Moscow: Nauka Publ., 272. (In Russian).

Bobrinskij, A. A. 1991. *Goncharnye masterskie i goncharnye gorny Vostochnoj Evropy (po materialam II–V vv.) (Pottery workshops and pottery forges of Eastern Europe (based on materials of the 2nd-5th centuries)*. Moscow, 210. (In Russian).

Bobrinskij, A. A. 1999. In Bobrinskij, A. A. (ed.). *Struktura goncharnoj tekhnologii i metodichnye priemy vydeleniya informatsii (The structure of pottery technology and methodical techniques for isolating information).* In *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (Current problems in the study of ancient pottery)*. Samara, 8–106. (In Russian).

Bolelov, S. B. 1991. In Vorob’eva, M. G. (ed.). *Keramicheskie obzhigatel’nye pechi Nurumskogo poseleniya v Severnoj Turkmenii (Ceramic kilns of the Nurum settlement in Northern Turkmenistan). In Novye otkrytiya v Priaral’e (New discoveries in the Aral Sea region)*. Issue 1. Moscow, 72–91. (In Russian).

Bolelov, S. B. 2002. *Keramicheskie obzhigatel’nye gorny na territorii yuzhnogo i yugo-vostochnogo Priaral’ya (vtoraya polovina I tys. do n.eh. I vv. n.eh). (Ceramic kilns in the territory of the southern and south-eastern Aral region (second half of the 1st millennium BC, 1st century AD).* In *IMKU (The History of Material Culture of Uzbekistan)*. Issue 33. Tashkent, 2002. 85–95. (In Russian).

Bolelov, S. B. 2004. In Vajnberg, B. I. (ed.). *Keramika. Kalaly-gyr 2. Kul’tovyj tsentr v Drevnem Khorezme IV–II vv. do n.eh. (Ceramics. Kalali-gyr 2. Cult center in Ancient Khorezm 4th–2th centuries)*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 93–147. (In Russian).

Bolelov, S. B. 2005. *Goncharstvo Drevnego KHorezma po arkheologicheskim dannym (vtoraya polovina I tysyacheletiya do n.eh. – pervaya polovina I tysyacheletiya n.eh.) (Pottery of Ancient Khorezm according to archaeological data (second half of the 1st millennium BC – first half of the 1st millennium AD)*: Thesis of the candidate of historical sciences. Moscow, 204. (In Russian).

Bolelov, S. B. 2013. *Remeslo drevnego Khorezma po arkheologicheskim dannym. Ehtapy stanovleniya (Craft of ancient Khorezm according to archaeological data. Stages of formation).* In *Rossijskaya arkheologiya (Russian archeology)*. No 2. Moscow, 77–86. (In Russian).

Bolelov, S. B., Yagodin, V. V., Balakhvantsev ,A. S., Saparov N. Zh., Bolganova M. S., Toreniyazov A. Zh., Dvurechenskaya N. D. *Raskopki na gorodishhe Bol’shaya Kyrk-kyz-kala v 2021 godu (Excavations at the site of Big Kyrk-kyz-kala in 2021).* In *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane: 2021 god (Archaeological researches in Uzbekistan season 2021).* Volume 14. Samarkand, 2023. 40–47.

Volkova, E. V. 2020. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Eshhe raz ob obzhige nedosushennykh glinyanykh sosudov (ehksperimental’noe issledovanie). Once again about firing of under-dried clay vessels (experimental study).* In *Vestnik Istoriya keramiki (Bulletin History of Ceramics)*. Issue 2. Moscow, 49–50. (In Russian).

Vorob’eva, M. G. 1957. *Goncharnye pechi antichnogo Khorezma (Pottery kilns of ancient Khorezm). In KSIEH (Brief reports of the Institute of Ethnography)*. Issue 26. Moscow, 113–121. (In Russian).

Vorob’eva, M. G. 1959. In Tolstov S.P., Vorob’eva M. G. (eds.). *Keramika KHorezma antichnogo perioda (Ceramics of Khorezm of the ancient period).* In *TKHAEHEH (Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Vol. 4. Moscow: Nauka Publ., 63–221. (In Russian).

Vorob’eva, M. G. 1967. In Tolstov, S. P., Vajnberg, B. I. (eds.). *Keramika. Koj-krylgan-kala pamyatnik kul’tury drevnego Khorezma IV v. do n. eh. IV v. n. eh. (Ceramics. Koi-krylgan-kala, a cultural monument of ancient Khorezm of the 4th century. BC – IV century AD).* In *TKHAEHEH (Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Vol. 5. Moscow: Nauka Publ., 102–131. (In Russian).

Gulyamov, Ya. G. In Tolstov, S. P. (ed.). *Istoriya orosheniya Khorezma s drevnejshikh vremyon do nashikh dnej (History of irrigation of Khorezm from ancient times to the present day)*. Tashkent, 1957, 313. (In Russian).

Dimo, N.A., Nikitin V.V., Nozhin L.L. *Pochvennye issledovaniya v bassejne reki Amudar’i (Soil studies in the Amudarya River basin)*. Moscow, 1913, 68. (In Russian).

Kitov, E. P., Bolelov, S. B., Balakhvantsev, A. S. 2019. *Vozvrashhenie v Drevnij KHorezm: issledovaniya sovmestnoj rossijsko-karakalpakskoj ehkspeditsii na Ustyurte i Bol’shom Kyrk-kyze (Return to Ancient Khorezm: research of the joint Russian-Karakalpak expedition to Ustyurt and Big Kyrk-kyz).* In *Vostok (Oriens) (East (Oriens)*. No 6. Moscow, 52–70. (In Russian).

Mambetullaev, M.M. 1984. In Kamalov, S.K., YAgodin V.N. (eds.). *Khumbuz-tepe – keramicheskij tsentr yuzhnogo Khorezma (Khumbuz-tepe is the ceramic center of southern Khorezm).* In *Arkheologiya Priaral’ya (Archeology of the Aral Sea region)*. Issue 2. Tashkent: FAN Publ., 21–38. (In Russian).

Nerazik, E.E. 1966. In Vorob’eva, M.G. (ed.). *Sel’skie poseleniya Afrgidskogo KHorezma (Rural settlements of African Khorezm)*. Moscow: Nauka Publ., 153. (In Russian).

Peshhereva, E. M. 1959. *Goncharnoe proizvodstvo Srednej Azii (Pottery production in Central Asia)*. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 396. (In Russian).

Sajko, Eh. V. 1966. In Avgustinnik, A. I. (ed.). *Istoriya tekhnologii keramicheskogo remesla Srednej Azii (History of ceramic craft technology in Central Asia)*. Dushanbe, 209. (In Russian).

Sajko, Eh. V. 1982. In Kolchin, B.A., Masson V.M. (eds.). *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Srednej Azii v istoricheskom razvitii (Equipment and technology of ceramic production in*

Central Asia in historical development). Moscow: Nauka Publ., 211. (In Russian).
Tolstov, S. P. 1948. In Tihomirov, M. N. (ed.). *Drevnij Khorezm (The Ancient Khorezm)*. Moscow: Moscow State University Publ., 352, 88 tabl. (In Russian).
Khozhaniyazov, G. Kh. 1997. *Bol'shaya Kyrk-Kyz-kala (K voprosu o funktsii i khronologii) (Big Kirk-Kyz-kala (On the issue of function and chronology)*. In *Vestnik KKO AN RUz (Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan).* No 3. Nukus, 113–116. (In Russian).
Tsetlin, Yu. B. 2012. In Munchaev, R. M. (ed.). *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient ceramics. Theory and methods of historical and cultural approach)*. Moscow, 395. (In Russian).

«EASTERN SUBURB» OF THE BIG KYRK-KYZ-KALA CITY

© 2024. Azizkhan Toreniyazov[1], Sergey Bolelov[2], Abdulla Mamedov[1]

[1]Karakalpak Research Institute of Humanititarian Sciences of the Karakalpak branch of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
[2]The State Museum of Oriental Art

Keywords: Ancient Khorezm, Big Kyrk-kyz-kala, settlement, ceramics, pottery production, pottery, kiln.

The article presents the results of archaeological works conducted at an area to the east of Big Kyrk-kyz-kala settlement. Big Kyrk-kyz-kala settlement is located in Ellikkala district of the Republic of Karakalpakstan. The South Aral Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition has carried out investigations in this area over several seasons. During the 2023 field season, excavations were conducted at multiple areas, including the first season of work at the settlement to the east of Big Kyrk-kyz-kala. This excavation was initiated following a visual inspection of the area that revealed the preserved walls of the settlement in the form of small mounds. Excavations at the site, referred to as the ‘Eastern Suburb’, produced significant findings that contribute valuable information to the study of the settlement’s history. The settlement featured a long wall, which likely served as a defensive structure, along with a courtyard and a room. While the walls are poorly preserved, fragments of ceramic vessels from the ancient Khorezmian period (4th–2nd centuries BCE) were uncovered in the courtyard and the room. Surface observations of the site revealed pottery fragments, potsherds, and slag remains. Additionally, a pit excavated near the settlement contained ceramic materials that also date to the ancient Khorezmian period.

ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИКИ БУДДИЗМА НА ПРИМЕРЕ БУС ИЗ ПЛОДОВ ДЕРЕВА БОДХИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ МУНЧАКТЕПА I)

© 2024. Замира Кораева

Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: Некрополь Мунчактепа, город Пап, Наманганская область, бусы Бодхи, погребения.

В статье рассматривается культовое значение дерева Бодхи (Ficus religiosa) и термина «Бодхи» в буддизме, в связи с концепцией просветления и духовного развития, основанной на легенде о принце Сиддхартхе Гаутаме. Изначально четки Бодхи использовались буддистами как молитвенный атрибут для подсчета количества произнесенных молитв во время чтения мантр, аналогично четкам, применяемым в других мировых религиях. Описывается использование дерева Бодхи в буддийских монастырях и его символическое значение в религиозных практиках и сакральных артефактах. Особое внимание уделяется археологическим находкам, подтверждающим культовое значение дерева Бодхи в различных регионах, включая бусины из плодов этого дерева, обнаруженные на некрополе Мунчактепа. Несмотря на отсутствие прямой связи с памятником буддизма, эти находки открывают новые горизонты для понимания роли дерева Бодхи в культурном и духовном контексте региона. Статья акцентирует внимание на материальной культуре и социально-экономической жизни жителей раннесредневековой Ферганской долины, подчеркивая значимость торговых связей и ремесел. Исследование бусин из плодов дерева Бодхи позволяет глубже понять символику и практическое применение этих артефактов в духовной жизни людей, обитающих на пересечении важных торговых путей.

БОДХИ ДАРАХТ МЕВАЛАРИДАН ЯСАЛГАН МУНЧОҚЛАРДА БУДДАВИЛЛИК СИЙМОСИНИ АКС ЭТИШИ (МУНЧОҚТЕПА I НЕКРОПОЛИ МАТЕРИАЛЛАРИ АСОСИДА)

© 2024. Замира Кораева

Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: Мунчоқтепа некрополи, Поп шаҳри, Наманган вилояти, Бодхи мунчоқлар, қабрлар.

Ушбу мақолада буддавийликдаги Бодхи дарахти (Ficus religiosa) ва “Бодхи” атамасининг маданий аҳамияти ўрганилиб, уларни шаҳзода Сиддҳартҳа Гаутама афсонаси асосидаги маърифий ва маънавий тараққиёт тушунчаси билан боғлайди. Бодхи мунчоқлари дастлаб буддавийлар томонидан бошқа дунё динларида ишлатиладиган мунчоқлар каби матнларларни (диний ашулалар) ўқиш пайтида айтилган ибодатлар сонини ҳисоблаш воситаси сифатида ундан фойдаланилган. Буддавийлик монастирларида Бодхи дарахти диний амалларни бажаришда муқаддас рамзий маъно касб этган. Мазкур мақолада турли ҳудудлардан топилган Бодхи дарахтининг диний аҳамиятини тасдиқловчи археологик топилмалар ҳамда Мунчоқтепа некрополида қайд этилган Бодхи дарахти мевасидан ясалган мунчоқлар асосида илк ўрта асрлар Фарғона водийси аҳолисининг маънавий ва моддий маданияти ҳамда ижтимоий-иқтисодий ҳаёти, савдо

алоқалари, ҳунармандчилиги тарихига тўхталиб ўтилган. Умуман воҳанинг Бодхи дарахти меваларидан ясалган мунчоқларни ўрганиш орқали қадимги халқларнинг маънавий ҳаётида унинг рамзий маъноси ва амалий қўлланилишини чуқурроқ англаш имконини беради.

Введение.

В раннем средневековье на месте нынешних памятников Баландтепа и Мунчактепа располагался древний город Пап (Баб). Городской некрополь Мунчактепа находится на окраине рабада городища Баландтепа. На сегодняшний день сохранилось всего около 3-х гектаров внутреннего города и крепость (рис.1) (Анарбаев 2022: 98). Находки, обнаруженные в могильнике Мунчактепа, раскрывают нам интересные факты о материальной культуре, социально-экономической жизни жителей раннесредневековой долины. Изучение найденных украшений имеет большое значение для культурного наследия Ферганской долины, а также для определения роли региона в ремесленной, торговой и политической сферах.

В экономике Средней Азии, в частности Ферганы, важную роль играла торговля, как внешняя, так и внутренняя. В городах накапливалась масса разнообразных товаров, как привозных, так и местного производства. В результате расцвета ремесла и специализации по производимой продукции местных городов и некоторых селений, расширялись местные торговые связи, способствовавшие развитию международной торговли (Анарбаев 2013: 491). Учитывая историческое расположение древней Ферганы на одном из важных участков Шёлкового пути, можно сделать вывод о широком ареале связей в этом регионе (Горбунова 1996: 86).

Материалы исследования. Более тысячи украшений, предметов быта, одежда из шелковой ткани, были найдены в городском некрополе (могильника) Мунчактепа, что даёт нам

Рис. 1. Космический снимок руин раннесредневекового города Пап (добавлены линии разделяющие разные части города).

1-расм. Илк ўрта аср Поп шаҳри харобаларининг сунъий йўлдош тасвири (шаҳарнинг турли қисмлари чизиқлар билан ажратилган).

Fig. 1. Satellite image of the ruins of the early medieval city of Bab (lines dividing different parts of the city have been added).

Рис. 2. Бусы из косточек дерева Бодхи найденные при раскопках некрополя Мунчактепа.

2-расм. Мунчоқтепа некрополидан топилган Бодхи дарахтидан ясалган мунчоқлар.

Fig. 2. Beads from the bones of the Bodhi tree found during the excavations of the Munchaktepa necropolis.

информацию о социально-экономической жизни народов Ферганской долины в раннем средневековье. О роли города Пап (Баб) на Великом шелковом пути свидетельствуют различные предметы, найденные в могильнике Мунчактепа. В частности, бусина из камня чароит, происходящая из Дальнего Востока, подвески из ракушек каури и золочённые бусы, очень редкие для Ферганы, происходившие из стран побережья Индийского океана и Ближнего Востока, шелковая ткань и бусины Бодхи из Китая, были также найдены здесь полосчатые и глазчатые бусы из цветного стекла, относившиеся к народам Северного Причерноморья (Матбабаев 2009: 73). В статье будут рассмотрены использование бус из плодов дерева Бодхи, их особенности и символика, а также способы применения в духовной практике.

Коллекция бус, обнаруженная в некрополе Мунчактепа, представляет собой значимую часть находок и занимает важное место историко-культурном наследии Ферганской долины. Особое внимание следует уделить бусам из семян дерева Бодхи, которые привлекли наше внимание своей уни-

Рис. 3. Бусы из косточек дерева Бодхи, найденные при раскопках некрополя Мунчактепа.

3-расм. Мунчоқтепа некрополидан топилган Бодхи дарахтидан ясалган мунчоқлар.

Fig. 3. Beads from the bones of the Bodhi tree found during the excavations of the Munchaktepa necropolis.

Рис. 4 Фаязтепа. Каменный горельеф, триада, Будда в падмастане с монахами. Рис. 25,1.

4-расм. Фаёзтепа. Тошдан ясалган горелъеф, триада, Будда роҳиблари. Расм, 25,1.

Fig. 4. Fayoztepa. Relief carved from stone, a triad, Buddha with monks. Illustration, 25.1.

кальностью (рис. 2). Бусы представляют собой твёрдый плод с толстыми стенками. Они представляют собой овальные или округлые косточки коричневого цвета, отдельные с блеском на поверхности. На них вырисовываются узоры представляющие неровности, бугорки, впадины или линии, расположенные на поверхности (рис. 3). Узоры создавались естественным образом из-за особенности структуры семян и процесса их формирования. На первый взгляд, они напоминают косточки персика. Существует даже сорт урюка, косточки которого похожи на семена Бодхи, но у урюка скорлупа тоньше и более овально вытянутая. Бусины из семян дерева Бодхи были обнаружены среди других бус с более широкими отверстиями для пронизки.

Дерево Бодхи (Ficus religiosa) – это вид дерева, произрастающего в Индии, которое играет ключевую роль в буддийских традиционных ритуалах и культуре. Оно специально высаживается и культивируется в буддийских монастырях как символ духовного развития. Дерево стало символом просветления благодаря легенде о принце Сиддхарте Гаутаме (Будде), который достиг этого состояния, сидя под деревом Бодхи. Это событие стало важным моментом в истории буддизма и укрепило связь между деревом Бодхи и духовным просветлением (Tian-Long Chai, Jae-Hyun Rho 2020: 578–585, Sprading 2019: 2, 3; Богомолов 2019: 293–294). Поэтому листья, плоды и кора дерева имеют особое значение. Оно часто изображается на предметах и артефактах, связанных с этой религией (Богомолов 2019: 293–294, рис. 25.1), обладая и культурным значением. Его особое значение проявляется в практике буддийских монастырей, где деревья Бодхи почитаются с особым трепетом (Tian-Long Chai, Jae-Hyun Rho 2020: 578–585). Первоначально четки служили буддистам как инструмент для подсчета чисел, произносимых во время чтения мантр; аналогичное использование четок встречается и в других мировых религиях. Хотя для изготовления четок могут использоваться различные материалы, наилучшими считаются те, которые являются символическими, имея отношение к буддизму. Поэтому плоды дерева Бодхи остаются наиболее распространённым выбором, и существует единое мнение о превосходстве косточек Бодхи, поскольку именно под этим деревом Будда достиг просветления (Tanabe 2012: 6).

Буддийский монастырь Фаязтепа расположен в северо-западной части городища Старого Термеза, где в одном из помещений обнаружен каменный горельеф с изображением Будды, сидящим под деревом Бодхи, ветки которого образуют над ним нимб (рис. 4). (Богомолов 2019: 293–294, рис. 25.1; Альбаум 1974: 53–58; Альбаум 1976: 43–45; Козловский 1974: 85–88). Широко известен фрагмент горельефа из белого мраморовидного известняка из Старого Термеза высотой 42 см, шириной 25 см и толщиной 17 см. Композиция разделена на два яруса, каждый из которых передает определённую сцену на буддийские сюжеты. Здесь дерево Бодхи над головой у персонажа с верхнего яруса трактовано в виде изогнутых ветвей с про-

долговатыми листьями. У персонажа с нижнего яруса над головой ветки дерева Бодхи переданы иначе – с листвой сердцевидной формы (рис. 5) (Богомолов 2019: 327–328, рис. 22, 1).

На настенной живописи Варахши в красном зале можно увидеть фрагменты панно, где на красном фоне изображены легко и свободно изогнутые жёлтые ветви большого дерева. На ветвях дерева видны листочки в виде тюльпана неопределённого светло-серого цвета с коричневатым оттенком, а также круглые белые плоды (рис. 6) (Шишкин 1963: 158). Полагаем, что это изображение может представлять ветки дерева Бодхи с цветами и плодами; следует отметить, что само слово Бухара происходит от слова Vihara – буддийский монастырь (Frye 1956: 106–125; Наршахий… 2011: 139, 147, 234). В Ферганской долине находок предметов, связанных с буддийским культом, обнаружено крайне мало (Богомолов 2019: 346). Великий шёлковый путь был не просто торговой трассой, но и направлением культурного обмена. Археологические находки, такие как косточки или семена дерева Бодхи из некрополя Мунчактепа свидетельствуют о культовом и символическом значении этого дерева.

В контексте археологических находок, таких, как плоды или семена Бодхи, обнаруженные в погребениях некрополя Мунчактепа, безусловно, проявляется связь с культом дерева. Вероятно, использование этих плодов в качестве украшений связано с религиозной практикой и верой в священную силу дерева Бодхи, которое ассоциируется с просветлением и духовным развитием. Плоды или же семена Бодхи широко используются в буддийской практике в качестве материала для изготовления чёток, священного ожерелья, способствующего медитации и духовному сосредоточию.

Рис. 5. Старый Термез.
Двухъярусный горельеф из мергелистого известняка. Будда и адоранты.
III в. н.э. (по Богомолову, 2019. Рис. 22.1)

5-расм. Эски Термиз.
Оҳак тошдан ясалган икки қаватли горелъеф. Будда ва адорантлар.
III аср. Расм. 22,1.
(Богомолов буйича, 2019. Рис. 22.1)

Fig. 5. Old Termez.
Two-tiered high relief made of marl limestone.
Buddha and adorants. III century A.D.
(according to Bogomolov, 2019. Fig. 22.1)

Обсуждение. По многочисленным находкам семян и косточек растений в погребальной практике можно предположить, что в Фергане, видимо, существовал культ растений, а в связи с косточками Бодхи – явно присутствие следов буддизма. В раннем средневековье, помимо поклонения огню, жители в повседневной жизни поклонялись также различным силам природы, культам растений и духам предков (Писарчик 1987: 251–260). Бусины из плодов и семян деревьев зафиксированы в основном в женских и детских погребениях, как и большинство найденных украшений на Мунчактепа. Также известно, что в раннем средневековье культ растений сопровождался поклонением различным силам природы и духам предков (Матбабаев 2009: 72–75). В дополнение к вышесказанному, следует отметить, что культ растений и деревьев имел серьезное

Рис. 6. Панно, найденное в завале Красного зала (фрагмент) (Шишкин, 1963. Табл. XII)

6-расм. Қизил залнинг тўлами ичидан топилган панно (Шишкин буйича, 1963. Табл. XII)

Fig. 6. A panel found in the rubble of the Red Hall (парча) (fragment) (Shishkin, 1963. Table. 12)

значение в религиозных и обрядовых практиках многих древних цивилизаций. В различных культурах растения символизировали жизнь, плодородие, воскрешение и преображение (Го Жунжун 2020: 6–8). Исследования показывают, что в древние времена семена и косточки растений использовались в ритуальных обрядах и обрядовой практике.

Изучение археологических находок, таких, как украшения из косточек и семян деревьев, в погребениях женщин и детей, свидетельствует о том, что растения играли важную роль в ритуалах и обрядовой практике различных культур. Эти артефакты могут быть связаны с верованиями в жизненную силу и плодородие, а также с поклонением природным элементам и духам предков (Писарчик 1987: 251–260; Рempель 1987: 79–80).

Таким образом, культ растений и деревьев представлял собой важный аспект духовной жизни древних обществ, отражая их связь с природой, миром природы и символикой окружающей среды. Например, упоминание о семенах Бодхи может указывать на связь с буддизмом и его символикой.

Данный сорт, по нашему мнению, «Глаз Феникса» и «Маленький Глаз Феникса» из плодов «Ziziphus abyssinica и Ziziphus jujuba var». «Spinosa» – соответственно название «Глаз Феникса» – относится к форме, подобной глазу, которая появляется на твёрдой оболочке семени (рис. 4). Ziziphus abyssinica является родным для Индии и не культивируется в Китае. Оба были использованы для украшений в Индии. Ziziphus упоминается много раз в Рамаяне и Махабхарате (Feifei Li, Jiangin Li 2014: 6). Дерево и плоды этого рода имеют большое значение в традиционной культуре Индии. Деревья jujuba – одно из немногих священных деревьев сикхов в Индии (Мифы народов мира 1994: 19; buddist.ru).

В буддизме семена дерева Бодхи используют в качестве чёток, в нашем случае захоронение женщин с косточками Бодхи в качестве украшений, возможно, было связано с верой

в то, что эти бусы помогут покойной достичь благополучной реинкарнации или освобождения от цикла перерождений (сансары) в буддийской традиции. Считается, что чётки из семян Бодхи имеют особую священную силу и могут помочь умершей душе в её духовном путешествии после смерти. Также, семена Бодхи ассоциируются с символикой просветления и духовного развития, и их присутствие в момент смерти и захоронения может рассматриваться как способ обеспечить покой умершей и помочь ей в духовном продвижении. Дерево Бодхи имеет особое значение в Буддизме, и использование косточек бодхи может быть связано с религиозными практиками (Загробная жизнь в буддизме… 2024).

Ферганская долина в период с V по VIII вв. была полиэтичной и многоконфессиональной областью, где различные религии и культурные традиции сосуществовали и взаимодействовали друг с другом. Здесь были выявлены такие буддийские памятники как храмовый комплекс на городище Кува. Внутри помещения храма были обнаружены фрагменты статуй. Одной из крупных находок была разбитая большая статуи Будды. Иконография Кувинской скульптуры резко отличается от скульптуры одновременных памятников буддизма Тохаристана и Семиречья. В Фергане буддизм дожил до VII–VIII вв., возможно, буддийские монастыри были уничтожены в процессе утверждения ислама (Богомолов 2019; 310, 312, 314, 350).

Заключение. Находки косточек Бодхи в погребениях из некрополя Мунчактепа, расположенного в древнем городе Пап Ферганской долины, являются важными артефактами. Они указывают на практику культа дерева Бодхи в регионе и его значение для местного населения. Косточки Бодхи также широко используются в буддийской практике для создания чёток и других предметов, способствующих медитации и духовному развитию. О почитании буддизма в Фергане свидетельствуют остатки буддийского храма в Куве.

В целом узоры на косточках семян Бодхи добавляют ей уникальный и привлекательный внешний вид, делая её не только функциональной частью плода, но и объектом эстетического интереса. Может, это привлекло внимание буддистов и вдохновило их на использование семян для создания чёток для молитв и медитаций. Узоры на семенах дерева Бодхи не только делают их привлекательными для использования в религиозной практике, но и добавляют им дополнительный духовный смысл.

Будущие химико-лабораторные и ДНК-исследования бус, найденных в некрополе Мунчактепа и являющихся семенами дерева Бодхи, могут подтвердить их происхождение и тем самым подкрепить наше мнение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Абу Бакр Мухаммад ибн Джа’фар ан-Наршахий. Тарих-и Бухара. История Бухары / Перевод. Комментарии и примечания Ш. С. Камолиддина. Отв. ред: д.и.н. М. Исхаков. Изд-во: SMIA-SIA. Ташкент, 2011. 600 с.

Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаязтепа // Древняя Бактрия / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1974. С. 53–58.

Альбаум Л. И. Исследования Фаяз-Тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Отв. Ред: В. М. Массон. Л.: Изд-во Ленинградское отделение института археологии АН СССР, 1976. С. 43–45.

Анарбаев А. А. Ахсикет – столица древней Ферганы / Отв. ред. академик А. Аскаров. Ташкент: Tafakkur, 2013. 536 с.

Анарбаев А. А. Farg’onaning qadimgi shaharlari va ularning Markaziy Osiyo tarihida tutgan o‘rni / O’quvqollanma. Mas’ul muh: t.f.d. F. A. Maksudov. Toshkent: Fan, 2022. 199 B.

Богомолов Г. И. Буддизм в истории Узбекистана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том III. Буддизм / Науч. ред. Б. Аманбаева, Ф. Асадов, Ш. Пидаев. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 240–350.

Горбунова Н. Г. Женские украшения Кугайско-Карабулакской культуры Ферганы / Древний и средневековый Кыргызстан /Отв. ред. К. И. Ташбаева. Бишкек: Илим, 1996. С. 77–91.

Го Жунжун, Ян Хайюнь Культ дерева в Китайской национальной культуре // International journal of Humanities and Natural Science, vol. 5–1 (44). P. 6–8.

Козловский В.А. К изучению древних памятников материальной культуры Сурхандарьинской области // Древняя Бактрия. Л., Наука, 1974. С. 85–88.

Матбабаев Б. Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья (по материалам погребальных городских памятников) / Отв. ред: академик АН РУз А. А. Аскаров. Тошкент: Tafakkur, 2009. 123 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия Том 1 А-К. Глав. ред: С. А. Токарев. М.: Изд-во: Советская энциклопедия, 1994. 672 с.

Писарчик А. К. О пережитках культа ивы у таджиков // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987. С. 251–260.

Ремпель Л. И. Цепь времен / Науч. ред: Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1987. 192 с.

Шишкин В. А. Варахша / Отв. Ред: член-корр. Академии наук УзССР Я. Г. Гулямов. М.: Академии наук СССР, 1963. 250 с.

Ricgard N. Frye Notes on the History of Transoxiana / Harvard Journal of Asiatic Studies Vol. 19 № ½ (Jun., 1956). Published by: Harvard-Yevching Institute. P. 106–125.

Tian-Long Chai, Jae-Hyun Rho Cultural Symbolism and Acculturation of Temple Plants in China: Focused on ‘Bodhi Tree’// Journal of People, plants and environment Vol. 23 (5). Korea, 2020. P. 577–587.

Feifei Li, Jianqin Li, Bo Liu, Bo Liu Seeds used for Bodhi beads in China / Journal of Ethnobioloy and Ethnomedicine. 2014. P. 1-8. doi:10.1186/1746-4269-10-15.

George J. Tanabe, Jr Telling Beads: The Forms and Functions of the Buddhist Rosary in Japan. Japan, 2012. P. 20. https://www.semanticscholar.org

Frye Ricgard N. Notes on the History of Transoxiana / Harvard Journal of Asiatic Studies Vol. 19 № ½ (Jun., 1956). Published by: Harvard-Yevching Institute. P. 106–125.

Sprading Amanda J. Leaves of the Bodhi Tree from East to West: The Symbol of the Sacred Fig Tree in Ancient India, southeast Asia and contemprory context / Northen Illinois University Huskie Commons. Graduate Research Theses and Dissertations. P. 91. Ill.

Tian-Long Chai, Jae-Hyun Rho Cultural Symbolism and Acculturation of Temple Plants in China: Focused on ‘Bodhi Tree’// Journal of People, plants and environment Vol. 23 (5). Korea, 2020. P. 577–587.

Загробная жизнь в буддизме – вера, реинкарнация и путь к освобождению. 2024. URL:https: arcaneray.com/zagrobnaya-zhizn-v-buddizme-vera-reinkarnacziya-i-put-k-osvobozhdeniyu

REFERENCES:

Al’baum, L. I. 1974. *Raskopki buddiyskogo kompleksa Fayaztepa (Excavations of the Fayaztepa Buddhist complex).* In *Drevnyaya Baktriya.* Leningrad: Nauka Publ., 53–58. (In Russian).

Al’baum, L. I. 1976. *Issledovaniya Fayaz-Tepe v 1973 g. (Fayaz-Tepe research in 1973 year).* In *Baktriyskie drevnosti.* Leningrad: Leningradskoye otdeleniye instituta arheologii AN SSSR. Publ., 43–45. (In Russian).

Anarbaev, A. A. 2013. *Axsiket – stolitsa drevney Fergani (Axsiket – is the capital of ancient Fergana).* Tashkent: Tafakkur Publ., 536. (In Russian).

Anarbaev, A. A. 2022. *Farg’onaning qadimgi shaharlari va ularning Markaziy Osiyo tarihida tutgan o‘rni (The ancient cities of Fergana and their place in the history of Central Asia).*Tashkent: Fan Publ., 199. (In Russian).

Bogomolov, G. I. 2019. *Buddhism v istorii Uzbekistana (Buddhism in history of Uzbekistan).* Buddhism. Vol. III. Samarkand: IICAS Publ., 240–350. (In Russian).

Gorbunova, N. G. *Jenskiye ukrasheniya Kugaysko-Karabulakskoy kul’turi Fergani (Women’s jewelry of the Kugai-Karabulak culture of Fergana).* Bishkek: Ilim Publ., 77–91. (In Russian).

Kozlovskiy, V. K. 1974. *K izucheniy drevnih pamyatnikov material’noy kul’turi Surhandar’inskoy oblasti (To study the ancient monuments of material culture of the Surkhandarya region).* In *Drevnyaya Baktriya.* Leningrad, Nauka Publ., 85–88. (In Russian).

Matbabaev, B. Kh. 2009. *K istorii kul’turi Fergani v epohu rannego srednevekov’ya (po materialam pogrebal’nix gorodskih pamyatnikov) (On the Cultural History of Ferghana in the Early Middle Ages (based on the materials of funerary city monuments).* Tashkent: Tafakkur Publ., 123. (In Russian).

Mifi narodov mira (Myths of the peoples of the world). Encyclopedia Vol. 1. A-K. M.: Sovetskaya encyclopediya Publ., 672. (In Russian).

Pisarchik, A. K. 1987. *O perejitkah kul’ta ivi u tadjikov (About the remnants of the willow cult among the Tajiks).* In *Proshloye Sredney Azii.* Dushanbe: Donish Publ., 251–260. (In Russian).

Gou, Rongrong, Yang, Haiyun. 2020. *Kul’t derev’ev v Kitayskoy natsional’noy kul’ture (Trees worship in Chinese national culture).* International journal of Humanities and Natural Science, vol. 5–1 (44). Publ., 6–9. (In Russian).

Rempel’, L. I. 1987. *Tsep’ vremyen (The Chain of Times).* Tashkent: Literaturi I iskusstva imeni Gafura Gulyama. Publ., 192. (In Russian).

Shishkin, V. A. 1963. *Varahsha (Varahsha).* M.: Akademiya Nauk SSSR Publ., 250 (In Russian).

Abu Bakr Muhammad ibn Djafar an-Narshahiy. 2011. *Tarih-I Bukhara (Histori of Bukhara). Istoriya Buhari.* Tashkent: SMIA-SIA Publ., 600 (In Russian).

Amanda, J. Sprading. Leaves of the Bodhi Tree from East to West: The Symbol of the Sacred Fig Tree in *Ancient India, southeast Asia and contemprory context* / Northen Illinois University Huskie Commons. Graduate Research Theses and Dissertations. P. 91. Ill.

Ricgard, N. Frye. *Notes on the History of Transoxiana* / Harvard Journal of Asiatic Studies Vol. 19 № ½ (Jun., 1956). Published by: Harvard-Yevching Institute. P. 106–125.

Tian-Long Chai, Jae-Hyun Rho *Cultural Symbolism and Acculturation of Temple Plants in China: Focused on ‘Bodhi Tree’*// Journal of People, plants and environment Vol. 23 (5). Korea, 2020. P. 577–587.

Feifei, Li, Jianqin, Li, Bo, Liu, Bo, Liu. *Seeds used for Bodhi beads in China* / Journal of Ethnobioloy and Ethnomedicine. 2014. P. 1-8. doi:10.1186/1746-4269-10-15.

George J. Tanabe, Jr Telling Beads: The Forms and Functions of the Buddhist Rosary in Japan. Japan, 2012. P. 20. https://www.semanticscholar.org

Zagrobnaya zhizn’ v buddizme – vera, reinkarnatsiya i put’ k osvobozhdeniyu. 2024. URL:https: arcaneray.com/zagrobnaya-zhizn-v-buddizme-vera-reinkarnacziya-i-put-k-osvobozhdeniyu

REFLECTION OF BUDDHISM THROUGH THE EXAMPLE OF BEADS MADE FROM THE FRUITS OF THE BODHI TREE (BASED ON MATERIALS FROM THE NECROPOLIS OF MUNCHAKTEPA I)

© 2024. Zamira Koraeva

Samarkand Institute of Archeology named after Y. Gulyamov

Key words: Munchaktepa, Pap, Syrdarya river, Namangan region, burial grounds, jewelry, beads, beads of trees, burials.

The article examines the cultural significance of the Bodhi tree (Ficus religiosa) and the term «Bodhi» in Buddhism, linking them with the concept of enlightenment and spiritual development based on the legend of Prince Siddhartha Gautama. Initially, the Bodhi rosary was used by Buddhists as a prayer tool to count the number of prayers instrument during the recitation of mantras, similar to the rosary used in other world religions. Describes the use of the Bodhi tree in Buddhist monasteries and its symbolic significance in religious practices and sacred artifacts. Special attention is paid to archaeological finds confirming the cults significance of the Bodhi tree in various regions, including beads from the fruits of this tree detected in the Munchaktepa necropolis. Despite the lack of direct connection with Buddhism, these findings open up new horizons for understanding the role of the Bodhi tree in the cultural and spiritual context of the region. The article accentuates on the material culture and socio-economic life of the inhabitants of the early medieval Ferghana Valley, emphasizing the significance of trade relations and crafts. The research of beads from the fruits of the Bodhi tree allows a deeper understanding of the symbolism and practical application of these artifacts in the spiritual life of people inhabitant at the intersection of important trade routes.

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА РАСТИТЕЛЬНЫХ СЕМЯН, НАЙДЕННЫХ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИАРАЛЬЯ

© 2024. Исламбек Ходжалепесов

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук

Ключевые слова: Приаралье, спектральный анализ, растительные семена, ионы тяжелых металлов, археоботанические материалы, артефакты.

В настоящее время привлекаются современные инструментальные методы элементного анализа, а также внедрение в археологические исследования портативных рентгеновских спектрометров. Наиболее важным показателем для исследования земледелия, конечно же, является насыщенность слоя остатками культурных растений. Особый интерес представляет распределение образцов по количественным классам, характеризующим концентрацию в них остатков культурных растений. Одним из лучших приборов для археологического анализа различных материалов, объектов и веществ является спектральный анализ артефактов. Согласно плотности содержания обнаруженных элементов по спектрограмме, выявлен максимальный пик динамики такого элемента – Ag (от 20 до 40 и более). Предполагается, что ионы серебра защищают растения от грибковых, вирусных и микробных заболеваний. Анализ исследованных растений по определению содержания тяжелых металлов из двух различных местностей показывает, что, несмотря на аридность региона, такие элементы, как Ca, Cl, P содержатся во всех случаях. Таким образом, исследованные археоботанические материалы позволяют прийти к заключению, что в период средневековья перемены коснулись как структуры урожая, так и зернового потребления в городах и населенных пунктах средневекового Хорезма.

ОРОЛБЎЙИ ҲУДУДИДАГИ АРХЕОЛОГИК ҚАЗИШМАЛАРДА ТОПИЛГАН ЎСИМЛИК УРУҒЛАРИНИ СПЕКТРАЛ ТАҲЛИЛИ НАТИЖАЛАРИ

© 2024. Исламбек Ходжалепесов

Қорақалпоқ гуманитар фанлар илмий-тадқиқот институти

Калит сўзлар: Оролбўйи, спектрал таҳлил, ўсимлик уруғлари, оғир металл ионлари, археоботаник материаллар, артефактлар.

Ҳозирги вақтда элементларни таҳлил қилишнинг замонавий инструментал усуллари, шунингдек, археологик тадқиқотларга портатив рентген спектрометрларини жорий этиш жалб этилмоқда. Деҳқончиликни ўрганиш учун энг муҳим кўрсаткич, албатта, маданий ўсимликларнинг қолдиқлари билан қатламнинг тўйинганлигидир. Намуналарни маданий ўсимликлар қолдиқларининг концентрациясини тавсифловчи миқдорий синфлар бўйича тақсимлаш алоҳида қизиқиш уйғотади. Турли материаллар, объектлар ва моддаларни археологик таҳлил қилишда спектрал таҳлилдан кенг фойдаланиш муҳим илмий аҳамиятга эга. Спектрограмма бўйича аниқланган элементлар таркибининг зичлигига кўра, бундай АГ элементи динамикасининг максимал

чўққиси (20 дан 40 гача ва ундан ортиқ) аниқланди. Кумуш ионлари ўсимликларни қўзиқорин, вирусли ва микробиал касалликлардан ҳимоя қилади деб тахмин қилинади. Икки хил жойдан оғир металларнинг таркибини аниқлаш учун ўрганилган ўсимликларнинг таҳлили шуни кўрсатадики, минтақанинг аридлигига қарамай, Ca, Cl, P каби элементлар барча ҳолатларда мавжуд. Шундай қилиб, ўрганилган археоботаник материаллар ўрта асрларда ўзгаришлар ўрта асрлар Хоразм шаҳарлари ва аҳоли пунктларида ҳосилнинг тузилишига ҳам, дон истеъмолига ҳам таъсир кўрсатди деган хулосага келишимизга имкон беради.

Одной из ведущих тенденций в развитии археологии на современном этапе является стремление получить принципиально новую информацию с использованием методов естественных наук. Интеграция таких методов и традиционных приемов археологического исследования позволяет выйти на более высокий качественный уровень исторического познания: дает возможность выяснить вопросы взаимодействия древнего общества и окружающей среды, реконструировать производственные технологии древних мастеров.

Возрастающий интерес к этой теме не требует особых разъяснений, так как понятно, что без изучения сельских поселений, концентрировавших значительную часть жителей страны, без представления об облике селений и жилищ, без понимания взаимоотношений города и сельской округи, роли сельского ремесла и т.п. нельзя разобраться в сути самого общества, его строе и истории. Применение естественнонаучных методов необходимо прежде всего при изучении древнего хозяйства и экономики, палеоэкологии и систем жизнеобеспечения традиционных обществ. Исследование о хозяйственно-культурных типах дает возможность сравнивать характерные для ранних этапов их исторического развития со сходными с ними хозяйственно-культурными типами, не только связанными с другой территорией, но и хронологически значительно удаленными от первых и исследуемыми археологически.

Земледелие на территории Южного Приаралья в средневековый период имело большое значение для развития экономики. Процесс земледелия, появление новых его форм являются свидетельством уровня развития производительных сил средневекового общества. Развитие земледелия служило важным элементом хозяйственной деятельности населения в эпоху средневековья и играло важную роль в процессе жизнедеятельности людей. Изучение развития земледелия дает возможность более детально представить общую ситуацию и условия развития средневекового хозяйства на территории Южного Приаралья.

Южное Приаралье (территория к югу от бывшего южного и юго-восточного побережья Аральского моря) является частью значительной области на севере Средней Азии, которая простирается от восточного побережья Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке; от зоны Приуральских степей на севере до южных окраин пустынь Каракумы и Кызылкумы на юге (Вайнберг 1999).

На территории Южного Приаралья особое место занимают низовья великих среднеазиатских рек Амударьи и Сырдарьи, которые берут свое начало в высокогорных районах Памира и обладают широкими дельтами перед впадением в Аральское море. История функционирования древних гидрографических систем этих двух рек неразрывно связана с историей освоения людьми региона Приаралья, которая насчитывает более семи тысячелетий. В условиях аридного климата жизнедеятельность населения полностью зависела от режима обводнения этих областей.

Территория Хорезма (область в низовьях Амударьи) является одной из древнейших историко-культурных областей Средней Азии. Она упоминается уже в Авесте, наряду с другими областями, «...где рек судоходных широкие потоки стремят свое теченье...» (Авеста 1993). Однако развитие культуры земледелия в этой области в силу особенностей географического

положения и природных условий несколько отличалось от поступательно развивавшихся древнеземледельческих культур южных областей Средней Азии.

Сущность успехов среднеазиатской археологии и переживаемого ею расцвета заложена значительно раньше, еще в середине 30-х годов XX века, когда были организованы Термезская, Ферганская, Хорезмская и др. экспедиции, перед которыми стояли задачи расширения и приобретения свежих источников для воссоздания истории народов Средней Азии, для решения сложных проблем истории социального строя народов Востока и, в частности, общественного строя народов домусульманской Средней Азии, в том числе Древнего Хорезма. Тогда и позднее в исследованиях в Средней Азии принимали участие, а иногда и возглавляли научные археологические экспедиции такие ведущие ученые, как А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, Я. Г. Гулямов, Г. Ф. Дебец, М. М. Дьяконов, Б. А. Куфтин, М. Е. Массон, А. П. Окладников, А. И. Тереножкин, В. А. Шишкин, А. Ю. Якубовский и др.

Научный интерес к истории средневековых городов на территории Средней Азии появился во второй половине XIX в. после публикаций П. И. Лерха (Лерх 1870) и В.В. Бартольда (Бартольд 1879) о результатах исследовательских поездок в Туркестанский край и Среднюю Азию. Важный вклад в изучение рассматриваемого вопроса внесли С. П. Толстов, В. М. Массон, Е. Е. Неразик, Г. А. Пугаченкова, Т. А. Жданко, А. В. Гудкова, Я. Г. Гулямов, М. А. Итина, Л. М. Левина, М. Мамбетуллаев, Ю. П. Манылов, Г. Ходжаниязов, Т. К. Ходжайов, В. Н. Ягодин и многие другие. В опубликованных работах рассматриваются актуальные проблемы и исторические закономерности возникновения и развития городской культуры средневекового Хорезма, динамика и этапы развития земледельческой культуры в регионе, хозяйственные занятия населения. Говоря об истории исследования земледелия в Южном Приаралье, следует также отметить практически полное отсутствие специальных работ в этом направлении.

Средняя Азия, в том числе Древний Хорезм, были областью развитого сельского хозяйства. В результате многолетних плодотворных работ участников экспедиции было доказано, что Средняя Азия являлась высокоразвитым земледельческим краем. Древний Хорезм отличался многообразием возделывавшихся сельскохозяйственных культур. Как показывают археологические находки, здесь в средние века засевали различные зерновые, были развиты садоводство и огородничество, сеяли хлопок, кунжут и другие технические культуры (Беленицкий и др. 1973; Толстов 1952). Ряд ученых отмечает, что важное значение в развитии земледелия имела урожайность возделываемых культур. Определенные представления об урожайности земледельческих культур можно получить, используя свидетельства арабских географов и этнографических источников Средней Азии XIX в. (Махмудов 1966; Народы Средней Азии… 1962).

Имеются научные исследования, посвященные изучению раннего и средневекового земледелия на территории Древнего Хорезма, обобщению данных письменных источников и археологии о земледелии, а также очерк развития сельского хозяйства средневекового Хорезма V–XIV вв. (Андрианов 1969). Во многих работах был проведен тщательный анализ, где раскрыты факторы и динамика совершенствования орудий сельского хозяйства и ирригационной системы в период средневековья (Гуломов 1959; Большаков 1973; Эшчанов 2011).

По данным ученых, важнейшим условием формирования и функционирования средневекового города было обеспечение его продуктами питания, прежде всего хлебом. Основой производства продуктов питания выступало земледелие, включавшее в себя растениеводство, овощеводство, виноградарство и плодоводство (Махмудов 1966; Народы Средней Азии… 1962). Система методов возделывания сельскохозяйственных культур составляет основу технологии земледелия. Под ней понимается комплекс операций и способов дея-

тельности по организации земельной территории, обработке почвы и семян, посеву и уборке культур, борьбе с сорняками, складированию, переработке и хранению урожая (Лерх 1870; Бартольд 1879).

Начало изучения истории мукомольного и маслобойного производства Древнего Хорезма следует отнести к концу XIX века. Одним из первых из числа русских востоковедов обратил внимание на этот вопрос В. В. Бартольд. Уже в своём капитальном произведении «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» В. В. Бартольд, рассматривая ирригационное дело, представляет подробное описание мельниц на речках, каналах и арыках (Бартольд 1900).

В книге «Древний Хорезм» С. П. Толстовым были собраны и систематизированы материалы, послужившие основой для тезиса о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время. Следует сказать, что, помимо указанных, в книге затронут огромный круг вопросов по истории Хорезма и Средней Азии в целом (Толстов 1938, 1948, 1948а, 1962).

В своей работе М. Г. Воробъева сообщала, что уже в IV–VI вв. происходит первое резкое сокращение сети каналов; протяженность их уменьшается; отмирают многие боковые русла, да и сами каналы преобразуются. Издревле искусственное орошение Хорезма было связано с паводками – четырьмя естественными подъемами воды в Аму-Дарье. Избыток паводковых вод выводился каналами на поля (Воробьева 1958). Как указывала автор, ширина каналов вызывала большое испарение воды, ответвления были, как правило, только по одной стороне магистрали, и во время паводка воды не успевали пройти на поля и уходили в сброс, в русла протоков. В III–IV вв. одновременно с сокращением ирригации возникает новый, более совершенный ее тип. Глубина каналов вызывает предположение о существовании уже тогда примитивных подъемных сооружений – «журавлей»-шадуфов и – позже – чигирей (Воробьева 1958).

В VI–VII вв. процессы развития земледелия в Хорезме не претерпевают особых изменений. Сокращение обрабатываемых земель и появление новой, требующей относительно меньшей затраты рабочей силы ирригационной техники, по мнению С. П. Толстова, связаны с окончательным «разрушением трех условий древней ирригационной культуры – общины, рабства, централизованной деспотии» (Толстов 1949).

По данным К. М. Байпакова, фундамент земледелия населения Южного Казахстана и Приаралья в эпоху Средневековья составляло возделывание проса, пшеницы и ячменя, перерабатываемых впоследствии на крупу и муку. Имеющиеся материалы позволяют предполагать существование приоритетов в возделывании злаковых культур на отдельных территориях (Байпаков 2013). Как отмечают специалисты, наличие небольшого количества зерновок риса в бассейне Арыси дает основание предполагать незначительные масштабы возделывания этой культуры в регионе, что объясняется, видимо, высокой трудоемкостью выращивания риса и спецификой используемых при этом агротехнических приемов (Байпаков 2013; Народы Средней Азии… 1962).

Учеными отмечено, что к настоящему времени это единственная культура, выращивание которой подтверждено археологическими материалами V–VIII вв. Определенную долю возделываемых земель занимали пищевые бобовые растения – чечевица, маш, горох, фасоль. Обращают на себя внимание неоднократные находки косточек столового и винного винограда, свидетельствующие о существовании устойчивой культуры виноградарства. Из других культур зафиксировано возделывание бахчевых и плодовых деревьев (Гольева 2001).

В последние годы новейшей тенденцией в развитии современной археологии является привлечение к изучению археологических находок широкого спектра методов аналитической химии (The Oxford handbook…2016). Очень часто привлекаются современные инстру-

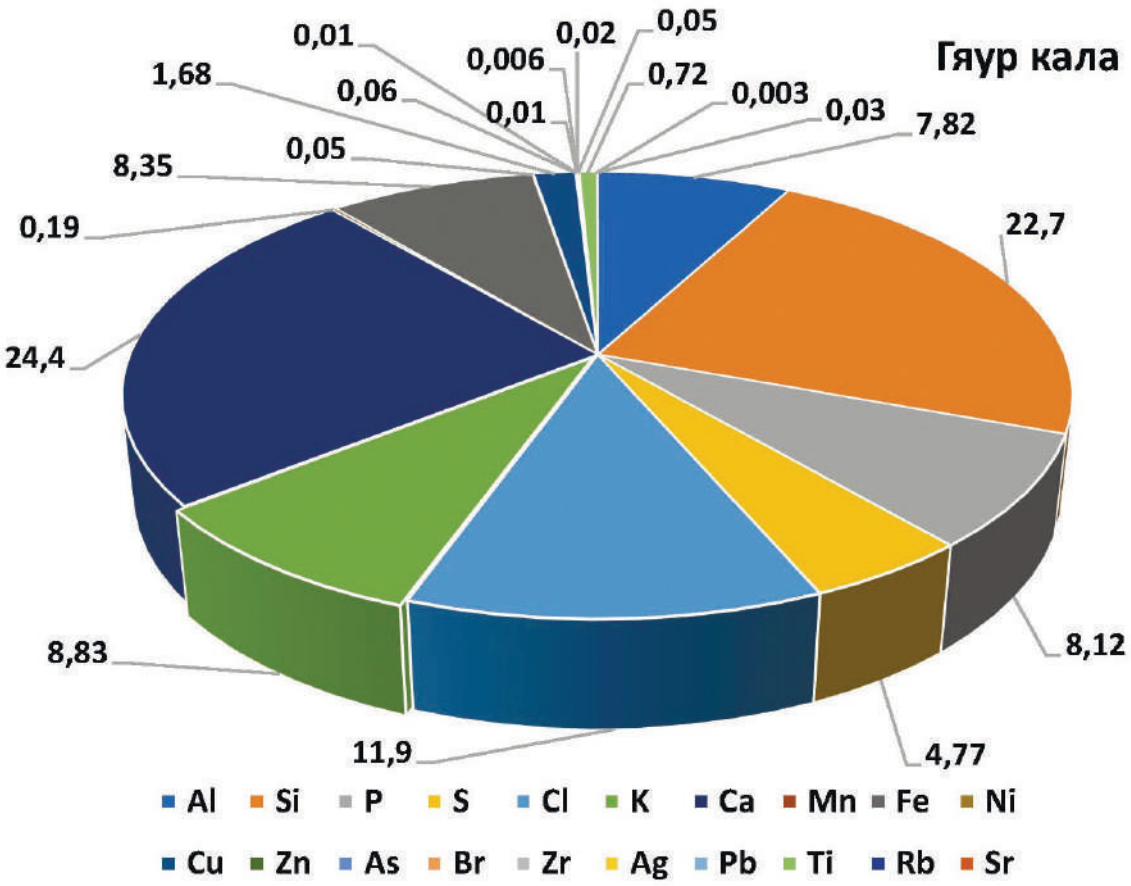

Рис. 1. Распределение элементного состава семян, найденных на территории Гяур-Кала (Ходжелийская) Р-1, пласт III, кв-А-16, помещение 4, из хума (в %).

1-расм. Гаур-қалъа (Хожайли) Р-1, III қатлам, кв-А-16, 4-хона, хум ичидан топилган уруғларнинг элементар таркибини таҳлил қилиш (% да).

Fig. 1. Distribution of the elemental composition of seeds found on the territory of Giaur-Kala (Khojeli) R-1, layer III, kv-A-16, room 4, from hum (in %).

ментальные методы элементного анализа, а также внедрение в археологические исследования портативных рентгеновских спектрометров (Holmqvist 2016).

Наиболее важным показателем для исследования земледелия, конечно же, является насыщенность слоя остатками культурных растений. Особый интерес представляет распределение образцов по количественным классам, характеризующим концентрацию в них остатков культурных растений (рис. 1).

Как известно, самой популярной зерновой культурой все это время оставалось просо обыкновенное *Panicum miliaceum* (65,4 %). Ведущая роль проса – это самая примечательная особенность, характеризующая земледельческое хозяйство на территории средневекового Хорезма.

Согласно Заключению специалистов Ботанического сада Каракалпакского научно-исследовательского института естественных наук, при осмотре семян, обнаруженных при раскопках, установлено, что:

1. КП-1 (инв-896) – семена персика, относящиеся к роду Персик (*Persica Nill* из семейства Розоцветных – Rosacea);

2. Гяур-Кала (Ходжелийская) Р-1, пласт III, кв-А-16, помещение 4 из Хума (Бодрова) КП-1, инв. – 895 – семена арбуза обыкновенного относится к роду арбуз (*Citrullus Forsk* из семейства Cucurbitaceae);

Analyzed result

Page 3/3

Sample Information

Sample name	gaur-qala1
File name	gaur-qala1
Application	gumus-1
Date	2-3-2023 10:31
Analyzed by	gaur-qala1
Counts	1
Comment	gumus-1

Spectrum

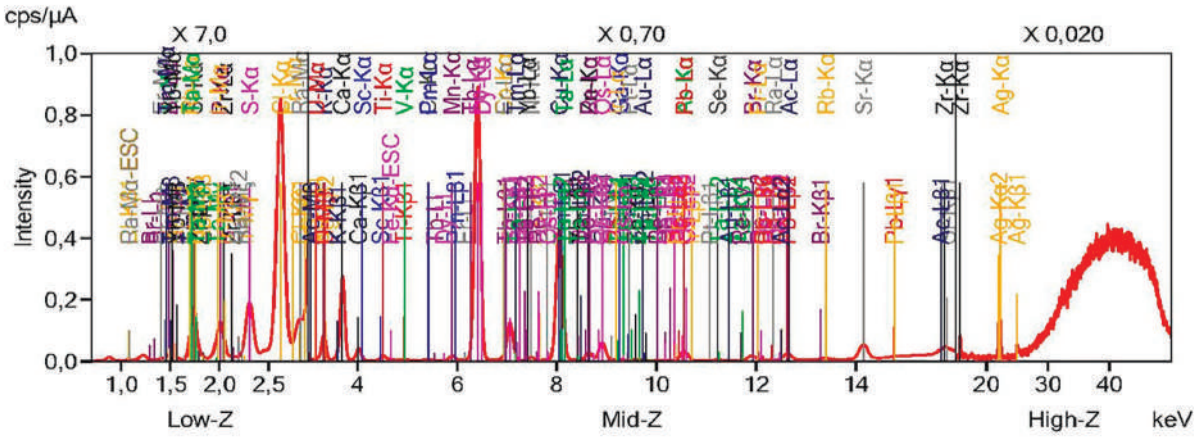

Рис. 2. Спектрограмма содержания химических элементов в составе семян, найденных на территории Гяур-Кала (2022–2023 гг.).

2-расм. Гяур-қалъа ҳудудида топилган уруғлар таркибидаги кимёвий элементларнинг спектрограммаси (2022–2023).

Fig. 2. Spectrogram of the content of chemical elements in the composition of seeds found on the territory of Gyaur-Kala (2022–2023).

3. ШАЭО – 80. Топраккала (Шаватская) Р-2, ПА-4, кв.-528. Семена предположительно относятся к зерновым культурам (пшеницы, ячменя или риса) из семейства злаковых – Poaceae.

Спектральный анализ в современных исследованиях – это основной способ оценки химического состава различных веществ. У каждого минерала или другой горной породы есть свой состав, который необходимо знать для грамотной организации дальнейших технологических процессов. Основу метода составляет принцип анализа спектров, которые образуются при испускании, поглощении, отражении света или люминесценции. Для работы используется специальное оборудование. При производстве спектрометров внедряются новые технологии, которые обеспечивают высокий уровень точности, а также отличаются производительностью, возможностью автоматизации процесса анализа (Ковальский и др. 1964; Дударева и др. 2013).

Аморфные (не имеющие кристаллической структуры) органические остатки, независимо от их возраста и среды захоронения, представляют собой сложные смеси, содержащие многочисленные молекулярные компоненты, сильно отличающиеся по летучести, полярности и молекулярным весам, преобразованные деятельностью человека и измененные вследствие природного разложения (Regert 2011). Идентификация таких веществ является актуальной

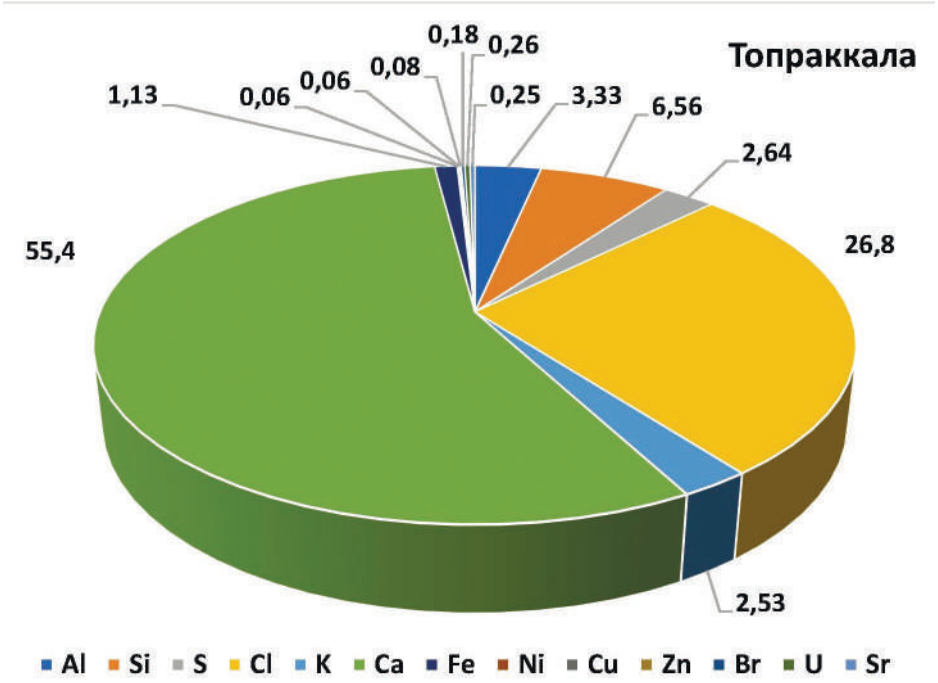

Рис. 3. Распределение элементного состава семян, найденных на территории Топрак-кала (в %).

3-расм. Тупрок-қалъа ҳудудидан топилган уруғларнинг элементар таркибини тақсимлаш (%да)

Fig.3. Distribution of the elemental composition of seeds found on the territory of Toprakala (in %).

аналитической задачей и требует применения усовершенствованных методик анализа многокомпонентных органических смесей.

Одним из главных методов, используемых с этой целью в археологии, является газовая хроматография с масс-спектрометрией (ГХ/МС, GC-MS). Она позволяет проводить разделение, идентификацию и количественные определения компонентов сложных смесей. В упрощенном виде соединения, присутствующие в смеси, разделяются посредством газовой хроматографии, а индивидуальные пики затем идентифицируются по масс-спектрам их фрагментам. Самым известным из лучших приборов для археологического анализа различных материалов, объектов и веществ является спектральный анализ артефактов.

Макро- и микроэлементный состав зерен определяли на рентгено-флуоресцентном анализаторе Rigaku NEX DE, основанном на анализе состава характеристического спектра вторичного флуоресцентного излучения, адекватно отражающего элементный состав анализируемого образца. Выделенные из артефактов пробы измельчали в стандартной лабораторной ступке до порошка, прессованием которого получается таблетка с шероховатостью поверхности порядка 50 мкм. Использованное оборудование рассчитано на корректное обнаружение химических элементов от натрия до урана.

Диапазон получения масс-спектров составил 35–400 Da. Температура интерфейса масс-спектрометра составила 200 °C, а температура источника ионов – 180 °C. Общее время анализа – 72,5 мин. Начальная температура инжектора составляла 200°C. Программа GC состояла из равномерного увеличения температуры с 30 °C до 300 °C со скоростью 4°C/мин, за которым следовал изотермический период при температуре 300 °C в течение 10 мин.

При анализе была получена хроматограмма с большим числом пиков (рис. 1). Идентификация пиков проведена с использованием встроенной библиотеки масс-спектров и литературных источников, а также путем сопоставления с образцами сравнения и собственной интерпретации масс-спектров.

Analyzed result

Page 3/3

Sample Information

Sample name	topiraqqala
File name	topiraqqala
Application	gumus-1
Date	2-3-2023 10:44
Analyzed by	topiraqqala
Counts	1
Comment	gumus-1

Spectrum

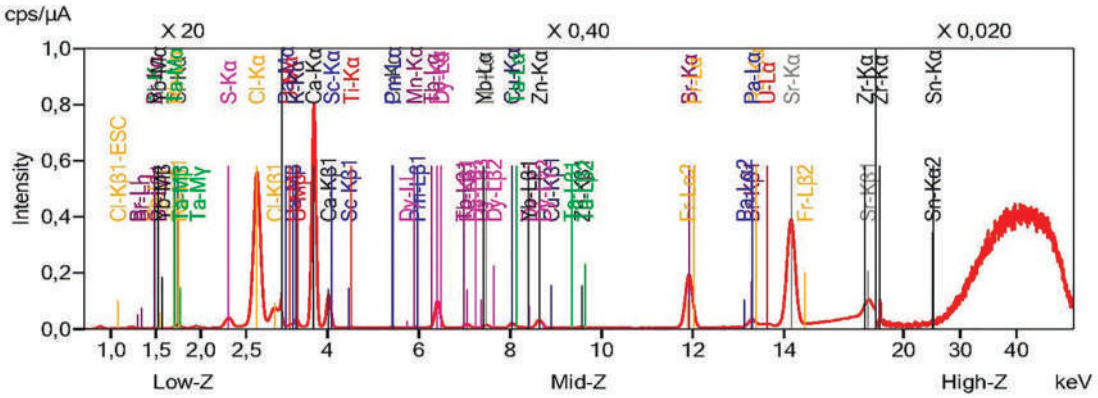

Рис. 4. Спектрограмма содержания химических элементов в составе семян, найденных на территории Топрак-кала (2022–2023 гг.).

4-расм. Уруғлар таркибидаги кимёвий элементлар таркибининг спектрограммаси, Тупрок-қалъа ҳудудида топилган (2022–2023).

Fig. 4. Spectrogram of the content of chemical elements in the composition of seeds, found on the territory of Toprak-kala (2022–2023).

По данным анализа растительных семян, найденных на территории Гяур-Кала (Ходжелийская) Р-1, пласт III, кв-А-16, помещение 4 из хума (Бодрова), было установлено, что с наибольшими процентами в химический состав входит Cu – 24,4%, Si – 22,7% Ca – 24,4 %. Для некоторых организмов кремний является важным биогенным элементом. Он входит в состав опорных образований у растений. Большие количества кремния концентрируют такие растения, как хвощи и злаки, в том числе – рис посевной (Hunt 2015).

Медь, как известно, имеет большое биологическое значение для растений. Влияет на азотный обмен, играет важную роль в фотосинтезе, в образовании хлорофилла, способствует повышению устойчивости растений к неблагоприятным условиям внешней среды: высоким и низким температурам, засухе, а также к поражению различными грибковыми и бактериальными заболеваниями (Speakman 2011).

Содержание таких элементов, как Al, P, Cl, K, Fe находятся в пределах от 7,82 до 11,9% (рис. 2). Остальные химические элементы находились в остаточных количествах от 0,006 до 1,68 %.

Согласно плотности содержания обнаруженных элементов по спектрограмме, выявлен максимальный пик динамики элемента Ag (от 20 до 40 и более). Предполагается, что ионы серебра защищают растения от грибковых, вирусных и микробных заболеваний. Бактерицидное, фунгицидное, вирулицидное действие серебра в растениях объясняется тем, что его ионы проникают внутрь клетки-возбудителя заболевания и блокируют ее ферменты. Кроме того, ионы серебра могут взаимодействовать с тимином и гуанином в молекуле ДНК бакте-

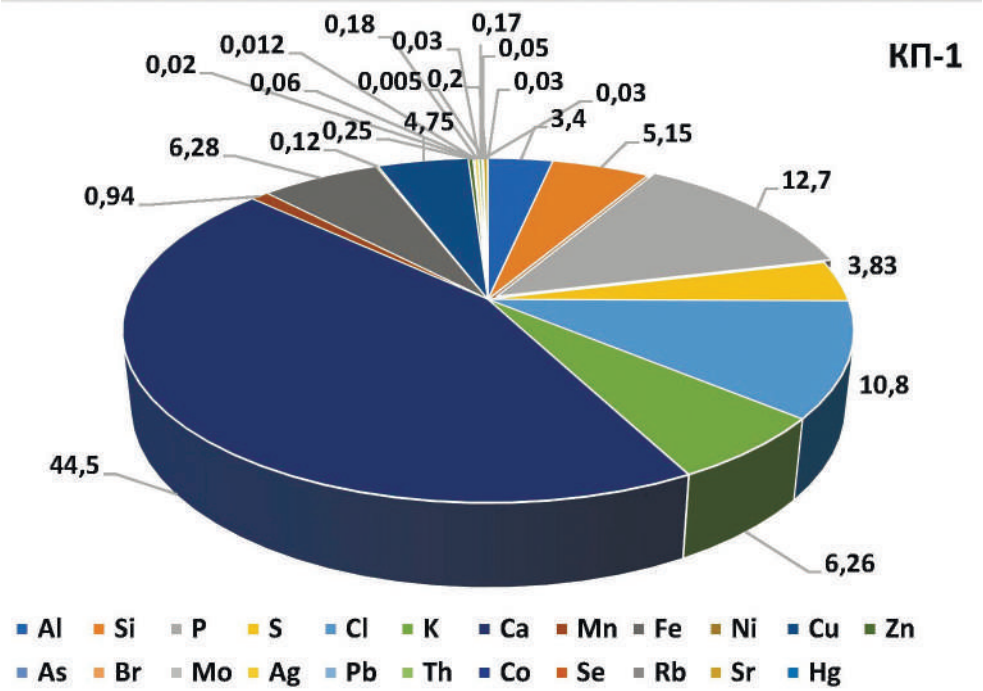

Рис. 5. Распределение элементного состава семян, найденных на территории КП-1 (в %).

5-расм. КП-1 ҳудудида топилган уруғларнинг элементар таркибини тақсимланиши (%да).

Fig. 5. Distribution of the elemental composition of seeds found on the territory of KP-1 (in %).

рий, грибов и вирусов, что вызывает нарушение функций ДНК, тормозит рост и размножение. По данным анализа растительных семян, найденных на территории Топраккала, было установлено, что с наибольшими процентами в химическом отношении входят Cl – 26,8% и Ca – 55,4% (рис.3).

Как известно, кальций является важным элементом в растениях. Он служит составной частью клеточных стенок и мембран и, таким образом, вносит свой вклад в структуру клеток и поддержание физических барьеров против патогенов. В соответствии с этой структурной ролью было показано, что растения с дефицитом кальция более восприимчивы к патогенам, а поступление кальция извне, в свою очередь, повышает сопротивляемость растений (Wilke 2017).

По данным специалистов, среднее содержание хлора в растениях составляет 0,02–0,2 г сухой массы. Однако хлор влияет на многие важные функции растений: управление водными ресурсами, фотосинтез и транспирацию. Данный химический элемент широко распространен в природе и попадает в растения из различных источников: из удобрений, почвы, воды, используемой для орошения, или загрязненного воздуха (Ковальский и др.1964; Гордеева 2006).

По результатам спектрального анализа содержание металлов в составе семян растений, обнаруженных в ходе археологических раскопов на территории КП-1 установлено, что в них содержится значительное количество Ca – 44,5%, P – 12,7%, Cl – 10,8% (рис. 5). По данным специалистов, фосфор является обязательной составной частью живой клетки растений, он входит в состав нуклеиновых кислот, которые участвуют в таких важных процессах жизнедеятельности растительных организмов, как синтез белков и передача наследственных свойств (Ковальский и др.1964; Гордеева 2006).

В свою очередь, нуклеиновые кислоты образуют в растительных организмах комплексы с белками, так называемые нуклеопротеиды, участвующие в построении клеточных ядер.

Analyzed result

Page 3/3

Sample Information

Sample name	KP-1 INV-896
File name	KP-1 INV-896
Application	gumus-1
Date	2-3-2023 10:55
Analyzed by	KP-1 INV-896
Counts	1
Comment	gumus-1

Spectrum

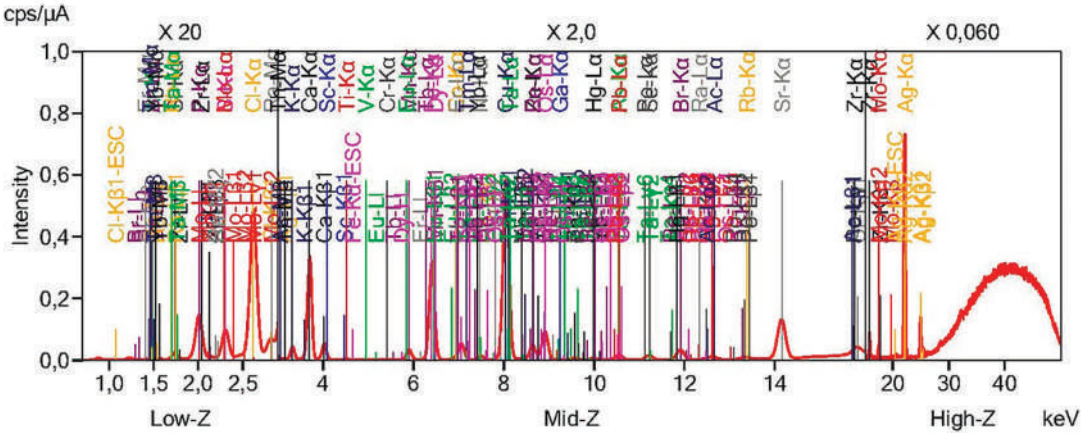

Рис. 6. Спектрограмма содержания химических элементов в составе семян, найденных на территории КП-1 (2022–2023 гг.).

6-расм. Уруғлар таркибидаги кимёвий элементлар миқдорининг спектрограммаси, КП-1 ҳудудида топилган (2022–2023).

Fig. 6. Spectrogram of the content of chemical elements in the composition of seeds, found on the territory of KP-1 (2022–2023).

Поступление фосфора в достаточном количестве с момента прорастания семян усиливает рост корневой системы, вследствие чего резко возрастает способность растений обеспечивать себя питательными веществами и влагой из почвы (Алексеев 1987).

Также выявлено содержание таких элементов, как Cu – 4,75%, Fe – 6 ,28%, K – 6,26%, Si – 5,15% и др. Всего было выделено 23 химических элемента, что показано на спектрограмме (рис. 6). Анализ исследованных растений по определению содержания тяжелых металлов из двух различных местностей показывает, что, несмотря на аридность региона, такие элементы, как Ca, Cl, P содержатся во всех случаях. Максимальная разница между их количественным содержанием колеблется до 2–3 раз. Резких отличий в отношении других металлов не наблюдается.

Анализ археоботанических материалов с одной стороны и орудий труда земледельцев с другой позволяет определить общий уровень развития земледелия в этом регионе и, привлекая письменные и этнографические материалы, установить его место в хозяйственно-экономической структуре общества. Интеграция их и традиционных приемов археологического исследования позволяет выйти на более высокий качественный уровень исторического познания: дает возможность выяснить вопросы взаимодействия древнего общества и окружающей среды, реконструировать производственные технологии древних мастеров (Кабата-Пендиас и др. 1989). Применение естественнонаучных методов необходимо прежде всего

при изучении древнего хозяйства и экономики, палеоэкологии и систем жизнеобеспечения традиционных обществ.

Таким образом, исследованные археоботанические материалы позволяют прийти к заключению, что в период средневековья перемены коснулись как структуры урожая, так и зернового потребления в городах и населенных пунктах средневекового Хорезма. Но шли они в разных направлениях и, не исключено, были вызваны разными причинами. При ограниченном круге археоботанических источников с многочисленных и функционально разнообразных памятников все высказанные здесь предположения будут, наверное, еще долгое время оставаться лишь неподтвержденными гипотезами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Авеста: Избранные гимны из Видевдата / Пер.с авест. И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, 1993.

Алексеев Ю. В. Тяжелые металлы в почвах и растениях. Л.: Агропромиздат, 1987. 142 с.

Алимкулов С. О., Мурадова Д. К. Биологическая роль фосфора в жизни растений. №10 (90). М: Молодой ученый, 2015. С. 44–47.

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 253 с.

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 235 с.

Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы: Хикари, 2013. 517 с.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. 198 с.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть 2. Исследование. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. С. 102.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 393 с.

Большаков О. Г. Город Средней Азии в конце VIII – начале XIII вв: Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Москва, 1973. 48 с.

Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. М.: Восточная литература РАН, 1999. С. 18.

Воробьева М. Г. Из истории древнего Хорезма // Советская Археология. № 1. Москва: Наука,1958. С. 253–262.

Ворончихина Е. А. Основы ландшафтной хемоэкологии. Пермь: Пермский государственный университет, 2002. –146 с.

Гольева А. А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных археологических объектов. Москва, Сыктывкар, Элиста: РАН Институт биологии Коми отделения Уральского научного центра, 2001. С. 120 –121.

Гордеева О. Н. Макроэлементы в почвах и растениях техногенных и фоновых ландшафтов Южного Приангарья // Проблемы устойчивого функционирования водных и наземных экосистем. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. С.И. Дудкин. Ростов-на-Дону: АзНИИРХ, Ростовский гос. ун-т, 2006. С. 88–90.

Гуломов Я. Г. Хоразмнинг суғорилиши тарихи. Тошкент: ФАН, 1959. 326 с.

Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, ФАН. 1957. С. 53–55.

Дударева И. А., Бомс Н. А. Содержание химических элементов в системе почва-растение под влиянием биологически активных веществ //Научные ведомости Белогородского государственного университета: Серия Естественные науки. Вып.23. № 10 (153). Белгород, 2013. С. 116–124.

История Казахстана. Алматы: Атамұра, 1996. С. 336.

Кабата-Пендиас А., Пендиас. Х. Микроэлементы в почвах и растениях/ Пер. с англ. М.: Мир, 1989. 439 с.
Ковальский В. В., Петрунина Н. С. Геохимическая экология и эволюционная изменчивость растений. Т. 159. № 5. М.: ДАН СССР, 1964. С. 59–60.
Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. 39 с.
Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV–XV вв. Душанбе: Дониш, 1966. 128 с.
Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки / под ред. С.П. Толстова. Т. 1. М.: изд-во АН СССР, 1962. 739 с.
Старков В. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1860. С. 102.
Титов А. Ф., Казнина Н. М., Таланова В. В. Тяжелые металлы и растения. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН Институт биологии, 2014. С. 3–5.
Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. № 1. М.: ВДИ, 1938. С. 176.
Толстов С. П. Древний Хорезм / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: изд-во МГУ, 1948. 352 с., 88 табл.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: изд-во АН СССР, 1948а. 328 с.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. сер. Истории и философии. Т. VI. № 3. М.: изд-во АН СССР, 1949. С. 246.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1958 гг.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М.: изд-во АН СССР, 1952. С. 7–46.
Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.: изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. С. 111.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. С. 246.
Эшчанов Ж. Хоразм жамоатчилик анъаналарининг тарихий илдизлари (сув хўжалиги ва жамоатчилиги мисолида). Махсус сон. Тошкент: ЎзМу хабарлари, 2011. С. 45–49.
Blindauer C. A., Schmid R. Cytosolic metal handling in plants: determinants for zinc specificity in metal transporters and metallothioneins // Metallomics, 2010. V. 2. P. 510–529.
Holmqvist, E. 2016. Handheld portable energy-dispersive Xray fluorescence spectrometry (pXRF). In The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis. Ed.: Hunt A. Oxford. Oxford University Press. 363–381.
Hunt A. M., Speakman R. J. 2015. Portable XRF analysis of archaeological sediments and ceramics. In Journal Archaeologic Sciences. V. 53. 626–638;
Regert, M. 2011. Analytical strategies for discriminating archaeological fatty substances from animal origin. In Mass Spectrometry Reviews, № 30. 177–220.
Speakman, R. J. [et al.] 2011. Sourcing ceramics with portable XRF spectrometers? A comparison with INAA using Mimbres pottery from the American Southwest.. In Journal Archaeologic Sciences. V. 38, № 12. 3483–3496.
The Oxford handbook of archaeological ceramic analysis. 2016. Ed.: Hunt A. Oxfrod. Oxford University Press. 768.
Wilke, D. 2017. Some updated quality concerns on non-destructive geochemical analysis with XRF spectrometry. In Advances in Applied Science Research. V. 8. № 2. 90–94.

REFERENCES:

Avesta. 1993. *Izabrannie gimni iz Videvdata (Selected hymns from Videvdat).* In I. Steblin-Kamensky (trasl.). Moscow, 10. (In Russian).
Alekseev, Yu. V. 1987. *Tyazhelye metally v pochvakh i rasteniyakh (Heavy metals in soils and plants*). Leningrad: Agropromizdat Publ., 142. (In Russian).
Alimkulov, S. O., Muradova D. K. 2015. *Biologicheskaya rol' fosfora v zhizni rastenij* (*The biological role of phosphorus in plant life*). In *Molodoy uchenyj.* № 10 (90). Moscow, 44–47. (In Russian).

Andrianov, B. V. 1969. *Drevnie orositel’nye sistemy Priaral’ya* (*Ancient irrigation systems of the Aral Sea region*). Moscow: Nauka Publ., 253. (In Russian).

Bajpakov, K. M. 1998. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti* (*Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road*). Almaty, Gylym Publ., 235. (In Russian).

Bajpakov, K. M. 2013. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovanij Yuzhno-Kazakhstanskoj kompleksnoj arkheologicheskoj ehkspeditsii) (*Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on the research materials of the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition*). Kniga II. Urbanizatsiya Kazakhstana v IX – nachale XIII v. (*Book II. Urbanization of Kazakhstan in the IX – early XIII centuries*) Almaty: Khikari Publ., 517. (In Russian).

Bartol’d, V. V. 1897. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj tsel’yu. 1893–1894 gg.* (*A report on a trip to Central Asia for a scientific purpose. 1893-1894*). Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 198. (In Russian).

Bartol’d, V. V. 1900. *Turkestan v ehpokhu mongol’skogo nashestviya* (*Turkestan in the era of the Mongol invasion.*). part 2. Issledovanie (*Research*). Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 102. (In Russian).

Belenitskij, A. M., Bentovich I. B., Bol’shakov O. G. 1973. *Srednevekovyj gorod Srednej Azii (The medieval city of Central Asia*). Leningrad: Nauka Publ., 393. (In Russian).

Bol’shakov, O. G. 1973. *Gorod Srednej Azii v kontse VIII – nachale XIII vv. (The city of Central Asia in the late VIII – early XIII centuries*): Thesis of the doctor of historical sciences. Moscow, 48. (In Russian).

Vajnberg, B. I. 1999. *Etnogeografiya Turana v drevnosti* (*Ethnogeography of Turan in ancient times*). Moscow, 18. (In Russian).

Vorob’eva, M. G. *Iz istorii drevnego Khorezma (From the history of ancient Khorezm).* In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet archeology)*. №1. Moscow: Nauka Publ., 253–262. (In Russian).

Voronchikhina, E. A. 2002. Osnovy landshaftnoj khemoehkologii (*Fundamentals of landscape chemoecology*). Perm: Perm State University Publ., 148. (In Russian).

Gol’eva, A. A. 2001. *Fitolity i ikh informatsionnaya rol’ v izuchenii prirodnykh arkheologicheskikh ob»ektov* (*Phytoliths and their informational role in the study of natural archaeological sites*). Moscow, Syktyvkar, Elista: Institute of Biology of the Komi Branch of the Ural Scientific Center Publ., 120. (In Russian).

Gordeeva, O. N. 2006. *Makroehlementy v pochvakh i rasteniyakh tekhnogennykh i fonovykh landshaftov Yuzhnogo Priangar’ya (Macronutrients in soils and plants of technogenic and background landscapes of the Southern Angara region*). In *Problemy ustojchivogo funktsionirovaniya vodnykh i nazemnykh ehkosistem. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Rostov-na-Donu; AzNIIRKH, Rostov State University Publ., 88–90. (In Russian).

Gulomov, Ya. G. 1959. *Khorazmning suғorilishi tarikhi* (*History of irrigation of Khorezm*). Tashkent. Fan Publ., 326. (In Russian).

Gulyamov, Ya. G. *Istoriya orosheniya Khorezma s drevnejshikh vremen do nashikh dnej (The history of irrigation in Khorezm from ancient times to the present day*). Tashkent: Fan Publ., 53–55. (In Russian).

Dudareva, I. A., Boms, H. A. 2013. *Soderzhanie khimicheskikh ehlementov v sisteme pochva-rastenie pod vliyaniem biologicheski aktivnykh veshhestv* (*The content of chemical elements in the soil-plant system under the influence of biologically active substances*). In *Nauchnye vedomosti Belogorodskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya Estestvennye nauki (Scientific Bulletin of Belogorodsky State University: Natural Sciences series)*. Issue 23. № 10 (153). 116–124. (In Russian).

Istoriya Kazakhstana (*The history of Kazakhstan*). 1996. Almaty: Atamura Publ., 336. (In Russian).

Kabata-Pendias, A., Pendias, X. 1989. *Mikroehlementy v pochvakh i rasteniyakh (Trace elements in soils and plants*). Translated from English. Moscow: Mir Publ., 439. (In Russian).

Kovalskij, V. V., Petrunina, N.S. 1964. Geokhimicheskaya ehkologiya i ehvolyutsionnaya izmenchivost’ rastenij (*Geochemical ecology and evolutionary variability of plants*). Vol. 159. № 5. Moscow: DAN SSSR Publ., 59–60. (In Russian).

Lerkh, P. I. 1870. *Arkheologicheskaya poezdka v Turkestanskij kraj v 1867 godu (An archaeological trip to the Turkestan region in 1867*). Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 39. (In Russian).

Makhmudov, N. 1966. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Srednej Azii v XIV–XV vv. (Agriculture and agrarian relations in Central Asia in the XIV–XV centuries*). Dushanbe: Donish Publ., 128. (In Russian).

Narody Srednej Azii i Kazakhstana. Ehtnograficheskie ocherki. (The peoples of Central Asia and Kazakhstan. Ethnographic essays). 1962. In S. P.Tolstov (red). Vol. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 739. (In Russian).

Starkov, V. 1860. *Kratkoe obozrenie Kirgizskoj stepi v geograficheskom, istoricheskom i statisticheskom otnosheniyakh (A brief overview of the Kyrgyz steppe in geographical, historical and statistical terms*). Tobolsk: Tobol’skaya gubernskaya tipografiya, Publ., 102. (In Russian).

Titov, A. F., Kaznina, N. M., Talanova V. V. 2014. *Tyazhelye metally i rasteniya (Heavy metals and plants*). Petrozavodsk: Karel’skiy nauchnyy tsentr RAN Institut biologii, Publ., 3–5. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1938. *Osnovnye voprosy drevnej istorii Srednej Azii (The main issues of the ancient history of Central Asia*). In *VDI (Bulletin of Ancient History).* № 1. Moscow, 176. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Drevnij Khorezm (Ancient Khorezm).* In M. N. Tikhomirov (red). Moscow: Moscow State University Publ., 352. 88 tabl. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1948a. *Po sledam drevnekhorezmijskoj tsivilizatsii (In the footsteps of the ancient Khorezmian civilization*). Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 328. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1949. *Khorezmskaya arkheologo-ehtnograficheskaya ehkspeditsiya (Khorezm archaeological and ethnographic expedition*). Series of History and philosophy. Vol. VI. № 3. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 246. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1952. *Khorezmskaya arkheologo-ehtnograficheskaya ehkspeditsiya AN SSSR (Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences (1945-1958)*). In T*rudy Khorezmskoj arkheologo-ehtnograficheskoj ehkspeditsii (The works of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition).* Vol. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 7–46. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1953. *Raboty Khorezmskoj arkheologo-ehtnograficheskoj ehkspeditsii AN SSSR v 1949-1953 gg. (The works of the Khorezm Archaeological and Ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences in 1949–1953*). In *Trudy Khorezmskoj arkheologo-ehtnograficheskoj ehkspeditsii (The works of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition*). Vol. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 111. (In Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del’tam Oksa i Yaksarta* (*Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes*). Moscow: Izdatel’stvo vostochnoy literatury, Publ., 246. (In Russian).

Ehshchanov, Zh. 2011. *Khorazm zhamoatchilik an»analarining tarikhij ildizlari (suv khuzhaligi va zhamoatchiligi misolida) (Historical roots of the Khorezm community tradition(on the example of water management and public*). In *National University of Uzbekistan. Special issue*. Tashkent, 45–49. (In Russian).

Blindauer, C. A., Schmid, R. Cytosolic metal handling in plants: determinants for zinc specificity in metal transporters and metallothioneins. Metallomics, 2010. V. 2. P. 510–529.

Holmqvist, E. 2016. Handheld portable energy-dispersive Xray fluorescence spectrometry (pXRF). *In The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis*. Ed.: Hunt A. Oxford. Oxford University Press. 363–381.

Hunt, A. M., Speakman, R. J. 2015. *Portable XRF analysis of archaeological sediments and ceramics.* In *Journal Archaeologic Sciences*. V. 53. 626–638;

Regert, M. 2011. *Analytical strategies for discriminating archaeological fatty substances from animal origin.* In *Mass Spectrometry Reviews*. № 30. 177–220.

Speakman, R. J. [et al.] 2011. *Sourcing ceramics with portable XRF spectrometers? A comparison with INAA using Mimbres pottery from the American Southwest.* In *Journal Archaeologic Sciences*. V. 38. № 12. 3483–3496.

The Oxford handbook of archaeological ceramic analysis. 2016. Ed.: Hunt A. Oxfrod. Oxford University Press. 768.

Wilke, D. 2017. *Some updated quality concerns on non-destructive geochemical analysis with XRF spectrometry.* In *Advances in Applied Science Research*. V. 8. № 2. 90–94.

THE RESULTS OF SPECTRAL ANALYSIS OF PLANT SEEDS FOUND DURING ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN THE ARAL SEA REGION

© 2024. Islambek Khodjalepesov

Karakalpak Research Institute of Humanititarian Sciences of the Karakalpak branch of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Keywords: Aral Sea region, spectral analysis, plant seeds, heavy metal ions, archaeobotanical materials, artifacts.

Currently, modern instrumental methods of elemental analysis are being used, along with the introduction of portable X-ray spectrometers into archaeological research. The most important indicator for the study of agriculture, of course, is the saturation of the layer with the remains of cultivated plants. Of particular interest is the distribution of samples across different quantitative classes, which characterize the concentration of plant residues. One of the best instruments for the archaeological analysis of various materials, objects and substances is the spectral analysis of artifacts. The analysis of plant seeds found at the Gyaur-Kala (Khojeli) site revealed that the largest percentage of the chemical composition consists of Cu (24.4%), Si (22.7%), and Ca (24.4%). According to the spectrogram, the highest peak in the density of elements is observed for Ag (from 20 to 40 and higher). It is hypothesized that silver ions may protect plants from fungal, viral, and microbial diseases. The analysis of plants from two different localities to determine the content of heavy metals shows that, despite the region's aridity, elements such as Ca, Cl, and P are present in all cases. Thus, the studied archaeobotanical materials suggest that, during the Middle Ages, changes occurred both in the structure of the harvest and in grain consumption in the cities and towns of medieval Khorezm.

БОГОМОЛОВ ГЕННАДИЙ ИГОРЕВИЧ 70 ЁШДА

Геннадий Игоревич Богомолов – ўзининг кўп йиллик меҳнати билан Ўзбекистон археологияси ютуқларига катта ҳисса қўшган олимлардан биридир. М. Е. Массон мактабининг муносиб вакилларидан бири ҳисобланган Геннадий Игоревич ўз умрини археологияга бағишлаб, қирқ етти йил давомида Чоч ва Марказий Суғднинг қадимги ва илк ўрта асрлар даври муаммоларини билан муваффақият билан ўрганиб келмоқда. Унинг тадқиқот мавзулари ранг-баранглиги билан ажралиб туради. Олимнинг археологик ишлари Қанқа, Шоҳжувор, Шоҳруҳия, Кофирқалъа ва бошқа ёдгорликлар билан чамбарчас боғлиқ.

Г. И. Богомолов 1954 йил 26 январда Тошкент шаҳрида туғилган. 1972 йилда ўрта мактабни тугатгач Тошкент Давлат университети (ТошДУ), ҳозирги Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университетининг тарих факультетига археология мутахассислиги бўйича ўқишга киради. Талабалик йиллари давомида «Ўрта Осиё археологияси» кафедрасида С. Б. Лунина, З. И. Усманова, Н.И. Крашенинникова, Г. Я. Дресвянская, М. И. Филанович каби катта тажрибага эга, иқтидорли археологлардан қадимшунослик нинг дастлабки кўникмаларини эгалади. 1977 йилда ўқишни имтиёзли диплом билан тугатиб, 1980 йилгача “Ўрта Осиё археологияси” кафедрасида катта лаборант лавозимида ишлади. Кафедранинг ўша пайтлардаги археологик тадқиқот ишлари асосан Қашқадарё вилоятига қаратилган бўлиб, изланишлар Кеш археологик-топографик экспедицияси – КАТЭ томонидан олиб борилар эди ва унинг таркибида Г. И. Богомолов С. Б. Лунина раҳбарлигида Олтин тепа ёдгорлигида тадқиқот ишлари олиб боради.

1980 йилда Г. И. Богомолов Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институтига ишга ўтишга қарор қилади ва у ерда «Янги қурилишлар» (отдел новостроек) археология бўлимига кичик илмий ходим лавозимига ишга қабул қилинади. 1980–1985 йилларда Самарқанд, Фарғона ва Тошкент вилоятларида олиб борилган археологик экспедицияларда фаол қатнашади.

1981 йилда у отряд раҳбари сифати унинг илмий фаолияти бевосита Қанқа ёдгорлиги билан боғланади, шу вақтдан бошлаб ушбу қадимий шаҳар харобалари унинг илмий тадқиқот объектига айланди. Ёдгорликда олиб борилган археологик қазув ишлари давомида бу ерда Г. И. Богомолов томонидан V–VI асрларга тегишли ибодатхона очиб ўрганилган. Стратиграфик маълумотлар, II-қазишма материаллари Қанқанинг милоддан аввалги III асрлардан бошлаб шаклланиш ва ривожланиш босқичларини очиб бериш имконини берди. Қўлга киритилган илмий маълумотларинг таҳлили асосида олим 1988 йилда Юрий Федорович Буряков раҳбарлигида “Илк ўрта аср Чоч шаҳар марказининг маданияти (Қанқаёдгорлиги мате-

риаллари асосида)” номли номзодлик диссертациясини муваффақиятли ҳимоя қилади. Қайд этиш лозимки, Қанқа ёдгорлигидан топилган кўплаб топилмалар нафақат илмий жиҳатдан, шу билан бирга кўплаб музейларда намойиш этиш орқали кенг жамоатчиликка Чочнинг қадимги тарихи ва моддий маданияти ҳақида маълумот бериш имкониятини яратди. Хусусан, ҳозирги кунда топилмалар Ўзбекистон Фанлар Академиясининг Ўзбекистон тарихи давлат музейи ва Тошкент музейи экспозицияларида намойиш этилмоқда.

Археологик қазишмалар билан биргаликда Геннадий Игоревич педагогик фаолият билан ҳам шуғулланиб, Низомий номидаги Тошкент педагогика университети «Ватан тарихи» кафедрасида «Ўзбекистон археологияси» фанидан машғулотлар олиб борди.

Қанқа ёдгорлигида олиб борилган қазишмалар билан бир қаторда у 2010–2012 йилларда Дабусия ёдгорлигида, 2013 йилдан Самарқанд Суғдидаги Кофир-қалъада ёдгорлигида Ўзбекистон-Япония халқаро экспедицияси таркибида фаолият кўрсатиб келмоқда.

Қанқа экспедицияси. 1980 йил.
Экспедиция на Канке. 1980 г.
Expedition at Kanka. 1980/

Ўзбек-Япон ҳалқаро қўшма экспедицияси. 2022 йил.

Узбекско-японская международная совместная экспедиция. 2022 г.

Uzbek-Japanese international joint expedition. 2022.

Олимнинг илмий қизиқишлари серқирра бўлиб, у кўчманчи аҳолининг маънавий ва моддий маданияти, шунингдек, Чоч ва Суғд шаҳар маданияти, антик ва ўрта асрларда Марказий Осиёда ҳарбий ишлар, Марказий Осиё халқларининг санъати ва диний қарашлари борасида ҳам илмий изланишлар олиб бормоқда.

Геннадий Игоревич Богомоловнинг илмий изланишлари натижалари 300 дан ортиқ илмий мақолалар, шунингдек, учта монография нашр этилган. Илмий фаолияти давомида Ўзбекистон, Италия, Германия, Франция, Англия, Япония, Хитой, Россия, Қозоғистон, Қирғизистон, Туркманистон, Тожикистон каби давлатларда ўтказилган халқаро конференциялар ва конгрессларда илмий маърузалар билан фаол иштирок этиб келмоқда.

Г. И. Богомоловнинг археология ривожига қўшган ҳиссаси эътироф этилиб, 2021 йилда «Ўзбекистон Республикаси Мустақиллигининг 30 йиллиги», 2023 йилда эса Ўзбекистон Республикаси Фанлар академиясининг 80 йиллиги муносабати билан фанга қўшган ҳиссаси учун кўкрак нишонлари билан тақдирланди.

Фидоий олим Геннадий Игоревич Богомоловни 70 ёши билан чин юракдан табриклаймиз ва у кишига янги кашфиётлар, ноёб топилмалар, бахт ва мустаҳкам соғлик тилаймиз.

“O‘zbekiston arxeologiyasi” таҳририяти,
Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти
ва Миллий археология маркази жамоаси

БЕРДИМУРОДОВ АМРИДДИН ЭРГАШЕВИЧ 70 ЁШДА

Ўзбекистоннинг антик ва ўрта асрлар даври археологиясининг намоёндаси, Буюк Ипак йўли ҳамда Амир Темур даври санъати тарихи ва маданиятини ўрганган етук олим Бердимуродов Амриддин Эргашович 1954 йил 10 октябрда Самарқанд вилояти Ургут тумани Мўминобод қишлоғида таваллуд топган.

1964 йилдан бошлаб академик А. А. Асқаров Ургут туманида жойлашган бронза даврига оид бўлган Мўминобод қабристонида археологик тадқиқот ишларини олиб бориб, бу ердан қабрларга қўйилган сопол идишлар, зеб-зийнат буюмлари билан бирга топилган ҳайвон суягидан ясалган мўъжазгина сивизғи-най барча қатори Амриддин Эргашовични ҳам ўзига бутунлай ром этди ва тарихга, айниқса қадимшуносликга бўлган қизиқишини орттирди. Натижада бўлажак олим 1974 йилда Самарқанд давлат университетининг Тарих факультетига ўқишга кириб, уни 1978 йилда аъло баҳоларга битирди ҳамда Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институтида дастлаб лаборант, кейинчалик стажёр – тадқиқотчи лавозимларида иш фаолиятини давом эттирди.

Амриддин Эргашович 1981–1984 йилларда ўрта асрлар даври археологияси ва нумизматикасининг етук мутахассиси, профессор Г. А. Федоров-Давидов раҳбарлигида М. В. Ломоносов номидаги Москва давлат университетида ўқиган. Аспирантура таҳсили давомида А. Э. Бердимуродов Олтин Ўрда шаҳарларида, шунингдек, илмий иш мавзуси доираси Жиззах воҳасида дала қидирув тадқиқотларини ҳамда воҳанинг Қалиятепа, Алмантепа, Қинғиртепа каби ёдгорликларда археологик қазув тадқиқотларини олиб борди ва “Жиззах воҳасининг илк ўрта асрлар маданияти” мавзусида номзодлик диссертациясини муваффақиятли ҳимоя қилди.

1985 йилдан бошлаб Ўзбекистон Фанлар академияси Археология институтида иш бошлади, дастлаб кичик ва катта ҳамда етакчи илмий ходим, бўлим бошлиғи каби лавозимларда фаолият кўрсатди. Шу даврда институтнинг Ургут экспедиция бошлиғи сифатида тумандаги Жартепа зардуштийлик ибодатхонасини ҳамда Ёнчашма, Шаидтепа, Ишчантепа, Хамратепа каби ёдгорликларни очилишида раҳбарлик қилди. Айниқса, Буюк Ипак йўлининг Самарқанд-Панжикент йўналиши устида V–VIII асрларга оид бўлган Жартепа ибодатхонаси тадқиқотчи томонидан тўлиқ очилди ва ибодатхона Зарафшон дарёси шарафига бағишлаб

бунёд этилгани, у умумсуғд, колаверса, халқаро аҳамиятга эга бўлгани илмий мақола ва монографияларида ёритиб берилди.

Мустақиллик Археология институти учун жаҳон эшикларини очиб берди. Ўзбек археологлари Франция, Германия, Италия, АҚШ, Польша, Россия, Япония каби мамлакатларнинг йирик университетлари ва археология марказлари билан ҳамкорликда бир қатор экспедициялар очдилар. Улар қаторида очилган учта халқаро экспедицияга жумладан, Ўзбекистон-Италия (2000 йил), Ўзбекистон-Япония (2007 йил), Ўзбекистон-Хитой (2009 йил) халқаро қўшма археологик экспедицияларга Амриддин Бердимуродов бошчилик қилиб келмоқда. Бу қўшма экспедиция билан ҳамкорликда Самарқанд, Қашқадарё, Сурхондарё вилоятларида археологик тадқиқот ишларини олиб бориб қадим ва ўрта асрлар даври кўчманчи чорвадорлар маданияти билан урбанизациялашган шаҳарлар ўртасидаги маданий алоқалар тарихини очиб беришга муваффақ бўлди. Кофирқалъа Самарқанддан ташқарида жойлашган Суғд ҳукмдорларининг ёзги қароргоҳи бўлганлиги исботланди.

2009 йилда А. Бердимуродов Археология институти директорлиги лавозимига тайинланди. Айни вақтда А. Бердимуродов юртимиз ижтимоий-сиёсий ҳаётида ҳам фаол иштирок этиб, 2010–2015 йилларда Самарқанд вилояти кенгаши депутати бўлди.

А. Бердимуродовнинг институтдаги раҳбарлик фаолиятининг дастлабки давридаёқ асосий эътиборини нашр ишлари ривожига қаратди. Ўзбек археолог олимларининг узоқ йиллик орзуси айнан мана шу даврда амалга оширилди. 2010 йилдан бошлаб Ўзбекистонда биринчи марта “Ўзбекистон археологияси” журнали нашр этилиши йўлга қўйилди.

Яна бир муҳим вазифа – ёш археолог олимлар тайёрлаш, иқтидорли ёшларни бу фанга олиб кириш ва Ўзбекистон археология фанининг келажагини таъминлашни Амриддин Бердимуродов ўзининг раҳбар сифатидаги энг муҳим вазифаларидан бири ҳисоблаб, ёш ўзбек археолог олимларини хорижий мамлакатларга малака оширишга юборди. Археолог олим дунёнинг бир қанча давлатларида, шу жумладан, Франция, Италия, Япония, Германия, Россия, Хитой, Жанубий Корея, Буюк Британия, Эрон, Қозоғистон ва Тожикистон каби давлатларда илмий сафарларда бўлиб, ушбу мамлакатларда ўтказилган халқаро конференция ва симпозиумларда Ўзбекистон тарихи ҳамда археологияси тўғрисида маърузалар қилган.

А. Бердимуродов 1993 йилдан буён Франция пойтахти Париждаги “Темурийлар ассоциацияси”нинг вице президенти сифатида фаолият юритиб келмоқда.

Айниқса, А. Э. Бердимуродов томонидан 2020 йилда чоп этилган “Ватан ҳаққига муножот” номли китоби илмий жамоатчилик орасида катта қизиқиш уйғотди.

А. Э. Бердимуродовнинг хорижда ва республикамизда 4 та илмий монографияси, 7 та илмий оммабоп китоби, 150 дан зиёд илмий ва 140 дан ошиқ оммабоп мақолалари чоп этилган.

Унинг археология соҳасига қўшиб келаётган ҳиссаси, илмий изланувчанлиги ҳамда ташаббускорлиги алоҳида эътироф этилиб, 2019 йили халқаро Scopus-19 кўрик танловининг “Энг фаол илмий тадқиқотчиси” номинациясида ғолиб чиқиб, диплом ҳамда эсдалик совғалар билан тақдирланган.

А. Э. Бердимуродов илмий, илмий-ташкилий ишлар билан бир қаторда ёш кадрлар тайёрлаш ишларига ҳам улкан ҳисса қўшди. У Самарқанд давлат университети талабаларига “Ўрта Осиё шаҳарларининг тарихий топографияси”, “Ўрта Осиё меъморчилик санъати тарихи”, “Антик ва ўрта асрларда Ўрта Осиёда диний жараёнлар” каби махсус курслар ўқиш билан биргаликда кўплаб аспирант ва докторантларга илмий раҳбарлик қилади. Жумладан, А. Э. Бердимуродов раҳбарлиги остида 2021 йилда Шайдуллаева Гулжахон, 2022 йилда Абдували Асланов, 2024 йилда Ғ. И. Маҳаммадиевлар тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияларини муваффақиятли ҳимоя қилишди.

А. Бердимуродовнинг бевосита илмий раҳбарлигида Н. Алимов, О. Турсуновлар тарих фанлар бўйича фалсафа доктори диссертацияси устида иш олиб бормоқда. Ҳозирги кунда А. Бердимуродов Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти ҳузуридаги тарих фанлари доктори (DSc) илмий даражасини берувчи DSc.01/10.01.2024.TAP.169.01. рақамли Илмий кенгаш қошидаги Илмий семинар аъзоси сифатида фаолият кўрсатиб келмоқда. Шу билан бир қаторда, илмий натижаларни оммалаштириш ишларида ҳам катта ҳисса қўшиб, у ҳозирги кунда “O‘zbekiston arxeologiyasi”, “Имом Бухорий сабоқлари” ва бошқа бир қатор журналлар таҳририяти аъзоси ҳисобланади.

У 2014 йил Францияниng “Академик Пальма” ордени ҳамда 2018 йил Ўзбекистон Республикасининг “Дўстлик” ордени билан ҳамда 1996 йилда “Халқаро Амир Темур жамоат фонди” ва 2021 йилда “OLTIN MEROS” эсдалик нишонлари билан тақдирланган.

Фидойи олим А. Э. Бердимуродовни табаррук 70 ёши билан қизғин табриклаб, у кишига сиҳат-саломатлик, узоқ умр тилаган ҳолда, Ўзбекистон фани равнақига янада самарали ҳисса қўшишини чин дилдан истаб қоламиз.

“O‘zbekiston arxeologiyasi” таҳририяти,
Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти жамоаси

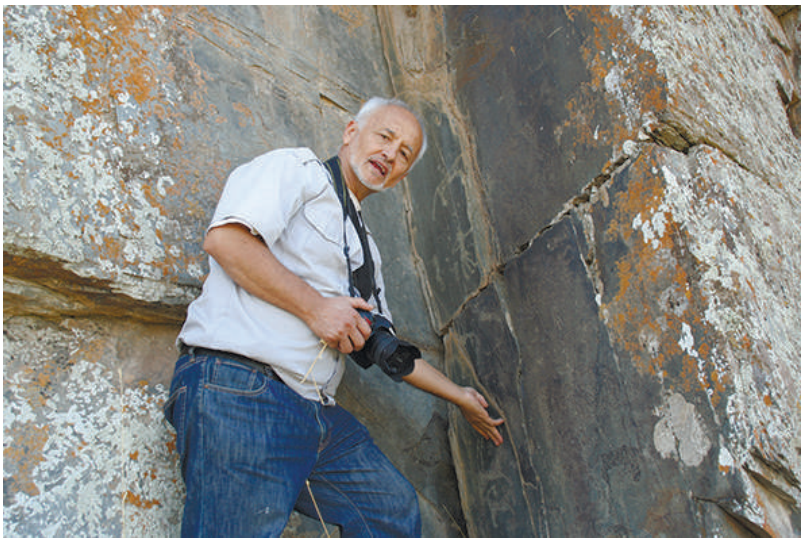
ХЎЖАНАЗАРОВ МУҲИДДИН МУСТАФОҚУЛОВИЧ 70 ЁШДА

Хўжаназаров Муҳиддин Мустафоқулович Республикамизда қоятош расмларини ўрганиш ва сақлаш бўйича етук мутахассис, халқаро эксперт, гуманитар фанлар билимдони ва серқирра тадқиқотчилардан биридир. Маданий меросни сақлаш халқаро ташкилоти ICOMOS, SAIPI ва CARAD қоятош санъатини ўрганиш халқаро ташкилотлари аъзоси сифатида фаолият олиб бораётган Муҳиддин Мустафоқулович Ўзбекистон ибтидоий археологиясини ривожлантириш, тадқиқот натижаларини амалиётга татбиқ этиш ва илмий, жумладан, халқаро ҳамкорликни кенгайтиришдаги хизматлари катта бўлиб, унинг фаол иштироки билан Қизилқум ҳудудида тош даврини ва республикамизнинг кўплаб ҳудудларида қоятош расмларини ўрганиш бўйича қатор халқаро экспедициялар ташкил этилган ва уларнинг аксарияти изланишларни муваффақиятли давом эттирмоқда.

Хўжаназаров Муҳиддин Мустафоқулович 1954 йил 9 июнда Самарқанд вилояти Хатирчи тумани Шихлар қишлоғида туғилган. 1971 йилда Хатирчи туманидаги 20-сон ўрта таълим мактабини тамомлаган бўлажак олим шу йили Низомий номидаги Тошкент давлат педагогика институтининг тарих факультетига ўқишга киради. Муҳиддин Хўжаназаров талабалик йилларидаёқ илмий тадқиқот ишларига қизиқиб, факультетнинг Ўзбекистон шаҳарлари тарихини ўрганувчи талабалар илмий жамияти аъзоси сифатида фаолият олиб боради. Хусусан, “Ўзбекистон тарихи” кафедраси ўқитувчиси доцент Маъруф Раҳимов раҳбарлигида республика талабалар конференцияларида ўз илмий маърузалар билан қатнашиб, диплом ва сертификатлар билан тақдирланади.

Муҳиддин Мустафоқулович институтни тамомлагач, 1977 йилдан Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институтида лаборант вазифасида иш бошлайди. Унинг археология соҳасидаги дастлабки малакаси Учтут, Жарқўтон, Кучуктепа, Кўлбулоқ ёдгорликларида олиб борилган археологик экспедицияларда қатнашишдан бошланган. Бу ерда дала қазув тадқиқоти, археологик ашёларни қайта ишлаш ва ҳужжатлаштириш усуллари ва кўникмаларини ўрганади. 1979–1981 йилларда Институт томонидан Ленинградга ЛОИА (Археология институтининг Ленинград бўлими, ҳозирги Россия Фанлар Академияси) амалиёт ўташ учун юборилади. Бу ерда у профессор Н. Н. Гурина илмий раҳбарлиги археология ва қоятош санъати соҳасида ўз малакасини оширади. Шу билан бирга амалиёт давомида петроглифларни тадқиқ этиш соҳасининг етук мутахассислари – Я. А. Шер, А. Д. Столяр, З. А. Абрамова, В. М. Массон, Я. А. Заднепровский, Э. А. Окладникова ва бошқалар билан учрашиб, ўз соҳаси бўйича зарур тажрибага эга бўлади.

Амалиётдан сўнг М. Хўжаназаров Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институти қошидаги аспирантурага ўқишга кириб, профессор Ў. И. Исломов раҳбарлигида Фарғона водийсидаги экспедицияларда иштирок этади, тош даври ёдгорликлари ва қоятош расмлари устида археологик тадқиқотлар олиб боради. Айнан шу вақтда М. М. Хўжаназаров қоятош расмларининг илгари фанга номаълум бўлган кўплаб янги ёдгорликлари хусусан, Фарғона водийсида биринчи марта Эшматош айвонида янги расмларни аниқлаб, илмий муомалага киритади.

Қайд этиш керакки, 1970-йилларнинг охирига келиб Ўзбекистонда қоятош расмлари бир қанча тадқиқотчилар томонидан ўрганилган. Улардан баъзилари ёдгорликларнинг тавсифларини, индивидуал чизмаларни, сюжетларни изоҳлашга уринишган ва петроглифларнинг функционал мақсади ҳақида бир қатор фаразларни билдиришган. Бироқ бу пайтга қадар қоятош расмлари кенг қамровда, алоҳида илмий тадқиқот объекти сифатида ўрганилмаган эди. Уларнинг тўлақонли тарихий манбага айланиши учун тизимли, батафсил тавсиф ва ҳар томонлама манбалар таҳлили асосидаги тадқиқотлар зарур эди. Шунинг учун Муҳиддин Мустафоқулович ўз номзодлик диссертациясини тадқиқот объекти сифатида “Шимоли-шарқий Ўзбекистон қоятош расмлари” мавзусини танлайди. Диссертация тадқиқоти жараёнида олим Ўзбекистоннинг шимоли-шарқий қисми тоғ ва тоғолди ҳудудларида олиб борган дала қидирув тадқиқотлари натижасида янги қоятош расмларини аниқлаб, энеолит ва илк бронза даврларига оид ноёб тасвирларни топишга муваффақ бўлади. Уларнинг кўпчилиги илгари бу минтақа учун маълум эмас эди. Ушбу машаққатли меҳнат натижасида 4500 дан ортиқ тасвирни ўз ичига олган кенг кўламли материал ўрганилиб, қайта ишланади.

1985 йилда Муҳиддин Мустафоқулович ЛОИА (Археология институтининг Ленинград бўлими) Илмий даража берувчи илмий кенгаши йиғилишида Ў.И. Исломов раҳбарлигида ўз диссертация ишини муваффақиятли ҳимоя қилади.

Шу йили Самарқандга қайтган олим Археология институтида ўз меҳнат фаолиятини давом эттиради ва 1987 йилда унинг саъй - ҳаракатлари билан “Ўзбекистонда қоятош расмларини ўрганиш гуруҳи” тузилади. Ҳозирги кунда ҳам фаолият олиб бораётган ушбу гуруҳ аъзолари томонидан Польша, Франция, Россия, Қозоғистон олимлари иштирокида халқаро экспедициялар ташкил этилган бўлиб, Муҳиддин Мустафоқулович мана шу экспедициялар раҳбари сифатида иш олиб боради. Натижада, унинг бошчилигида ҳозирги кунда республикамизда 150 дан ортиқ янги қоятош расмлари ёдгорликлари аниқланади ва уларнинг харитаси яратилади.

2002–2009 йилларда Муҳиддин Мустафоқулович раҳбарлигида норвегиялик олимлар билан ҳамкорликда ташкил этилган Ўзбекистон-Норвегия халқаро экспедицияси томонидан Сармишсой ёдгорлигида кенг кўламли тадқиқотлар амалга оширилади. Ушбу халқаро экспедиция аъзолари саъй-ҳаракатлари билан Сармишсой маданий меросини ўрганиш ва асраб-авайлаш дастури ишлаб чиқилади ва амалга оширилади. Бу тадқиқотлар натижасида

Сармишсой 2010-йилда ЮНЕСКОнинг Бутунжаҳон маданий мероси дастлабки рўйхатига киритилган. Сармишсой негизида уч маротаба Халқаро илмий анжуманлар ўтказилиб, уларда инсониятнинг ана шу табиий ва маданий мероси бўлмиш қоятош расмлари ёдгорлигини ўрганиш ва асраб-авайлаш тажрибаси муҳокама қилинди ва умумлаштирилди.

Муҳиддин Хўжаназаров 1995–2004 йилларда Ўзбекистон-Польша, 2005–2019 йилларда эса Ўзбекистон–Франция Қизилқум тош даври қўшма халқаро экспедицияларини Ўзбекистон томонидан раҳбари сифатида фаолият олиб боради. Бу халқаро экспедициялар меҳнат фаолияти туфайли Қизилқум ҳудудида ҳали фанга номаълум бўлган 100 дан ортиқ тош даври маконлари излаб топилади. Айниқса, Бухоро вилояти ҳудудида жойлашган “Оёқоғитма” неолит даври ёдгорлиги Калтаминор маданияти тўғрисида қадимги тарихи саҳифаларига янги маълумотлар олиш имкониятини берди. Агар бундан 15–20 йил олдин бу маданият мил. авв. 4-минг йиллик билан даврлаган бўлса, экспедиция аъзолари томонидан олиб борилган тадқиқотлар натижасида ҳозирги кунда бу маданият илдизи эрамиздан олдинги 7-минг йилликларга тегишли эканлиги исботлаб берилди. Бу эса Қизилқум ҳудудида чорвачилик ана шу қадим даврлардан бошлаб юритила бошлангани исботловчи асосий далиллардан бири ҳисобланади.

Шунингдек, олим 2014–2019 йилларда Ўзбекистон-Россия қўшма экспедициясини ҳам бошқарди. Бунинг натижасида, Тошкент вилоятининг Оҳангарон туманига қарашли тоғли ҳудудларда янги тош даври ёдгорликлари аниқланиб, уларда ҳозирги кунга қадар археологик қазишма ишлари олиб борилмоқда.

Мана шу тадқиқотлар натижасида Муҳиддин Мустафоқуловичнинг Ўзбекистон ва чет элларда “Хўжакент ва Қорақиясой петроглифлари”, “Sztuka naskalna Uzbekistanu”, “Petroglyphs of Central Asia”, “Этнография и традиции населения Сармишсая”, “Сармишсой (қоятош расмлари, илмий тадқиқотлар)” номли 8 та монографияси ва 160 дан ортиқ илмий ва илмий оммабоп мақолалари рус, польяк, япон, инглиз тилларида чоп этилган. Шунингдек, Муҳиддин Хўжаназаров Франция, Италия, Польша, Россия, Қозоғистон, Қирғизистон давлатларида ўтказилган халқаро конференциялар ва симпозиумларда Ўзбекистон археологияси тўғрисидаги ўз маърузалари билан иштирок этган.

Муҳиддин Мустафоқулович ўзининг бой илмий тажрибаси ва тинимсиз ғайратини шогирдлари билан баҳам кўради. У нафақат юқори малакали мутахассис, меҳрибон, самимий, ҳар қандай вазиятда шогирдларига ёрдам беришга тайёр фидоий устоздир.

Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институтининг кўп сонли жамоаси, “O‘zbekiston arxeologiyasi” журнали таҳририяти аъзолари таниқли олим Хўжаназаров Муҳиддин Мустафоқуловични туғилган куни, 70 йиллик юбилейи билан чин юракдан табриклаб, у кишига мустаҳкам соғлик, улкан ижодий муваффақиятлар ва қадимиятнинг янги саҳифаларини ўқиш имконини берадиган кўплаб ажойиб илмий кашфиётлар тилайди.

“O‘zbekiston arxeologiyasi” таҳририяти,
Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти жамоаси

РАИМҚУЛОВ АБДИСАБУР АЗЗАМОВИЧ 65 ЁШДА

Ўзбекистон археологияси фанининг йирик вакилларидан бири, бутун умрини, илмий ҳаётини, шу фаннинг ривожига сарф қилган, бугунги кунда устозлик даражасига кўтарилган истеъдодли, серқирра олим, тарих фанлари доктори Раимқулов Абдисабур Аззамович шонли 65 ёшга тўлди.

Раимқулов Абдисабур Аззамович 1958 йил 29 декабрда Самарқанд вилояти Пайариқ туманида Чолмуйин қишлоғида туғилди. 1966–1976 йилларда ўрта мактабда таълим олди. Ёшлигиданоқ археология фанига бўлган қизиқиш уни 1977 йилда Тошкент Давлат университети тарих факультетига бошлаб келди. Кириш имтиҳонларидан муваффақиятли ўтган ёш талаба ўқув йилининг бошиданоқ факультетнинг академик М. Е. Массон томонидан 1940 йилда асос солинган “Ўрта Осиё археологияси” кафедрасида археология мутахассислиги бўйича таълим олишга киришди. Бу кафедрада ўқиш ўша даврда доимий равишда дала амалиёти билан бирга олиб борилар, бўлғуси археолог талабалар тажрибали устоз археологлар раҳбарлигида бир йилда икки марта дала амалиётига чиқишарди. Шу сабабли у талабалик йилларидаёқ беш йил давомида Ўзбекистоннинг Қашқадарё, Тошкент, Наманган, Самарқанд вилоятларида ҳамда Туркманистоннинг қадимий Марв ёдгорлигида олиб борилган ўндан ортиқ археологик экспедицияларда, турлича даврга, турлича хусусиятга эга бўлган археологик ёдгорликларда қазишма ишларида иштирок этди. Дала амалиёти даврида археологик ёдгорликларни қазиш, топилган осори-атиқлар устида ишлаш каби мураккаб вазифаларни қунт билан ўрганди. Мана шу ўқув даргоҳида археология фанининг турли йўналишлари бўйича С. Б. Лунина, З. И. Усманова, Г. Я. Дресвянская, А. С. Сагдуллаев, Э. В. Ртveладзе, Н. И. Крашенинникова каби йирик археолог олимлардан олинган илмий ва амалий сабоқлар, сифатли билим А.А. Раимқуловнинг археология соҳаси бўйича олим бўлиб шаклланишида, узоқ йиллик илмий фаолиятида жуда муҳим аҳамиятга эга бўлди. Бугун олим мўътабар устозларини чуқур ҳурмат билан эсга олади.

А. А. Раимқулов 1982 йил университетни битириб Ўзбекистон Фанлар академиясининг Самарқандда жойлашган Археология институтида катта лаборант вазифасида иш бошлади. 1983 йилда дастлаб Самарқанд вилояти Пайариқ тумани ҳудудидаги Тўсинсой бўйида жойлашган Доринтепа қишлоқ маконида ҳамда шу туман ҳудудидаги Соғарж шаҳри харобаларида археологик қазишмалар олиб борди. Соғарж шаҳрида олиб борилган археологик

қазишма ишлари даврида, бу йирик шаҳарнинг тарихий топографияси бўйича бундан қирқ йил муқаддам маҳаллий аҳолидан олинган қимматли маълумотлар олимнинг 2017 йилда нашр этилган “Катта Суғд – Суғдиёна” китобида муфассал баён қилинган.

А. А. Раимқулов 1984 йилдан институтнинг Қашқадарё экспедицияси таркибида Қашқадарё вилояти Косон тумани ҳудудида жойлашган, қадимги Никшапайа-Никшапа шаҳри харобалари бўлган Еркўрғон ёдгорлигида кенг қамровли қазишмалар олиб борди. Олим тўла очилган, атрофи девор билан ўралган жой шаҳар вайрон этилганидан кейин пайдо бўлган кулоллар қишлоғи эканлиги, унда яшаган кулоллар Никшапайа шаҳри кулолларининг авлодлари бўлиб, ота-боболари касбини давом эттирганликлари тўғрисида жуда қизиқ фикрни илгари сурди.

1987–1988 йилларда А. А. Раимқулов томонидан Қарши воҳаси ҳудудида жойлашган илк ўрта асрлар ёдгорлиги Кунжутлитепа қишлоқ макони биринчи марта тўлалигича очилди. 1985–1986 йилларда Яккабоғ туманидаги Тўрткўлтепада эса IV–V асрларга оид йирик қишлоқнинг ярми очиб ўрганилди. Ёдгорликнинг қуйи қисмида сўнгги бронза ва илк темир даврига оид ноёб маданий қатламлар кашф этилди.

Ушбу археологик тадқиқотларнинг натижаси ўлароқ А. А. Раимқулов 1992 йилда Р. Ҳ. Сулаймонов илмий раҳбарлигида “Нахшабнинг илк феодализм даври қишлоқлари маданияти” мавзусида номзодлик диссертациясини муваффақиятли ҳимоя қилди.

А. А. Раимқулов 1993–1997 йилларда Қашқадарё вилояти Муборак тумани ҳудудида жойлашган Занжир Сарой ёдгорлигида археологик тадқиқотлар олиб борди ва Ўзбекистон археологияси фанида биринчи марта Чиғатой улуси даври шаҳарсозлиги, меъморчилиги ва моддий маданияти махсус ўрганилди. 2001 йилда А. А. Раимқулов Германиянинг ДААД фонди грантини олишга эришди ва Германиянинг Мюнхен, Штутгарт, Тюбинген шаҳарларида Ўрта Осиёнинг мўғуллар даври шаҳарсозлиги, меъморчилиги ва моддий маданиятини ўрганиш борасида тадқиқотлар олиб борди. Бу йўналишда кўплаб халқаро илмий анжуманларда маърузалар қилинган, ўндан ортиқ илмий мақолалар чоп этилган.

А. А. Раимқулов узоқ йиллар давомида Қашқадарё воҳасининг барча йирик шаҳар ёдгорликлари бўйлаб археологик қидирувлар олиб бориб Жанубий Суғднинг ўрта асрлар даври шаҳарсозлигини, 1996, 2006, 2013 ва 2014 йилларда Шаҳрисабз шаҳри ҳудудида археологик тадқиқотлар натижасида эса Кеш-Шаҳрисабз шаҳрининг шаҳарсозлик маданиятини, шаҳарнинг тарихий топографиясини тадқиқ этди. Археологик тадқиқотлар натижаси ўлароқ, олим Шаҳрисабз шаҳри қалъа деворлари биринчи марта Хоразмшоҳлар даврида қурилган, деган жуда муҳим хулосага келди. Узоқ йиллик тадқиқотлар асосида 2018 йилда “Қашқадарё воҳасининг ўрта аср шаҳарлари” илмий монографияси чоп этилди.

А. А. Раимқулов 2018 йилда “Жанубий Суғднинг VIII–XIV асрлар даври тарихий топографияси” мавзусидаги докторлик диссертациясини муваффақиятли ҳимоя қилди. Диссер-

тацияда Жанубий Суғд, яъни ҳозирги Қашқадарё воҳасининг VIII–XIV асрлар даври шаҳарсозлиги, шаҳарлар шаклланиши ва ривожланишининг ўзига хос хусусиятлари чуқур таҳлил қилинди. Диссертациянинг энг катта ютуғи – олим бу тадқиқотида Қашқадарё воҳасида ривожланган ўрта асрларда ўттиздан ортиқ шаҳар мавжуд бўлганлигини аниқ археологик далиллар асосида исботлаб берди.

А. А. Раимқулов нинг муҳим илмий йўналишларидан яна бири Ўрта Осиёда қадимий христианлик тарихидир. 1990 йилларнинг бошларида А. А. Раимқулов томонидан Қарши шаҳри яқинида VII аср бошларига оид христианлик ибодатхонаси қолдиқларининг топилиши, олимга археология соҳасида жуда кам ўрганилган христианлик тарихини чуқурроқ тадқиқ қилишни тақозо этди. Бу борада у 2000 йилда Ватиканнинг Рим папаси Шарқий христианлик институти грантини олишга муваффақ бўлди ва бир неча ой давомида Италиянинг Рим, Неаполь, Флоренция, Турин ва Милан шаҳарларида Ўрта Осиё христианлиги тарихи борасида тадқиқотлар олиб борди. Тадқиқотлар самараси ўлароқ олим Ўрта Осиё христианлигининг ўзига хос хусусиятлари, моддий маданияти, тарихи ва археологиясига бағишланган кўплаб конференцияларда иштирок этди, маҳаллий ва хорижий нашрларда ўндан ортиқ илмий мақолалар чоп этди. Ҳозирда А. А. Раимқулов “Ўрта Осиё христианлиги тарихи археологик манбаларда” номли илмий монография устида ишламоқда.

А. А. Раимқулов кейинги йилларда яна бир мавзу – Марказий Осиёнинг қадимги ва ўрта асрлар даври кўчманчи халқлари тарихи, кўчманчилар цивилизацияси устида тадқиқотлар олиб бормоқда. Олиб борилган тадқиқотлар жараёнида Қарши шаҳри ҳудудида жойлашган Қалъайи Зоҳҳаки Морон ёдгорлиги олим томонидан биринчи марта юечжи қабилаларининг мил.авв. II асрда қурилган илк пойтахти сифатида талқин қилинган. У кейинги йилларда кўчманчилар цивилизациясига бағишланган бир нечта халқаро илмий анжуманларда иштирок этиб маърузалар қилди, қатор мақолалар чоп эттирди.

А. А. Раимқулов кейинги йилларда Қашқадарё воҳаси археология ёдгорликларини ҳисобга олиш борасида олиб борилаётган археологик қидирувларга раҳбарлик қилмоқда. 2012–2018 йилларда вилоятнинг Яккабоғ, Шаҳрисабз, Китоб, Ғузор, Чироқчи ва Қамаши туманлари ҳудудларида жойлашган саккиз юздан ортиқ археологик ёдгорликлар тўла ҳисобга олинди ва унинг раҳбарлигида “Ўзбекистоннинг археологик ёдгорликлари каталоги. 5 том. Қашқадарё вилояти. 1-қисм. “Яккабоғ тумани”, 2-қисм. “Шаҳрисабз тумани”, 3-қисм. “Китоб тумани” каталоглари нашр этилди. Ҳозирда “Ғузор тумани”, 4-қисм каталоги тайёрланиб, нашрга топширилди.

А. А. Раимқулов археология фани ютуқларини оммалаштириш борасида ҳам жиддий тадқиқотлар олиб бормоқда. Бу борада олимнинг “Катта Суғд – Суғдиёна” китоби айниқса эътиборга сазовор. Бу китобда Зарафшон дарёсидан шимолдаги ҳудудларда, хусусан Зарафшон-Оқдарёдан то Нурота тоғларигача бўлган ҳудудни ўз ичига олган қадимий Катта Суғд тумани тарихи ёритилган. Бу китобда 3100 йиллик қадимий Басилея шаҳрининг меросхўри

ҳозирги Челак шаҳри эканлиги, бу шаҳар ўрта асрлар ёзма манбаларида кенг ёритилган Видор шаҳри харобалари эканлиги, шаҳарнинг тарихий топографияси ишончли археологик маълумотлар ёрдамида кенг асослаб берилган.

А. А. Раимқулов томонидан 2012 йилда Нурота тоғларига қилинган экспедиция даврида Суғднинг энг шимолий нуқтасидаги “Темир дарвоза” кашф этилди. Бу муҳим кашфиёт тўғрисида маҳаллий ва хорижий нашрларда бир қатор илмий мақолалар чоп этилди.

А. А. Раимқулов айни кунларда институтнинг Ўзбекистон-Франция (Лувр) ҳамда Ўзбекистон-Туркия (Истанбул университети) халқаро экспедицияларининг Ўзбекистон томондан раҳбари сифатида Бухоро ва Қашқадарё воҳаларининг антик ва ўрта асрлар даври шаҳарсозлиги устида жиддий тадқиқотлар олиб бормоқда.

Олимнинг эътироф этишларича, унинг Самарқанд археология институтидаги узоқ йиллик фаолияти, эришган ютуқлари, муваффақиятларининг калити – бўлғуси олим институтга келган илк палладаноқ тақдир у кишини Аҳмадали Асқаров, Абдулаҳад Муҳаммаджонов, Ўткир Исломов, Юрий Буряков, Рустам Сулаймонов, Темур Ширинов каби археология соҳасининг етук ва машҳур олимлари билан учраштирди. Олим бир умр бу улуғ инсонлардан, улуғ устозлардан ибрат олиб яшади, ҳаёти давомида улардан ўрганган энг катта сабоғи – бу археология фанига, илмга бўлган ҳалол муносабат, камтарлик бўлди.

“O‘zbekiston arxeologiyasi” таҳририяти,
Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти жамоаси

Қисқартмалар рўйхати Список сокращений List of abbreviations

АИ – Археологические исследования.
АО – Археологические открытия
АКД – Автореферат кандидатской диссертации.
АП – Археология Приаралья.
АРТ – Археологические работы в Таджикистане
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АУ – Археология Узбекистана.
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ – Вестник древней истории.
ВККО АН РУз – Вестник Каракалпакского отделения Академии наук РеспубликиУзбекистан.
ВККФ АН – Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГМВ – Государственный музей Востока
ЗВОРАО – Записки Восточного отдела Русского археологического общества.
ЗКВ – Записки коллегии востоковедов.
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана.
ИНКВА – Международный союз по изучению четвертичного периода
ККО АН РУз – Каракалпакское отделение Академии Наук Республики Узбекистан
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР .
МАИКЦА – Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии
МБАЭ – Материалы Бухарской археологической экспедиции
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
МПАЭ – Материалы Пенджикентской археологической экспедиции
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции.
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГПИ – Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика.
ОНУ – Общественные науки Узбекистана.
РА – Российская археология
СА – Советская археология.
САГУ – Среднеазиатский государственный университет.
САИ – Свод археологических источников
СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.
СЭ – Советская этнография.
ТД – Тезисы докладов.
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТР. МАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ЭВ – Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Таҳририят манзили:
140151, Самарқанд шаҳри, В. Абдуллаев кўчаси, 3 уй. Телефон: (988 66) 232-27-75
Ўзбекистон Республикаси Президенти Администрацияси ҳузуридаги Ахборот ва оммавий коммуникациялар агентлигида 2022 йил, 06 декабрда
052038 – сон гувоҳнома билан рўйхатга олинган.

Теришга берилди 15.05.2024 йил. Босишга рухсат этилди 15.08.2024 йил.
Бичими 60x84 1/8. Шартли босма табоғи 49,5. Адади 100 нусха. Буюртма 13/4.

“Sardor poligraf” ОК босмахонасида чоп этилди.
Манзил: Самарқанд вилояти, Самарқанд тумани, Хишрав МФЙ.